
Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2018

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Роман НОВОЖЕЕВ. Угрозы и вызовы евразийской интеграции в XXI веке	10
Николай ИВАНОВ. США: новые методы террора	16
Владимир БОЛЬШАКОВ. Ведьма с Капитолийского холма. Цивилизация перекасти-поле	96
Людмила РЯБИЧЕНКО. Содом в предвкушении победы	151
Юрий КУБАСОВ. Наивный патриотизм	204

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Большая чистка. Главы романа-эпопеи «Жернова»	31
Валерий КОЖУШНЯН. «Отрешённый». Рассказ	114
Татьяна ГРИБАНОВА. Два рассказа	161
Татьяна НИКОЛЬСКАЯ. Предвестие бури. Рассказ	212

ПОЭЗИЯ

Стихи, опалённые войной	3
Анатолий АВРУТИН. Прощание с августом. Стихи. Предисловие Екатерины Полянской	84
Владимир ХОМЯКОВ. Молчаливая родина. Стихи	138

Валерий ЛАТЫНИН. По праву жизни. Стихи	145
Михаил ЛОКОЩЕНКО. Вечерняя звезда. Стихи	194
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Забывтый след. Стихи	201
Стихи поэтов России	227

РУССКИЙ ВОПРОС

Сергей КАРАМЫШЕВ. Миссия русского народа в XXI веке	235
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Не красные и не белые	240
--	-----

ЭКСПЕРТЫ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Читая Ильича...	251
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

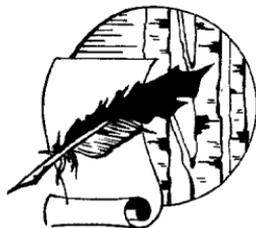
Павел РАСТА. Под прицелом	256
Валерий ФИЛИМОНОВ. Новости электронного концлагеря	260

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир СМЫК. Вперёд к Пушкину! (Перед кем предстоит писатель?)	262
---	-----

ИСКУССТВО

Нина БОЙКО. Рассказы о русских художниках	281
--	-----

СТИХИ, ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Анна АХМАТОВА

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

ПОБЕДА

1
Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки и ждут и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутом строем идут.

2

Вспыхнул над молот первый маяк,
Других маяков предтеча, —
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

3

Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, —
Так мы долгожданной ответим.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В то, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А всё еще бегом бежал
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,

Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забытый, маленький, лежу.

Константин СИМОНОВ

* * *

Не той, что из сказок, не той, что с пеленок,
Не той, что была по учебникам пройдена,
А той, что пылала в глазах воспаленных,
А той, что рыдала, — запомнил я Родину.
И вижу ее, накануне Победы,
Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Всё снесшей, всё вынесшей русскою женщиной.

Семён ГУДЗЕНКО

ПЕРЕД АТАКОЙ

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.

Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.

Сейчас настанет мой черёд,
За мной одним идёт охота.
Будь проклят сорок первый год,
и вмёрзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведёт через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.

Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

* * *

Мы не от старости умрем, —
от старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!

В нём горечь, хмель и аромат
заморской стороны.
Его принёс сюда солдат,
вернувшийся с войны.

Он видел столько городов!
Старинных городов!
Он рассказать о них готов.
И даже спеть готов.

Так почему же он молчит?..
Четвертый час молчит.
То пальцем по столу стучит,
то сапогом стучит.

А у него желанье есть.
Оно понятно вам?
Он хочет знать, что было здесь,
когда мы были там...

Сергей ОРЛОВ

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.
Он шёл к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

Виктор КОЧЕТКОВ

* * *

Что мне, солдату, осталось
После Второй мировой?
Ночи траншейной усталость,
Холод зари фронтовой.

Памяти тесная полка —
Перебирай до утра.
Ноющий след от осколка
Возле второго ребра.

В мирной толпе разноликой
Рвущее вдруг тишину
Эхо последнего крика
Друга, что пал на Дону.

Тёмная даль перелеска.
Стаи пролётной шнурок.
Солнцем омытый до блеска
Отчего дома порог.

Отсветы волжской излучки,
Месяц над старой вербой...
Горькая мука разлуки
С тяжкой и честной судьбой.

ДОНСКАЯ БАЛЛАДА

Среди грозового молчанья,
Среди верстовой тишины
Опять я скитаюсь ночами
По вязким дорогам войны.

Опять по ночам обрываю
Окопной тревоги струну.
Опять по ночам отрываю
Ячейку свою на Дону.

На среднем Дону и на нижнем
Опять пулемёты строчат.
В покинутом хуторе ближнем
Гармонь созывает девчат.

В суглинке приречных высоток
Как старенький крот шебуршу.
Промокшие ленты обмоток
На бруствере мокром сушу.

А там, за петляющим Доном,
Где кромка степи далека,
В блистающем небе бездонном
Плывут и плывут облака.

Я в чёрную мглу за рекою
Пляжу и гляжу не дыша.
И сладкою смертной тоскою
Заходится снова душа.

Борис СЛУЦКИЙ

ГОЛОС ДРУГА

Памяти Михаила Кульчитского

Давайте после драки
Помашем кулаками,
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.
Сейчас всё это странно,
Звучит всё это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов —
Фанерный монумент —
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.
За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту строку отличную,
Что мы искали ошупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мертвые,
За здоровье живых!

Юлия ДРУНИНА

* * *

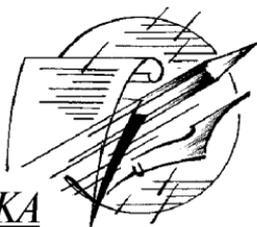
Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

Роман НОВОЖЕЕВ,
кандидат исторических наук

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В XXI ВЕКЕ

Чтобы продолжать интеграцию и давать адекватные ответы на возникающие угрозы и вызовы, мы должны реально оценивать свои возможности. Путь к победе, писал 2500 лет назад Сунь-Цзы в трактате «Искусство войны», лежит через глубокий анализ ситуации и оценку собственных возможностей.

На пространстве Евразии существует несколько интеграционных проектов — СНГ (с 1992 г.), ОДКБ (с 1992 г.), ЕвразЭС (с 2001 г.), ШОС (с 2001 г.). Следуя известной формуле Махатмы Ганди: «Сначала вас не замечают, потом над вами смеются, потом борются с вами. А потом, вы побеждаете», евразийская интеграция в настоящее время находится в точке борьбы. Нас заметили, над нами смеялись, а сейчас с нами борются. И фронт этой борьбы идет в разных плоскостях и на разных уровнях — военно-политическом, экономическом, культурно-информационном, образовательном, спортивном, идейном наконец. А цель любой борьбы — победа над противником. (Я буду использовать термин «противник», так как называть наших визави коллегами или партнерами уже нет никакого смысла. Они сами отказались от этого.)

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Нельзя недооценивать нашего противника. Он хитер и изворотлив. Он использует наши слабые места, и мы сами часто даем ему повод. «Война — это путь обмана, — писал Сунь-Цзы, — без него невозможна победа». «Война как один из методов политики требует умения отступить от добра», — утверждал 500 лет назад Макиавелли.

Более века назад Маккиндер выдвинул понятие географической оси истории, воплощением которой на карте мира является Мировой Остров, т.е. Евразия. Центром Евразии, ее сердцем, является Хартленд — Срединная земля, географически совпадающая примерно с границами Российской империи и СССР. Именно на пространстве Мирового Острова идет борьба за Хартленд. Тот, кто победит в этой борьбе, будет править миром. Россия в настоящее время окружена по всему периметру границ базами и другими военными объектами НАТО и США.

США любым способом пытаются закрепиться в Евразии и на постсоветском пространстве. Государства Прибалтики напрямую включены в структуры НАТО, в других постсоветских республиках действуют информационные центры, бюро и другие якобы невоенные объекты США и НАТО. Такое информбюро открыто в 2017 году в Кишиневе. А уже в этом году Агентство связи и информации НАТО получило доступ к базам данных, серверам и сетям вооруженных сил Молдовы. Иностранцы будут контролировать основные параметры криптографической защиты вооруженных сил страны, а в дальнейшем возьмут под контроль все государственные учреждения Молдовы.

В Казахстане, Киргизии, Украине, Молдове, Грузии, Азербайджане, Армении, Узбекистане открыты десятки биологических лабораторий и мониторинговых биостанций США с бюджетом в сотни миллионов долларов. Под видом сугубо гражданской направленности скрывается сбор разведданных, проводятся эксперименты с вирусами, ведется мониторинг флоры, фауны регионов. Сотрудники лабораторий наделены дипломатическим иммунитетом, а их деятельность засекречена. И я напомним, что Казахстан, Киргизия и Армения являются странами-основательницами и членами ОДКБ. К силам быстрого реагирования НАТО по периметру российской границы присоединились Финляндия, Швеция, Украина, Грузия, не являющиеся членами НАТО. Крупнейшие воинские контингенты находятся в непосредственной близости от России — в Германии и Японии (до 40 тыс. в каждой из стран). В Румынии и Польше строятся базы ПРО НАТО. Центр стратегической коммуникации НАТО работает в Риге. Участни-

ками особой партнерской программы НАТО являются — Украина, Грузия, Молдова, Азербайджан, Армения, Казахстан, Сербия.

Под нажимом США в ЕС создается система военного Шенгена — свободного перемещения воинских соединений и военных грузов по территории ЕС. Кто и что будет перемещать? Греция, Италия, Германия? Нет. Естественно, это создается для удобства США беспрепятственно передвигать свои контингенты по Европе.

Украина стала центром сбора разведанных, американские и натовские военные внимательно отслеживают опыт ведения войны на востоке Украины, так как армии ДНР и ЛНР построены и действуют по российским принципам. Не вступая открыто в войну, они получают ценную информацию о местности, о способах развертывания и снабжения, о методах ведения войны, психологии населения, о потенциальных возможностях тыловых территорий.

ОДКБ, существующая с 1992 года и включающая шесть бывших советских республик, имеет достаточно много уязвимых мест, которые может потенциально использовать противник. Это в первую очередь несогласованность военно-политических позиций стран-участниц. Например, наличие биологических лабораторий США, участие в программе «Партнерство ради мира», в которую входит, кстати, и Россия, участие в особых партнерских программах НАТО, участие в военных учениях. Так, осенью 2017 года руководство Армении заявило об участии военного контингента страны в учениях НАТО на территории Грузии. И только в последний момент Армения от участия отказалась без объяснения причин. С 2003 года на территории Казахстана регулярно проводятся международные миротворческие учения. В них участвуют военные контингенты стран — членов НАТО и стран СНГ (без России). В Казахстане по стандартам НАТО идет обучение контингента миротворческого батальона «Казбат».

Страны ОДКБ не приняли участия в российской операции в Сирии. Хотя могли бы поддержать Россию, отправив в САР саперные или медицинские подразделения, военную полицию, оказывать техобеспечение операции и не участвовать напрямую в боевых действиях. ОДКБ вызывает интерес у ряда стран. Но сложная внутривосточная обстановка в Сербии и катастрофическая в Афганистане — странах-наблюдательницах ОДКБ — не сделают организацию стабильнее после потенциального их вступления.

На постсоветском пространстве сохраняется напряженность на межэтнической почве. Так, на фоне столкновений между киргизами и узбеками, которые вспыхнули 10—13

июня 2010 года в городе Ош, глава Временного правительства Киргизии Роза Отунбаева обратилась к Дмитрию Медведеву с просьбой задействовать силы ОДКБ для разрешения вспыхнувших столкновений. Российская сторона, классифицировав конфликт в Кыргызстане как внутрисоветский, отказалась от введения сил ОДКБ. Последнее стало причиной резкой критики организации со стороны президента Белоруссии А. Лукашенко за «неспособность урегулировать ситуацию в государстве — члене ОДКБ».

Имея 20 тыс. КСОП (коллективные силы оперативного реагирования), 5 тыс. КСБР (коллективные силы быстрого развертывания), за 25 лет ОДКБ не проявила себя как эффективная организация. А всё потому, что ряд ее членов хотят усидеть на двух и даже трех стульях одновременно. А это ни к чему хорошему не приводит. В Госдуме было высказано предложение наложить более жесткие обязательства перед Россией на членов ОДКБ. Каждый наш союзнический договор должен носить взаимообязывающий характер. А не так: вышел из ОДКБ, вошел в ОДКБ, на каких-то политических площадках поддержал, на каких-то не поддержал. Сегодня улыбаюсь России, а завтра, задрав штаны, бегу на учения НАТО. Надо нам себя позиционировать более жестко.

Важным стратегическим партнером России является Китай. При том, что негласно между РФ и КНР существует договоренность о том, что постсоветское пространство — это сфера РФ, Китай не оставляет надежд на укрепление и своих позиций. Он аккуратно выдёргивает из ОДКБ слабых участников. Так, в августе 2016 года по инициативе КНР Афганистан, Пакистан, Китай и Таджикистан заявили о четырехстороннем военном сотрудничестве.

Вызывают опасения амбиции нынешнего ситуационного союзника России — Турции. Эти амбиции можно обозначить термином «неоосманизм». Особое внимание в своей политике Анкара уделяет тюркским республикам постсоветского пространства. С начала 1990-х годов Турция пытается выстроить с этими республиками различные «интеграционные поля» в культурной, образовательной и экономической сфере. С 1992 года проводится саммит государств тюркоязычных народов, который в 2009 году перерос в международную организацию — Совет Сотрудничества тюркоязычных народов (Тюркский совет). Участниками этой организации являются Турция, Азербайджан, Киргизия и Таджикистан. С 1998 года Турцией, Казахстаном, Азербайджаном, Киргизией и Туркменистаном проводится Конференция глав специальных служб тюркоязычных государств. Кроме того, в

последнее время специалисты отмечают тенденции усиления «мягкой силы» Турции в Центральной Азии и некоторых субъектах России, проводниками которой являются различные турецкие фонды и организации (ТИКА, ТЮРКСОЙ, например). Эффективность турецкой мягкой силы ярко проявляется в Гагаузии.

Болевыми точками интеграции и потенциальными направлениями ударов противника являются экономика, тлеющие межнациональные конфликты. Противник может применять целый ряд болезненных инструментов для достижения своих целей, используя рычаги экономического воздействия. Сохраняется олигархизация экономики на постсоветском пространстве. Идет отток капиталов. Активы евразийских государств хранятся в зарубежных финансовых институтах в зарубежных ценных бумагах. Страны Евразии включены в обязательства перед транснациональными компаниями и международными финансовыми структурами, в которых лидируют США. Всё это позволяет противнику использовать режимы персональных, коллективных и других видов санкций. Экономическая элита ряда стран находится в полной американской зависимости. И тогда чья это элита?!

Приведу лишь несколько примеров. Так, бывший главный судья Англии и Уэльса лорд Гарри Вульф был назначен в этом году главой высшего экономического суда в Казахстане, который создан на базе Международного финансового центра Астаны. В нём помимо Гарри Вульфа будут работать еще 8 судей из Великобритании. «Это первый суд такого рода в Евразии», — сказал лорд Вульф. Право МФЦА ориентируется на принципы, нормы и прецеденты права Англии и Уэльса и стандарты ведущих мировых финансовых центров. На территории МФЦА правосудие будет основано на английском праве. «Это то, в чём они (казахстанцы) вообще не имеют опыта», — сказал Г.Вульф. — Это будет признаком независимости суда и его судей». Вопрос — зачем? Почему высший экономический суд отдан в распоряжение британской короне? Другой пример добровольного самоограничения национального суверенитета — все судьи КС Молдовы имеют гражданство Румынии. Так в чьих интересах будет работать суды Молдовы и Казахстана?

Серьезной угрозой для успеха ЕвразЭС выступают экономические ограничения, наложенные на Россию странами Запада в рамках реализации санкционной политики. Наши союзники — как Минск, так и Астана не заинтересованы в конфронтации на какой бы то ни было стороне. Другой, уже более фундаментальной проблемой ЕвразЭС является сырьевой характер экономик России и Казахстана. Это создает

риски, обусловленные прямой зависимостью экономики ЕвразЭС от цен на углеводороды, в частности, на нефть. В то же время, универсальных рецептов и рекомендаций по способам перестройки экономик стран ЕвразЭС на инновационные рельсы эксперты не дают.

Препятствием для масштабного развития евразийского интеграционного процесса являются нерешенные противоречия на постсоветском пространстве. Например, одним из таких противоречий является проблема водопользования в Центрально-Азиатском регионе. Суть проблемы заключается в неравномерном распределении водных ресурсов. С одной стороны, необеспеченные энергоресурсами «горные» страны региона Таджикистан и Кыргызстан контролируют основные водные артерии (бассейны рек Амударья и Сырдарья), а промышленно развивающиеся, энергетически обеспеченные Казахстан, Узбекистан и Туркменистан находятся от первых в определенной зависимости. Следует отметить, что в период существования СССР, при столь нелюбимой многими современными политиками плановой системе экономики, проблема подачи воды для нужд народного хозяйства решалась именно из единого центра — Министерства водного хозяйства СССР. И только после распада СССР, когда этот единый механизм управления был разрушен и появились собственные планы ведения хозяйства у каждой из бывших союзных республик, возникла конфликтная ситуация. В СМИ и в политических кругах Киргизии, Казахстана и Узбекистана водная тема стала подниматься и обсуждаться уже под явным ракурсом обвинений в адрес своих соседей. Разжечь тлеющий водный конфликт также возможно. А ведь за этим стоят судьбы миллионов людей и будущее государств Центральной Азии.

Конечно, лучше всего побеждать не вступая в сражение, как говорил Сунь-Цзы. Россия показала, что эффективно смогла это делать в ситуации с возвращением Крыма. И мы всегда оцениваем свой потенциал. Без этого невозможна победа. Президент В. Путин в 2007 году в Мюнхене заявил, что «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня. Вместе с тем, мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал».

Борьба за интеграцию в Евразии будет продолжаться. И мы должны использовать более эффективную, отвечающую духу времени тактику для достижения нашей стратегической победы.

США: НОВЫЕ МЕТОДЫ ТЕРРОРА

В истории человечества всегда, когда появляются новые виды вооружений и новые технологии, это дает преимущества одной из стран (группе стран), которыми они сразу же стремятся воспользоваться и расширить свою власть и господство над теми «неудачниками», которые не сумели должным образом подготовиться к новой войне. Создание океанских судов и появление огнестрельного оружия позволило европейским странам захватить почти весь мир и превратить эти территории в зону своего колониального владычества, безудержной эксплуатации, беспощадного насилия и работорговли.

Изобретение танков, подводных лодок, пулеметов, отравляющих газов стало непреодолимым соблазном для начала Первой мировой войны, приведшей к краху главных монархических режимов Европы.

Создание ядерного оружия и его чудовищное «испытание» на мирных гражданах Хиросимы и Нагасаки на исходе Второй мировой войны породило эйфорию в правящей элите США и немедленно привело к разработке планов атом-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ной бомбардировки СССР, союзника (!) в только что закончившейся Мировой войне. Однако при тогдашней технологии потребовалось несколько лет, чтобы накопить достаточный арсенал подобного оружия. А за это время Советский Союз сумел ценой героических усилий наших предков создать свое собственное «оружие устрашения» и избежать страшной участи.

В настоящее время успехи в компьютеризации, интернет-технологиях (наряду с многочисленными изобретениями в области биологической, химической войны, новыми образцами космического оружия) также подогревают сладостные фантазии американских агрессоров. Многие из нынешних «ястребов», занимающих весьма влиятельные посты в американском истеблишменте, уже готовы «нажать все кнопки» в расчете на то, что можно добиться победы над Россией в считанные часы.

В чистом виде кибервойна может привести к полному отключению страны от Интернета (подобный эксперимент проводился американцами в отношении Северной Кореи в декабре 2014 г.), одновременном использовании диверсионных «закладок» в компьютерном софте (а признаки подобных «бомб» были обнаружены европейскими экспертами в стандартных программах, используемых повсеместно в мире, например в продукции компании «Майкрософт») для уничтожения хранящихся данных, организации сбоев в работе систем и даже физическом ущербе компьютерному «железу». Огромный урон может быть нанесен повсеместно, где используется американская техника с подобными «закладками», латентными вирусами и выходом в Интернет — в промышленности, энергетике, на транспорте, в военной области, в космосе, финансово-денежном обращении.

Доклады американских экспертов по кибертерроризму показывают, что с помощью кибератак можно полностью вывести из строя оборудование ТЭЦ, атомных энергоблоков, гидроэлектростанций, электросетей (генераторы и трансформаторные станции), погрузив страну противника в темноту как минимум на несколько месяцев. Ущерб от подобных атак, способных лишить противника электроэнергии на длительный период, может быть сравним с материальными потерями воюющих стран во время Второй мировой войны.

Особенностью нынешнего этапа является полная безнаказанность страны-агрессора. Для того чтобы скрыть «государственный след» в применении кибероружия, используются индивидуальные хакеры и их сообщества, подобно тому, как в XVI веке английская королева Елизавета I поощряла пира-

тов, давая им лицензии на «каперство» (безнаказанный грабёж и уничтожение испанских галеонов).

Уличить эти частные группы или индивидуальные хакеров в связях с государством практически невозможно, и их используют в виртуальном пространстве подобно тому, как применяют «полувойенные формирования» («эскадроны смерти» или частные военные компании) в обычных американских армейских операциях или карательных рейдах.

При всем огромном ущербе, который может причинить кибертерроризм, он применяется только в совокупности с другими методами, которые в целом называют «информационной войной». (Эти две ипостаси современной войны настолько связаны друг с другом, что довольно часто «кибертерроризм» во многих экспертных работах является синонимом «информационной войны».) Одновременно используются кибератаки, «черная» и «серая» пропаганда, обычный терроризм (убийства известных политиков, дипломатов), кампании запугивания и шантажа, массового подкупа влиятельных лиц. Как и любая война, кибервойна направлена на разложение противника, создание прослойки предателей, подавление воли к сопротивлению, моральное закабаление народа. Активизация кибертерроризма обычно происходит в преддверии войны или организации государственного переворота.

Печальный опыт Ирака

В силу «прагматической» позиции, занятой российским руководством по отношению к агрессии США в Ираке, россиянам до недавнего времени практически ничего не было известно о кибератаках и кибертерроре, предпринятых американцами в преддверии вторжения.

С начала 2000-х годов «американские хакеры» (на самом деле структуры ЦРУ и АНБ) использовали все известные на тот момент технологии кибертерроризма. Они основательно «почистили» счета иракских банков, устроили серию диверсий и актов саботажа, больно ударивших по экономике страны, внедряли вредоносные вирусы в жизненно важные системы управления, взламывали базы данных, прослушивали телефонные разговоры, ежедневно следили за политическими и военными деятелями страны. Важным техническим средством для осуществления кибертеррора стало использование DDOS-атак и перемаршрутизация (и последующее прекращение) интернет-трафика через американские фирмы.

С 2002 г. мощные кибератаки сопровождалась кампанией террора, шантажа, запугивания, направленной против ирак-

ской политической и экономической элиты. Используя новейшие достижения, ЦРУ и Пентагон взломали и проникли в информационную систему госорганов Ирака и напрямую обратались к каждому из деятелей правящей партии БААС и военного командования, бомбардируя их факсами, электронными письмами и телефонными звонками и призывая устроить государственный переворот, выдавать США государственные и военные тайны (разумеется, на возмездной основе), приказывать войскам дезертировать после начала боевых действий и совершать другие действия, направленные на саботаж и подрыв власти Саддама Хусейна и иранского государственного аппарата.

Тех, кто соглашался на предательство, умело, до поры «прикрывали» в информационном пространстве, описывая их как «верных сторонников диктатора». Тех же, кто отказывался, подвергали ежедневным провокациям (вплоть до публикации под их именами враждебных Саддаму статей и блогов).

Как только началась наземная операция, ВВС США стали наносить удары прежде всего по государственным учреждениям и квартирам (виллам) тех представителей элиты, которые отказались сотрудничать с ЦРУ (по заранее утвержденному списку). Ракеты с лазерным наведением и другие средства нанесения точечных ударов использовались не только для подавления линий связи военного командования, но и для обеспечения открытости каналов распространения дезинформации и передачи указаний своим высокопоставленным агентам.

Кибервойна против правительства и военного аппарата Ирака оказалась довольно успешной. Международная пресса сразу же после окончания боевых действий была переполнена историями о подкупе иракских военных и политических лидеров (включая высокопоставленных чиновников и нефтяных олигархов), которые соглашались сотрудничать с ЦРУ и Пентагоном в обмен на обещание щедрой оплаты.

Одна из наиболее известных историй касается главы «Специальной (самой элитной!) Республиканской Гвардии», генерала Махера Суфьяна аль-Тикрити — близкого родственника Саддама. Он приказал своим частям прекратить сопротивление американским войскам после того, как, по его словам, заключил «денежное соглашение» с США.

Через месяц после окончания войны американский генерал Т.Фрэнкс (командующий Центральным командованием вооруженных сил США), ответственный за планирование и реализацию вторжения в Ирак, отметил: «Фактически с началом кибератаки 2002 г., то есть за год до начала операции

«Шок и трепет», спецгруппы ЦРУ и Пентагона активно действовали на территории Ирака, подкупая чиновников, бизнесменов и генералов... У меня скопились горы расписок, в которых подкупленные иракские деятели давали письменное согласие работать на США».

Какими бы ни были прямые последствия этой подрывной деятельности США, вторичные последствия были еще хуже. Учитывая специфику властной структуры правящей партии БААС, Саддам всегда больше всего боялся военного переворота. После того, как США начали кибератаку, некоторые представители режима стали честно докладывать о том, что их пытаются подкупить американцы. Стали приносить эти послания в полицию или вышестоящему начальству.

Таким образом иракский президент полностью осознавал масштабность американской операции, и это многократно усиливало его страхи. За несколько дней до начала войны он стал резко «закручивать гайки». Например, он запретил общение командующих дивизиями и корпусами между собой. Стал неожиданно перемещать генералов с одного места службы на другое. Поставил лидеров правящей партии БААС над военным командованием, причем приказы командиров любой воинской части, начиная с роты, должны были предварительно одобряться партийными функционерами.

Однако неразбериха в иерархии командования, созданная этими мерами, подрывала эффективность армии в условиях вторжения американских оккупантов. После войны один из генералов, оставшийся лояльным по отношению к Саддаму, описывал хаос и неспособность к полноценному ведению боевых действий вследствие того, что соседние части и соединения не могли даже контактировать друг с другом: «Это сократило до минимума количество и качество информации, поступавшей из войск, соответственно срывая возможности какого-либо стратегического или тактического планирования». Так как военачальники были поставлены под жесткий контроль гражданских политиков из БААС, Багдад получал сообщения о ходе боевых действий не от военных, а от политиков. Более того, принятые меры просто-напросто устранили ключевых военачальников и их штабы из цепи командования.

Когда захваченных в плен высших иракских офицеров следователи из ЦРУ просили рассказать о самых главных факторах, приведших к быстрому катастрофическому финалу войны, они отмечали в качестве одной из главных причин «тиранические мероприятия по обеспечению безопасности в армии». Таким образом, еще до начала войны кибератака США привела не только к вербовке десятков предате-

лей среди высшего командования, но и к тому, что всеобщая подозрительность привела к параноидальному поиску «внутренних врагов», «агентов ЦРУ», лихорадочному и порой бездумному «закручиванию гаек», что значительно ослабило структуру командования иракскими вооруженными силами.

Именно по этой ослабленной структуре американцы начали наносить точечные удары с помощью GPS и бомб с лазерным наведением. Авиация США (и сколоченной ими «коалиции») сровняла с землей в течение короткого времени все госучреждения, известные американцам штабы и бункеры иракской армии, а также квартиры и резиденции ведущих политиков и партийной элиты БААС. Хотя погибло относительно немного функционеров, выбранных в качестве мишени, однако угроза, нависшая над всеми лояльными Саддаму лицами, привела к слому управления войсками. Для того чтобы избежать гибели от высокоточных американских ракет, иракские политические и военные лидеры избегали появляться в каких-либо зданиях и бункерах, они перестали пользоваться телефонами и радиосвязью, что оставляло войска без командования, связи и информации о реальном положении дел.

После войны иракские генералы горько сетовали на то, что гражданские политики поставили их в практически безвыходное положение. Какие-либо самостоятельные действия на поле боя, предпринятые без согласования с политиками БААС, могли привести к разжалованию и смертному приговору, а слепая неподвижность перед лицом противника, неизбежно обрекала их на поражение.

Несомненно, самый большой ущерб от кибератак состоял в том, что Саддам был вынужден предпринимать невероятные усилия для поддержания своей личной безопасности. Он боялся доверять даже самому ближайшему окружению. После начала боевых действий президент скрылся в одном из своих тайных убежищ. Постоянно перемещаясь от одного «схрона» к другому, он тщательно следил за тем, чтобы рядом с ним не было людей с телефонами, рациями и другими электронными устройствами.

Из-за всех этих экстраординарных мер военачальники и политики были вынуждены ждать часами, а иногда и днями аудиенции или совещания у главнокомандующего. И то, что они не могли принимать самостоятельные решения, исходя из реальной боевой обстановки, не согласовав их с Саддамом, также резко снижало боеспособность иракцев.

Одним из ярких примеров этого «театра абсурда» было решение о переброске войск, принятое Саддамом на основа-

нии полученных ложных сведений. Американцы начали наступление на Багдад с юга 2 апреля, а Саддам получил информацию, что атака готовится с запада. Хусейн приказал генералу Р. аль-Хамдани перебрасывать войска с южного направления. Хамдани точно знал, что наступление будет на его участке, он даже смог убедить в этом сына Саддама Кусея. Однако оба они были не вправе не исполнить полученный приказ, в результате чего южный фронт был оголен.

В подобных ситуациях даже не было вины Саддама. Просто в результате принятых мер безопасности разведсообщения с мест приходили со значительным опозданием (иногда на несколько дней), что стало фатальным в условиях быстро развивающегося наступления войск США.

Таким образом, результатом кибервойны США стало полное отсутствие управляемости иракскими войсками. Американские генералы Т.Франкс и Д.Маккирнан отмечали: «Режим не имел никакого представления о том, что реально происходит. Они не знали, где находятся американские войска, они не знали даже, где находятся их собственные войска!».

Саддам Хусейн, лишенный связи, перебирался тайком от одного подземного схрона к другому, пока в городке Ад-Давр, неподалеку от Тикрита по наводке одного из своих самых доверенных лиц его не захватили 13 декабря 2003 г. бойцы элитного суперсекретного отряда «121» во время операции Пентагона и ЦРУ под названием «Красный рассвет». После нескольких лет физических и психологических пыток со стороны американских «спецов» (следы побоев были зафиксированы медиками, приглашенными адвокатом Хусейна), он прошел через злобный, издевательский фарс «демократического суда» и был повешен 30 декабря 2006 г. Его сыновья Кусей, Удей и 14-летний внук Мустафа были убиты американцами в июле 2003 г.

«Нефтяное проклятие»

Помимо офицеров и генералов среди «иуд», купленных в ходе кибератак, оказалось очень много государственных чиновников, бизнесменов, членов правящей партии и либеральной интеллигенции (тайно мечтавшей о «свержении тирана» и державшей «кукиш в кармане»).

Приближенная к власти творческая элита — артисты, деятели культуры, политологи, ведущие журналисты получали хорошие барыши, строили виллы в Майами и других мировых курортных местах, имели многомиллионные счета в за-

падных банках, получали любые блага и, как они выражались прямо, «продавали себя богатым и влиятельным людям».

Основу действенности американских кибератак представляла всеобщая продажность, которая достигла астрономических размеров. Как известно, «проклятие» всех нефтяных стран состоит в том, что коррупция достигает неимоверных размеров, она становится всеобщей средой, в которой люди проводят ежедневную жизнь.

Создаются синдикаты и сплоченные клики высших чиновников и политиков. Эти шайки, смыкаясь с криминальным миром, подключают к себе банки, компании в различных секторах экономики, телевидение и другие СМИ, полицию и органы безопасности. На законодательном уровне проталкиваются законы, которые позволяли бы коррупционерам беспрепятственно вывозить их капиталы, отмывать их, прятать в офшорах и т.п.

Гражданские коррупционеры смыкаются с военными. Аудит общественных организаций не проводится в госучреждениях никогда! А те, кто пытаются разобраться в хитросплетениях коррупционеров, подвергаются шантажу, тюремным срокам за несовершенно совершенные преступления, избиениям «неизвестными хулиганами», а при особой «настырности» заканчивают свой жизненный путь от руки платных киллеров.

Авторитаризм и «культ вождя» также создавались за счет опоры на добычу сырья. Нефть оказала сильнейшее воздействие на экономическую политику и позволила Саддаму быть исключительно щедрым по отношению к своим приверженцам, к клике из бизнесменов, военных и правящей партии. Имея в своем распоряжении нефтедоллары, он, как и многие другие лидеры нефтедобывающих стран, строил свое окружение на почитании «вождя», считая себя незаменимым. Это убеждение поддерживалось его окружением, боящимся при смене власти потерять сказочные привилегии и огромные «дармовые» деньги. Культ личности поддерживался тем, что если выдавались какие-либо награды или денежные поощрения, они выдавались «по приказу президента» или как «подарок от вождя своему народу». Вручали даже особые карточки «Друзья президента и вождя Саддама Хусейна», которые давали их обладателям различные льготы и преимущества.

Нефть сформировала экономику Ирака даже в таких далеких от нее сферах, как трудовая миграция и денежные переводы граждан. Но она также привела к колоссальным перекосам в размещении ресурсов, пренебрежении к гармоничному развитию добывающей и обрабатывающей промыш-

ленности, к расширяющейся пропасти между богатыми и бедными. Было предложено много проектов, как вывести Ирак из нефтяной ловушки, диверсифицировать экономику, сократить разрыв между «верхами» и «низами». Но все они наткнулись на непреодолимое противодействие правящей клики.

Создалась типичная ситуация «голландской болезни»: поскольку в ваших руках есть отличный доход из одного источника, вы откладываете на неопределенный срок развитие других источников. Богатая на нефти, можно не утруждать себя заботами о чем-либо еще.

Авторитаризм лидера и заинтересованность в нем политической и экономической элиты стали в конечном итоге причиной внутренней слабости страны. Вместо того чтобы заниматься решением реальных сложнейших проблем, нефтяные прибыли использовались лишь для сохранения существующей власти Саддама. В какой-то степени сам президент стал заложником своего окружения.

Полная смычка власти и нефтяного бизнеса способствовала росту и повсеместному распространению коррупции. Плутократия, власть, основанная на постоянных подачках, разложила всё общество. И его элиту уже было весьма несложно «перекупить» спецам по кибертерроризму из Лэнгли.

Награда предателям

Во-многом благодаря американскому кибертеррору Ирак был превращен американцами в руины, погибло огромное количество людей — более 1,5 млн., среди которых 90% составили гражданские лица, включая женщин и детей. Сравнили с землей жемчужины мировой цивилизации, включая ее колыбель — Вавилон.

Как же американцы отплатили своим «агентам влияния», иракским предателям? Огромное большинство генералов и офицеров иракской армии, согласившихся сдать свои позиции и выполнить любые требования США, после капитуляции открыто жаловались в прессе на то, что ЦРУ вообще не заплатило им за предательство, хотя они полностью выполняли приказы своих американских кураторов.

Те из них, кто выжили, влачили жалкое нищенское существование. Оккупационные власти жаловались Вашингтону, что для того, чтобы не было массовых голодных бунтов, им приходится тратить «огромные средства» на содержание бывших военнослужащих иракской армии, «не получая от

них никаких услуг взамен». Журналисты подсчитали, что эти «огромные средства» в расчете на одного человека представляли 1—2 доллара в день!

Недовольство военных выплеснулось в восстание в Фаллудже. Бывшие офицеры и ополчение 200-тысячного города продержались против атак американцев с апреля по ноябрь 2004 г. Соппротивление удалось подавить лишь после применения запрещенного во всем мире химического оружия — белого фосфора (боеприпасы с ним выжигали все живое в радиусе 150 м.). Потери среди мирного населения исчислялись десятками тысяч. И последствия американской операции «Ярость Фантома» сказываются до сих пор — уровень онкозаболеваний в городе в 40 раз превышает средний уровень в других местах.

Требовалось срочно решить проблему иракских военных. Именно тогда у министра обороны США Рамсфелда и других неоконво-ястребов родилась отличная идея — использовать их против правительства Асада в Сирии, очередной мишени Вашингтона в борьбе за мировую гегемонию. Так как правящим кругам США приходилось сталкиваться с возрастающим сопротивлением мирового сообщества и действовать с оглядкой на ООН, наилучшим выходом представлялась война против Сирии руками самих же арабов. Иракских военных (в массе своей суннитов) стали вербовать в ИГИЛ* — организацию, созданную ЦРУ якобы для проведения «религиозного джихада» с конечной целью создания «мирового халифата».

В настоящее время даже представители политической элиты Запада (например, экс-министр иностранных дел Великобритании Д. Милибенд, бывший премьер-министр Т. Блэр и др.) признают определяющую роль США в создании, снабжении оружием и военных операциях ИГИЛа. Таким образом предателям Ирака в итоге нашлась достойная роль «пушечного мяса» в кровавых авантюрах Пентагона и ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке. И с ними особо не церемонятся — вчера США вербовали их в ряды ИГИЛа, сегодня могут прикончить в очередной военно-рекламной операции в Мосуле, направленной на дезинформацию мирового общественного мнения, создание имиджа «непримиримых борцов с терроризмом».

Не лучше обстояло дело и с нефтяными магнатами, которые дистанцировались от Саддама, фактически участвовали в экономическом саботаже против него, рассчитывая после победы американцев на сохранение своего нефтяного благополучия. Их миллиарды в офшорах быстро конфисковали,

значительную часть «олигархов» просто «зачистили» во время оккупации, остатки же в панике разбежались в разные стороны. Многие нашли прибежище в Эмиратах, и оттуда пишут жалобные письма и петиции с требованием соблюдать «национальные приоритеты» в дележе огромных нефтяных богатств Ирака. Но кто их будет слушать?

Все государственные компании были ликвидированы, довоенные контракты (в том числе с Россией и Китаем) аннулированы. Еще бы, ведь именно из-за нефти и затевалась вся «глобальная война с терроризмом»! Новая конституция Ирака, принятая в 2005 г. по указке США, а также другие законодательные акты гарантируют господствующую роль иностранных компаний в добыче нефти. Рокфеллеровский гигант «Еххон» и ротшильдовский «ВР» прочно и надолго засели в Ираке и поделили между собой гигантские нефтяные поля Ирака.

А что же иракская либеральная интеллигенция? Уж она-то, казалось, наверняка получила по заслугам, учитывая прямое сотрудничество с ЦРУ, постоянные «подъездыкивания» в сторону «тирана» в прессе, защиту с пеной у рта «либеральных ценностей», восхваление Америки и Голливуда (в пригородах столицы шли бои, а в багдадских кинотеатрах крутили американские боевики, где brave парни из ЦРУ сотнями уничтожали злодеев — «арабских террористов»). Но нет, и в отношении этой говорливой и продажной публики американцы ничуть не церемонились. В «стратегии хаоса» предусмотрена ликвидация любой культурной жизни на территории завоеванных «стран-изгоев», низведение их населения до уровня каменного века, сужение культуры лишь до фанатической преданности Аллаху и ненависти к «неверным».

Оккупантами были разрушены и сожжены все библиотеки, учреждения здравоохранения, образования (школы и вузы), культурные центры, уничтожены даже все статистические центры, данные переписей населения, рождений и смертей (чтобы нельзя было подсчитать точное количество жертв). Основной удар, безусловно, нанесли по научно-исследовательским центрам и ученым (как гуманитариям, так и представителям фундаментальных и прикладных наук). А ведь Багдад всегда считался самым престижным центром науки в арабском мире (если говорить об истории, то вся университетская наука в Европе была построена по примеру багдадских университетов VIII века!).

Все фонды и лаборатории были стерты с лица земли. Спецкоманды рейнджеров из «частных охранных предприятий» (киллеры из «Blackwater» и других «эскадронов смер-

ти») целенаправленно охотились за профессорами, доцентами и научными сотрудниками, убивая их тысячами. После вторжения 2003 г., по данным, опубликованным в египетской прессе (и не оспоренным оккупационными властями Ирака) ежегодно уничтожалось более 300 иракских ученых. Из страны эмигрировало более 20 тысяч преподавателей и научных сотрудников. Даже ооновская организация ЮНЕСКО, контролируемая Вашингтоном, в 2007 г. опубликовала обращение к американцам с просьбой обеспечить «безопасность» преподавателей и студентов вузов, отметив, что «вся система образования и науки в Ираке находится на грани полного исчезновения». Но отстрелы продолжались и в последующие годы. В 2008 г. был зверски убит последний иракский нейрохирург, и его растерзанное тело обнаружено на городской свалке...

Не избежали печальной участи и журналисты. Американцами отстреливались все, против которых были даже малейшие подозрения в оппозиционности оккупантам или стремлении к сохранению традиционных национальных ценностей. Под нож стали попадать и просто «гнилые интеллигенты», которые ранее так стремились слиться в глобалистском экстазе с «главной культурной нацией мира» — США. Борзописцы и творческая интеллигенция с двойным гражданством поспешили выехать в Израиль. О масштабах бегства свидетельствует то, что, по данным статистики, количество иракских евреев-иммигрантов возросло в этой стране с 200 тысяч до 450 тысяч после начала «Шока и трепета» — то есть увеличилось более чем в два раза! Конечно, тысячами выезжали и в другие страны — США, Европу, Иорданию, Эмираты...

Возможности отпора

Не секрет, что в настоящее время в информационном и киберпространстве ведется яростная война против России. Цель — подготовить «российский майдан», произвести государственный переворот с перспективой раскола России в ближайшие годы на 5—7 «незалежных» стран и полного подчинения колонизаторам из США и Израиля. В октябре 2016 г. вице-президент США Дж. Байден открыто заявили о начале полномасштабной кибервойны против России.

Война ведется напрямую из Лэнгли, из европейских стран, путем организации хакерских групп в Грузии, Латвии, Литве, Эстонии, Польше, Киргизии, Казахстане. Согласно документам «Викиликс» против России проводится одновре-

менно более сотни различных скоординированных кибератак. Противник пользуется тем, что у нас повсеместно используется западное компьютерное оборудование и софт, которые напичканы «закладками», способными в любой момент привести к сбоям и диверсиям на жизненно важных объектах — электростанциях (в том числе атомных!), трубопроводах, системах добычи и переработки полезных ископаемых, транспорте.

Российские толстосумы совершают крупнейшую ошибку, храня свои миллиарды в офшорах, так как благодаря киберразведке все их электронные счета хорошо известны в ЦРУ и при отказе от сотрудничества будут сразу же конфискованы. (Даже при согласии сотрудничать, как показывает опыт Ирака, эти средства в конечном итоге пополнят счета главных мародеров с Уолл-стрита).

Риску подвергают свои жизни те, кто ездит на иностранных элитных авто, летает на американских «Боингах», да и на российских самолетах, начиненных западной электроникой. В печати неоднократно появлялись сообщения о том, что неудачи с запусками ракет были связаны с «ненадежностью» компьютерных чипов, сделанных по западным лицензиям в азиатских странах. Некоторые крупнейшие железнодорожные и автокатастрофы последних месяцев вполне укладываются в рамки кибертерроризма.

Кибервойна органически включает кампанию шантажа, угроз и политических убийств патриотически настроенных деятелей. Достаточно вспомнить, что «мишенями» в недавнее время стали опытные российские дипломаты, обладавшие мощным влиянием на политическую элиту и общественное мнения стран, где они представляли интересы России. В.И. Чуркин, российский представитель в ООН, яркий политик, открыто выступавший с трибуны ООН против американского и израильского империализма, «неожиданно» умер на своем рабочем месте 20 февраля 2017 г. У него были широкие связи и контакты с политиками США и других стран, придерживавшихся антиимпериалистических взглядов. А до него 19 декабря 2016 г. во время открытия выставки, был зверски и публично убит сотрудником турецкой спецслужбы (!) российский посол в Турции А.Г. Карлов.

Есть ли возможности для отпора кибертерроризму (а, возможно, и военному противостоянию)? Конечно, многие скажут, можно создать технические средства, которые бы заблокировали кибератаки, наладить производство своих компьютеров, «софта», электронных чипов, мобильных телефонов, телевизоров и прочих «гаджетов» (хотя даже это требует экстр-

раординарных усилий, энергии и воли чиновников, концентрации финансовых средств, огромных капиталовложений в российскую экономику, а не в офшорные счета на Каймановых островах). Но как решить основную задачу — избавиться от предательской «пятой колонны»? Ведь в принципе можно подкупать и шантажировать чиновников, военных, журналистов не только через Интернет, но и через открытые каналы и прямые контакты.

В разгар кибератак против Ирака в начале 2000-х годов многие честные и патриотически настроенные иракские эксперты давали Саддаму советы, которые были очевидными для всех. Прежде всего надо было установить полный контроль над финансами страны. Отменить порочную привязку к доллару. Минимизировать и свести на нет иностранные инвестиции и кредиты (доходы от них шли противнику — США, а не в бюджет Ирака, они использовались для подкормки «пятой колонны», максимального ослабления национальной валюты и организации биржевых крахов). Взять под полный контроль Центробанк и поганой метлой выгнать оттуда либеральных «монетаристов» и «рыночников», подрывающих национальную валюту. Увеличить эмиссию денежных средств и обеспечить кредитами экономику.

Взять под полный контроль филиалы транснациональных корпораций, которые во всех войнах и госпереворотах играют решающую роль в создании обстановки саботажа, сбора ценнейших разведанных, прикрытия работы спецагентов и диверсионных команд (достаточно вспомнить деструктивную роль ИТТ, «Макдональдз», «Кока-Колы» и других американских компаний в свержении правительства Альенде в Чили в 1973 г, в недавних событиях в Бразилии и Венесуэле).

Снизить зависимость правительства от нефтяных и прочих олигархов, ориентированных на Запад, переводящих туда миллиарды долларов. Отказаться от порочной практики приватизации и сосредоточить главные экономические рычаги в руках государства. Бросить все силы и средства на развитие «оборонки». Максимально диверсифицировать экономику. Ускорить процессы импортозамещения. Снизить зависимость власти от либерально-монетаристских экономистов и политиков. Искать опору не среди «эффективных менеджеров», а среди честных технократов, не рантье, а предпринимателей, не спекулянтов, а производителей. Иными словами, надо перейти к национальному, общественному и производительному характеру развития экономики.

В сфере культуры — надо было бороться против пустых, бессодержательных и вредных голливудских фильмов, про-

тив американизации молодежи. Ведь она составляет обширную «матрицу», на которой произрастают антинациональные, предательские настроения. Бороться за чистоту языка, убирать американские вывески и рекламу, а также иностранщину в прессе.

Главная задача — «революция в головах» людей. Необходимо было изменить ценностную ориентацию общества. Вместо потребительства, гедонизма, эгоизма, развлечений, получения максимального удовольствия — целенаправленно воспитывать культ долга, ответственности, служения Родине, товарищества, коллективизма, взаимовыручки, творческого труда.

Но Хусейн (прежде всего под влиянием угодливых «придворных») не прислушался к мудрым советам. А ведь можно было создать из иракского общества монолит, о который американцы со своим кибертерроризмом обломали бы зубы. Да и открытая война пошла бы по совершенно иному сценарию. Ведь даже самые оголтелые «ястребы» из Пентагона подсчитали, что если потери американцев в первые недели боевых действий превысят 20 тыс. человек, то придется бесславно заканчивать операцию из-за роста недовольства внутри США. И, глядишь, «Шок и трепет» постиг бы не иракцев, а самих американцев, и не помогли бы им никакие самые изощренные «кибератаки».

* И г и л — террористическая организация, запрещенная в России.

БОЛЬШАЯ ЧИСТКА

ГЛАВЫ РОМАНА-ЭПОПЕИ «ЖЕРНОВА»

Глава 1

Тридцать седьмой год начался снегопадом. Снег шел — с небольшими перерывами — почти два месяца, завалил улицы, дома, дороги, поля и леса. Метели и бураны в иных местах останавливали поезда. На расчистку дорог бросали армию и население. За январь и февраль почти ни одного солнечного дня. На московских улицах из-за сугробов не видно прохожих, разве что шапка маячит какого-нибудь особенно рослого гражданина. Со страхом ждали ранней весны и большого половодья. И не только крестьяне. Горожане, еще не забывшие деревенских примет, задирали вверх головы и, следя за низко ползущими облаками, пытались предсказывать будущий урожай и даже возможные изменения в жизни страны.

Бабки нашептывали: «В Священном писании сказано: вода разольется по всей земле, огонь пожжет всё живое — и сойдет на землю Антихрист, и наступит конец света».

Молодежь к этим предсказаниям относилась с презрением, она твердо знала: Бога — нет, Антихриста — нет, а посему, если конец света и наступит, то каким-то естественным

ПРОЗА

путем; и была уверена, что именно от нее, молодежи, зависит всё на этой земле, — как в настоящем, так и в будущем, а тот факт, что стариков с их предрассудками, бескультурьем и неграмотностью отодвигают на вторые и третьи роли, считала делом вполне закономерным и правильным. Мало ли что кто-то вместе с Лениным создавал партию большевиков; мало ли что кто-то брал Зимний или штурмовал Турецкий вал! Это ж когда было! Если старикам воздавать исключительно по их прошлым заслугам и не принимать во внимание их реакционные замашки, если не видеть их перерождения и сползания к контрреволюции, то социализма не построить, мировую революцию не совершить, а молодым, ко всему прочему, останется лишь подбирать упавшие на дорогу крохи.

Дорогу — молодым! Старикам — почет! И то лишь в том случае, если они помогают молодым или, на худой конец, не путаются у них под ногами.

Страна строилась, бурлила, кипела, жила, несмотря ни на какие снегопады и метели, препятствия и происки врагов советской власти. По всей стране отыскивались и разоблачались вредители, террористы, шпионы и диверсанты, среди которых было так много именно тех, кто больше всего бил себя в грудь по поводу участия в революции и претендовал на всякие привилегии и почести. Газеты писали о том, как дети отказываются от своих отцов-каэров, жены доносят на мужей, избличая их во вредительстве или в антисоветско-троцкистских взглядах.

Но борьба нового со старым шла не только в СССР. Бурлил и кипел весь мир. Газеты сообщали о сражениях в Испании, в Китае, в Эфиопии, о забастовках в Англии, Франции, Польше, о растущей фашистской опасности. В СССР прибыли первые пароходы с испанскими детьми. Страна встретила их с ликованием. Куда-то пропадали летчики и танкисты, не говоря родным и близким, куда именно. Но не только родные и близкие, вся страна знала, что «пропадают» они в Испанию, где грохочут первые бои мирового пролетариата с мировым фашизмом.

No pasaran! Фашизм не пройдет!

Сталин отложил в сторону вечерние выпуски газет, только что поступившие из типографий, еще пахнувшие краской и машинным маслом, раскурил угасшую трубку. С первой полосы «Правды» смотрел он сам величиной в половину тетрадного листа, но смотрел выше себя, живого, и мимо. Сталину не понравился его собственный взгляд с газетной полосы, он двумя пальцами брезгливо перевернул газету обратной стороной.

Часы пробили десять раз. Ночь за окном беззвучно ползла по стране. На Дальнем Востоке уже начался новый день.

После декабрьского прошлого года Пленума ЦК миновало не так уж много времени. Пока всё идет по плану: Пленум работал в нужном направлении, сглаживая некоторые разногласия и трения, но разногласия и трения были вызваны не желанием противоречить и отстаивать свою точку зрения, а исключительно непониманием политического положения в стране и в мире. Однако главное состоялось: Пленум решительно высказался за Большую чистку. То ли члены ЦК не поняли, под чем они подписались своим голосованием за ужесточение репрессий по отношению к тем, кто нарушает линию партии на ускоренную индустриализацию, так или иначе тормозит ее ход, кто зазнался, потерял бдительность, обюрократился, почил на лаврах благодушия, то ли уверены, что сами они не попадают под эту категорию лиц, то ли надеются, что их каким-то образом минет чаша сия. Наивные люди. Именно они, члены ЦК, больше всего тормозят развитие страны, именно они зазнались в упоении властью, именно они больше всего подрывают экономическую и политическую стабильность в стране своими интригами, грызней за местечки и привилегии. Именно их головы и полетят в первую очередь. Но делать это надо осторожно, играя на личных симпатиях и антипатиях, групповых интересах, честолюбиях и прочих человеческих слабостях. Всё как всегда — как сто и тысячу лет назад.

Поскребышев приоткрыл дверь кабинета, сообщил:

— Ежов ждет, товарищ Сталин.

— Проси.

Поскребышев попятился, пересек комнату охраны, остановился в дверях и, глядя в никуда, тихо произнес:

— Товарищ Сталин ждет.

Николай Иванович Ежов одернул гимнастерку, пробежал пальцами вдоль широкого ремня, расправляя складки, взял со стула папку, пошел к двери. Походя отметил, что Поскребышев, бывший с ним раньше на «ты», никак сегодня его не назвал: ни товарищ Ежов, ни просто Николай. Если бы в приемной был кто-то еще, то и не разберешь, к кому обращены его слова: «Товарищ Сталин ждет...» Сталин всегда ждет. Сталин умеет ждать, выжидать, умеет терпеть и скрывать свое нетерпение — уж это-то Николаю Ивановичу известно доподлинно. Но что означает это поскребышевское безличное обращение?

Прикрыв за собой дверь, нарком внутренних дел вошел в знакомый кабинет и зашагал по длинной ковровой дорожке.

Сколько уже пройдено по ней, а Николай Иванович всё никак не может привыкнуть, что он, Колька Ежов, прозванный еще в детстве Шибздиком, которого мог обидеть почти каждый из сверстников по причине его маленького роста и телесной слабости, шагает по красной дорожке к столу, за которым сидит самый... да, самый великий и мудрый человек на всей планете. И самый же коварный из них. От этого ноги плохо гнутся в коленях, в животе пусто, а руки предательски потеют, и приходится успевать перед самым столом обтереть правую руку о полу гимнастерки, чтобы Сталин не почувствовал робости перед ним своего наркома.

Остановившись возле стола, Николай Иванович, глядя на Сталина оцепеневшим взглядом, негромко вымолвил:

— Мне только что сообщили, товарищ Сталин: на линии Москва—Харьков сошел с рельсов пассажирский поезд, следующий в Москву. В него врезался товарняк, идущий в Донбасс с оборудованием для новых шахт. Я приказал начать расследование причин этой аварии.

— Полагаешь — диверсия?

— Пока ничего определенного сказать не могу. Снегопады, метель, снежные заносы на линиях. В любом случае — элемент безответственности налицо.

Сталин кивнул головой, молча показал трубкой на стул сбоку от своего стола. Спросил:

— Сделал?

— Так точно, товарищ Сталин, — ответил Ежов и, присев на краешек стула, положил на стол перед собой свою папку. Однако раскрывать ее не стал, говорил по памяти: — По нашим расчетам, товарищ Сталин, если иметь в виду только партийный, советский, профсоюзный и комсомольский аппараты областного масштаба, получается от пятисот до тысячи человек на основную административную единицу. Плюс к этому двести-четыреста человек из НКВД-ГБ, плюс примерно столько же хозяйственников, технической и прочей интеллигенции, в основном из тех, которые работают не по своему профилю. Что касается Москвы, Ленинграда и Киева, то расчеты по ним будут закончены в ближайшее время. Поименные списки составляются. Всё это люди отсталых взглядов, большинство троцкистского образа мыслей, так или иначе связанные с антисоветской деятельностью.

Николай Иванович перевел дух, в глазах его на мгновение исчезла оцепенелость, промелькнули зрячесть и осмысленность. Он читал где-то, что только трусы и нечестные люди, тем более — замышляющие зло, отводят глаза или «бегают» ими, и потому заставлял себя смотреть на Сталина почти не

мигая, в то же время не видя от внутреннего напряжения ни лица Хозяина, ни его глаз, а лишь мутное пятно, зато чутко вслушиваясь в едва меняющиеся интонации голоса.

Сталин возился с трубкой, прочищая ее специальной лопаточкой из красного дерева.

Облизав узкие сухие губы, Николай Иванович продолжил доклад:

— Отдельным списком идут журналисты, писатели, артисты и другие представители творческой интеллигенции, в основном так или иначе связанные с НКВД и госбезопасностью. Эти объединены во всякие тайные и явные товарищества и братства типа Одесского, задают тон в своих организациях, часто противопоставляя себя остальной массе творческой интеллигенции. Поскольку репрессиям подвергнутся их кураторы, секретные сотрудники также будут репрессированы.

— Кто составлял списки? — тихо спросил Сталин, продолжая возиться с трубкой.

— Списки составляли мои люди из партконтроля. Со всех взята подписка о неразглашении. Списки составлены в единственном экземпляре, писаны от руки, хранятся в моем личном сейфе.

— У тебя в партконтроле тоже приверженцев Троцкого хватает, — тихо обронил Сталин.

— Своими я займусь потом, когда в них отпадет надобность, товарищ Сталин.

— Подведем итог, — Сталин вышел из-за стола, остановился, повернувшись к Ежову, и Николай Иванович почувствовал, что его будто обдало жаром.

— Сколько приблизительно будет репрессировано по категориям? — спросил Сталин.

— Предполагается три-четыре тысячи руководителей высшего звена, тридцать-сорок тысяч — среднего, сто-сто пятьдесят — низового. Срок — шесть-восемь месяцев.

Сталин не проронил ни звука, двинулся по ковровой дорожке. Он минуты две ходил взад-вперед, останавливался, поднимал вверх голову, морщил лоб. Николай Иванович неподвижно следил за ним одними лишь глазами.

— Хорошо, — обронил Сталин тихо, остановившись в трех шагах от Ежова. И так же тихо спросил: — Как работает Агранов?

— Пашет день и ночь, — ответил Николай Иванович. В глазах его при этом вспыхнул и тут же погас лукавый огонек. — Он хорошо знает кадры НКВД, особенно московские

и украинские, он знает, что от него требуется. Более того, он работает на опережение...

— Что ты можешь сказать о Хрущеве?

— Хрущев, как секретарь МК и МГК, хорошо понимает свою задачу в деле полнейшего очищения партийных рядов от троцкистских элементов, товарищ Сталин. Он самолично принимает участие в собраниях трудовых коллективов, на которых выявляются троцкистские и другие элементы, держит этот процесс под собственным контролем. По согласованным с ним спискам в Москве и области арестовано более трехсот человек. Товарищ Хрущев настаивает на значительном расширении состава репресслируемых...

— Защищаешь?

— Никак нет, товарищ Сталин, — вытянулся на стуле Николай Иванович. — Не имею компрометирующих данных.

— Я получил от Евдокимова и Фриновского письмо, в котором они обвиняют твоего Люшкова в огульном подходе к кадровому вопросу в Северо-Кавказском крае, — заметил Сталин и посмотрел на Николая Ивановича долгим взглядом табачных глаз.

Николай Иванович побледнел, но не от долгого взгляда Сталина, а от едва заметно изменившейся интонации голоса, в которой расслышал скрытую угрозу. Однако глаз своих не опустил. И голос его поначалу звучал всё так же сдержанно и сухо:

— Они и на декабрьском Пленуме ЦК выступали против Люшкова. Спелись там... круговая порука... полная беспринципность и отход от марксизма-ленинизма-сталинизма, — ронял в тишину кабинета всё более жесткие слова Николай Иванович, чувствуя, как вместе со стулом он приподнимается над полом от собственной отчаянной смелости. — Они еще раскроют свое подлинное лицо, товарищ Сталин, как только поймут, что тоже находятся на крючке.

«Удивительно, — подумал Сталин, слушая Ежова, — как эти русские наглеют от собственной смелости. Вот евреи — те ведут себя совсем по-другому: значительно тоньше, умея скрывать свои чувства и желания. Но тем они и опасны».

— А что Бухарин? — спросил Сталин, додумав мысль до конца.

— Мой человек докладывает, что в кремлевской квартире не ночует, вечером возвращается на квартиру своей жены. Пишет о современном политическом положении в мировом революционном движении.

— Пусть пишет, — вяло повел рукой Сталин, вернулся за стол, сел в кресло, достал из кармана трубку, положил перед

собой и только после этого добавил: — Да. Пусть пишет. Собирай о нем доказательства через других. Не торопись. Посмотрим, как он поведет себя дальше. На всякий случай подготовь Радека и Сокольникова. Бухарин меня сегодня мало волнует. Сегодня меня больше всего интересует настроение в высшем армейском командовании. Что там думают о начавшейся чистке?

— Если судить по высказываниям в широком кругу, то большинство относятся положительно, товарищ Сталин. Но это по высказываниям. В то же время поступают сигналы, что среди высшего комсостава идет брожение. В основном в связи с арестами ближайших гражданских родственников. Докладывают, что Тухачевский произнес такие слова: «Черт его знает, что творится! Ничего не понимаю!»

— Кому он это говорил?

— Уборевичу и Якиру.

— А что Уборевич? — спросил Сталин, и Николай Иванович уловил, к своему изумлению, в голосе Хозяина неподдельное любопытство.

— Уборевич ответил: «Ничего, рано или поздно разберемся».

— А Якир?

— Промолчал.

— Значит, собираются разбираться...

Сталин набил табаком трубку, закурил, снова выбрался из-за стола, походя опустил руку на плечо Ежова, чтобы оставался сидеть, пошел к двери. Оттуда до Николая Ивановича донеслось невнятное:

— Значит, собираются...

В кабинете стояла такая тишина, что слышно было, как шуршит ковер под шупающими шагами Сталина.

— А что говорят о предстоящих выборах в Верховный Совет? Как оценивают предполагаемую реформу избирательной системы? — долетело до Николая Ивановича, и он не сразу понял, что это вопрос, и вопрос, обращенный к нему.

— Ходят разные слухи, товарищ Сталин, — осторожничал Николай Иванович. — Есть люди, которые возмущаются тем, что крестьянство и прочая прослойка уравниваются в правах с пролетариатом, что прямые выборы и тайное голосование приведут к тому, что выберут людей, враждебных советской власти, что проверенных партийцев могут не выбрать. Некоторые считают, что новая система преждевременна, что голосование списком и выдвижение кандидатов на производстве поможет сохранить власть партии и пролетариата, а новая система ведет к реставрации капитализма... Мы ведем

учет подобным высказываниям, составляем списки недозволенных, — заключил Николай Иванович.

— Это хорошо. Но этого мало, — заговорил Сталин, не глядя на Ежова. — Надо в корне пресекать эту нездоровую пропаганду. Надо разъяснять массам, что значат для страны именно такие выборы. Мы должны подойти к выборам как никогда сплоченными. Это важно не только в плане политическом, но и — в первую очередь — практическом. И еще. Нам нужны поименные списки людей, которые способны заменить выбывающие кадры. Надо проследить, чтобы кандидаты на освобождающиеся должности не попадали в списки репрессированных. Нельзя такое важное дело пускать на самотек, как это случилось с раскулачиванием. Иначе мы потеряем нужные нам кадры, оголим управление народным хозяйством. А мы должны усилить это управление, сделать его более оперативным и грамотным. В противном случае чистка не имеет смысла.

— Списки готовы, товарищ Сталин. Что касается первых лиц республиканского и областного масштаба, как подлежащих изъятию, так и кандидатов на замену, то на них списки у меня с собой. Прикажете оставить?

— Оставь Поскребышеву.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

— И вот еще что... — Сталин достал из лежащей на столе папки лист бумаги, протянул Ежову. — Прочти и запомни. Это список людей из высшего комсостава, которых необходимо ликвидировать в первую очередь. Возьми несколько человек помельче, обиженных Тухачевским и другими, вытряхни из них показания. Воспользуйся теми материалами на Тухачевского, которые поступили по каналам внешней разведки о связи Тухачевского с германским генштабом. Особо не церемонься. Когда будешь готов, доложишь.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Мы уже работаем в этом направлении. Путна, изблеченный в связях с Троцким и его сыном в период работы военным атташе в Лондоне, дает разоблачительные показания. Как я уже докладывал, мы изъяли у него личные письма Троцкого и его воззвания к оппозиции и рабочему классу СССР...

— Я помню, — кивнул головой Сталин и слегка повел трубкой: — Меня волнует проблема с кадрами разведчиков-нелегалов. Подавляющее большинство из них евреи. Некоторые когда-то состояли в Бунде, иные примыкали к сионистам. Сионисты Германии изблечили себя как пособники Гитлера и национал-социализма. Об этом говорил еще Горький на Первом съезде писателей. А он зря словами не бросался. Не-

обходимо тщательно перепроверить эти кадры. Не исключено, что кое-кто из них ведет двойную игру. Но делать это надо осторожно, чтобы не бросить тень недоверия на преданных нашему делу людей.

— Мы непременно займемся этим, товарищ Сталин, как только закончим чистку в центральном аппарате НКВД.

— А что у нас со всякими конструкторами? Мне докладывают, что многие из них недовольны вмешательством партии в их творческий процесс, как выразился один из них. Особенно это касается авиационщиков и корабелов.

— Да, товарищ Сталин, вы совершенно правы: подобное наблюдается повсеместно. Особенно выделяется в этом отношении конструкторское бюро товарища Туполева. Он возомнил себя гением, с пренебрежением относится к указаниям партийных органов. Он не изменился даже после ареста, связанного с гибелью самолета «Максим Горький». Но следствием выяснилось, как я вам докладывал, что он с самого начала был против так называемых «мертвых петель» вокруг крыла своего самолета. Однако товарищ Алкснис...

— Я помню, — перебил Ежова Сталин. — Что касается партийных органов, то там сидят невегласы, ни черта не понимающие ни в авиации, ни в кораблестроении. Чтобы руководить такими людьми, как тот же Туполев, нужна голова. Но не только. Нужны в той голове знания. А туполевские самолеты облетели всю Европу, летали в Америку. Забывать об этом нельзя. Без таких людей, как Туполев, мы настоящей авиации не создадим. Однако и Туполев должен понимать, что бюджет у страны не резиновый. Надо дать им понять, что гигантомания в авиации, как и в других областях вооружения, себя изжила. Нам нужны самолеты поля боя. На это и пусть нацеливаются. Приструнить таких гениев надо, но так, чтобы они поняли, что зарываться им никто не позволит.

— Я всё понял, товарищ Сталин, — несколько ожил Ежов. — Кстати, если разрешите, хочу обратить ваше внимание на докладную записку покойных товарищей Менжинского и Куйбышева. В этой докладной сообщается, что в Северо-Американских штатах во время Первой мировой было нечто похожее. Тогда президент распорядился собрать конструкторов...

Сталин, вспомнив, что то же самое ему полгода назад говорил Ягода, движением руки остановил Ежова.

— Я читал эту докладную записку, — произнес он, повернулся и пошел к своему столу. До Ежова донеслось: — Америка Америкой, а Россия Россией... — И несколько громче: — Конструкторские бюро, которые уже работают под

опекой НКВД, должны быть обеспечены всем необходимым. Я имею в виду условия работы, питания, отдыха.

— Я понимаю, товарищ Сталин, и полагаю...

Сталин повернулся к Ежову.

— Хорошо, что понимаешь. Занимайся своим главным делом. И учти: на процессах будут присутствовать иностранные журналисты. Доказательная база должна быть внушительной. Вышинский жаловался, что следователи факты берут с потолка. Нужна более тесная работа с прокуратурой. А с конструкторами мы разберемся. Можешь быть свободен.

Николай Иванович поднялся, произнес всё тем же напряженно-бесцветным голосом:

— Я учту ваши указания, товарищ Сталин. До свидания, товарищ Сталин, — и пошел к двери, чувствуя на себе неподвижный взгляд Хозяина. Лишь закрыв за собой дверь, облегченно вздохнул и расслабил мышцы живота. Вслед за этим мягкая волна расслабления прошла по всему телу.

После ухода Ежова Сталин вызвал Поскребышева.

— Сличи списки, которые оставил Ежов, с нашими списками, — распорядился он. — Посмотри, в чем разница. Завтра доложи... И еще. Завтра Хрущев выступает в каком-то институте. Выясни, где. Пошли туда стенографистку. Потом всё это ко мне на стол.

И отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Глава 2

Вернувшись в свой кабинет, Ежов позвонил Главному прокурору страны Вышинскому и пригласил его к себе для важного разговора. Положив трубку, достал из сейфа серую папку, в которой было собрано всё, что можно было собрать за минувшие годы о Вышинском Андрее Януарьевиче: сын польского шляхтича, бывший меньшевик, большевик с 1920 года. После Февраля 17 года, будучи главой Якиманской управы Москвы, подписал указ Временного правительства о розыске, аресте и предании суду немецкого шпиона Ульянова-Ленина. Было там и еще кое-что, но даже этого хватило бы на несколько человек, чтобы упрятать за решетку. Но самое главное — в 1908 году Вышинский сидел вместе со Сталиным в одной камере баиловской тюрьмы. Какие отношения были тогда между большевиком Сталиным и меньшевиком Вышинским, знает лишь бог да эти двое. Но что Сталин благоволит бывшему сокамернику, известно не только наркому внутренних дел.

Ежов не очень-то доверял подобным биографическим данным, потому что они, как правило, переделывались много раз в зависимости от того, на какую ступеньку власти поднимался тот или иной человек. И Вышинский не был исключением из этого правила, прославив бескомпромиссным борцом с нарушениями социалистической законности, невзирая на лица и заслуги этих лиц в прошлом. Ежову остается лишь следить за этим выскочкой и ждать, когда тот на чем-нибудь споткнется. И он таки споткнулся на предыдущих процессах против так называемого «Троцкистско-зиновьевского центра», сведя свои обвинения к сплошной демагогии, что позволило на Западе поднять вой о том, будто Сталин в борьбе за неограниченную власть уничтожает своих соперников, выдающихся марксистов-ленинцев. Уж на что сам Николай Иванович был непритязателен в выборе средств против врагов советской власти, но даже и он морщился, читая отчеты об этих процессах.

Именно поэтому Ежов пригласил к себе прокурора страны, вместе с которым представлял Особую Двойку, решение которой обжалованию не подлежат. В ожидании, когда стрелки часов сойдутся на половине седьмого, он просматривал записи, сделанные сразу же после встречи с Хозяином, морщил лоб, стараясь припомнить, не пропустил ли чего из замечаний Сталина, сделанных им как бы между прочим, зная, что тот непременно напомним ему о пропущенном, при этом таким тихим голосом, с таким убийственным сарказмом, что лучше провалиться сквозь землю, чем принимать на себя леденящие душу стрелы его слов.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел щеголеватый секретарь, закрыл за собою дверь и, сделав два шага, доложил:

— Товарищ Вышинский, товарищ нарком.

Николай Иванович кивнул головой, поморщился: мол, слышу, не глухой, и, убирая папку в ящик стола, произнес гнусаво:

— Проси.

Вышинский, в отутюженном синем форменном костюме с зелеными петлицами и серебряными звездами на них, с коричневой папкой, прижатой к боку, стремительно вошел в услужливо раскрытую дверь и, глядя прямо перед собой сквозь толстые стекла круглых очков, пошагал по малиновой ковровой дорожке к столу, за которым восседал нарком внутренних дел. Скуластое неподвижное лицо его, с рыжеватой щеточкой усов над узкими губами, не выражало никаких чувств по поводу встречи с «железным наркомом», и Ежов, отметив это, лишний раз убедился, что его гость сидит в своем кресле крепко и никакие сомнения его не мучают.

Выйдя из-за стола, Ежов шагнул навстречу Вышинскому, протягивая ему руку и растягивая губы в подобии приветливой улыбки.

— Вот, изволите видеть, товарищ Вышинский, ни минуты свободного времени, — заговорил Николай Иванович, будто оправдываясь. — Столько дел, столько дел... Товарищ Сталин придает огромное значение предстоящему процессу. Тем более что его опять собираются освещать не только наши журналисты, но и зарубежные. — И, взяв прокурора под локоток, как бы повиснув на нем, повел к столу, продолжая говорить всё тем же гнусавым голосом: — На Западе, особенно после посещения нашей страны известным французским писакой Андре Жидом и выходом в свет его клеветнической книжонки, у некоторых тамошних товарищей начало складываться впечатление, что судебные процессы над врагами советской власти сфабрикованы, что мы судим ни в чем не повинных людей...

— Да-да, я читал эту мерзкую книжонку, — тут же подхватил Вышинский, глядя сверху вниз на низкорослого наркома скорее с любопытством, чем с уважением. — И полностью отдаю себе отчет в необходимости дезавуировать эту клевету на советскую власть и ее правосудные органы.

— Именно такую задачу и поставил перед нами товарищ Сталин, — повысил голос Николай Иванович, отпуская локоть прокурора и поворачиваясь к нему лицом. — В то же время я должен заметить, что предыдущие процессы имели... как бы это сказать?... некоторые изъяны, недоработки в части доказательной базы, что и дало нашим противникам аргументы для подобных выводов.

— Вполне возможно, товарищ нарком, — согласился Вышинский. — Следователи слишком примитивно рассматривали свою задачу, полагая, что собранные ими доказательства, основанные на признаниях подсудимых, вполне обеспечивают необходимый приговор. Мне, как главному обвинителю, пришлось прикладывать все силы, чтобы на основе этих весьма шатких доказательств дать в руки судей вполне объективные обвинения по каждому члену преступных организаций и связать их всех одной преступной целью, поставленной перед ними западными разведками. Нынешняя команда следователей, как мне представляется, усилена более тонкими работниками, хорошо знающими психологию такого рода преступников. Они вполне способны повернуть процесс в нужную сторону. Во всяком случае, доказательная база не вызывает у меня... э-э... никаких сомнений. За исключением разве что отсутствия достаточного количества

конкретных фактов шпионской деятельности и террористических актов со стороны обвиняемых, чтобы на них строить определенные выводы...

— А смерть Горького и его сына? — воскликнул Николай Иванович, перебивая монотонную речь прокурора, и даже будто бы стал выше ростом. — А смерть Менжинского, Куйбышева и Кирова — это вам что, не факты? А покушение на Ленина в восемнадцатом году? А убийство Урицкого? А падеж десятков тысяч лошадей в Башкирии в голодном двадцать первом? А крушения поездов? А взрывы на рудниках и угольных шахтах? А стекло и гвозди, постоянно обнаруживаемые в муке, крупе и макаронах? А тот факт, что при огромной занятости населения нашей страны сельским хозяйством у нас постоянно ощущается нехватка хлеба, мяса, молока, масла и других продуктов питания? Вам этого мало?

— Никак нет, товарищ нарком, — всё тем же спокойным и ровным голосом ответил Вышинский. — Фактов более чем достаточно. Но я в данном случае веду речь о другом — о привязке этих фактов к конкретным обвиняемым.

— Но ведь они все сознались в том, что были конкретно привязаны к этим преступлениям. Конечно, не Зиновьев сыпал стекло в муку, не Каменев травил лошадей, морил голодом крупный рогатый скот и прививал свиньям эпидемические болезни. Но именно под их руководством происходили все эти преступные деяния. А как вы это докажете, это уж ваше дело, — заключил Николай Иванович и, повернувшись, пошел на свое место. Взгромоздившись на стул, он махнул рукой, приглашая прокурора садиться, затем продолжил, но уже не гнусавым, а скорее скрипучим голосом: — По моему приказанию к этой группе заговорщиков присоединили откровенных воров и жуликов из различных наркоматов, которые ведали промышленностью и сельским хозяйством. Из всего этого должно вытекать, почему у нас то здесь, то там наблюдаются постоянные перебои в снабжении населения продуктами питания и товарами первой необходимости. И это при богатстве в стране ресурсов и фактическом изобилии продуктов. Советский народ должен убедиться, что в этом виноваты исключительно изменники делу революции и построения коммунистического общества. Организуя вредительство, эти мерзавцы хотели костлявой рукою голода задуть социалистическую революцию, вызвать у народа озлобление против советской власти и ее вождей. Вы, товарищ Вышинский, — продолжил он, взвинчивая голос и захлебываясь словами, — обязаны так сгруппировать эти вопиющие факты, чтобы они говорили сами за себя об этих отврати-

тельных типах, которые представляют из себя помесь шакалов и свиней! Советский народ не простит нам жалкий лепет и ссылки исключительно на самооговоры. Мы должны предателей нашего великого дела сталкивать лбами между собой, чтобы ясно было всем и каждому, кого эти троцкистско-фашистские прихвостни и шпионы представляют из себя по каждому отдельному случаю!

— Я целиком и полностью стою на вашей точке зрения, товарищ комиссар первого ранга! — произнес Вышинский. — И сделаю всё, чтобы все провокаторы и клеветники рта не могли открыть для опровержения нашего обвинения! Но должен заметить, что прокуратура завалена письмами прокуроров с мест, где проводится чистка, в которых они возмущаются методами, какими следствие добывает нужные ему показания от подсудимых. Прокуратура не может отмахнуться...

— Что значит — не может? — вскричал Ежов, подскочив в своем кресле. — Они, видите ли, возмущаются! Да эти писакки... Они пишут и мне лично! И в партконтроль! И товарищу Сталину! И товарищу Калинин! И черт знает еще кому! — кричал Николай Иванович, забыв об осторожности. — А вам, товарищ Вышинский, не приходило в голову, что они своими письмами стараются выгородить преступников, с которыми связаны совершёнными преступлениями? Всех этих писак — на скамью подсудимых! И нечего с ними рассусоливать! Единство партии и народа — вот что нужно в текущий исторический момент нашей стране! Так считает товарищ Сталин. Так считают все сознательные коммунисты, какой бы пост они ни занимали.

— Я полностью с вами согласен, товарищ нарком, — кивнул головой Вышинский. — Я лишь счел своим долгом привести вам имеющие место факты. Полагаю, что этих писак надо подверстывать к вредительско-террористической деятельности местного масштаба.

— Хорошо. Будем считать, что этот вопрос мы с вами решили! — пробурчал Ежов, поерзав в своем кресле. — Я так и доложу об этом товарищу Сталину. Еще раз извините, товарищ Вышинский, что оторвал вас от дела, — приподнялся и вяло пожал через стол протянутую руку. И, когда Вышинский был уже у двери, добавил: — Товарищ Сталин будет особенно пристально следить за ходом предстоящего процесса.

Вышинский задержался у двери на мгновение, кивнул головой и вышел.

Он шел по коридору, отмахивая правой рукой, и думал о том, почему Сталин на этот раз не вызвал его вместе с Ежо-

вым, как он это делал перед предыдущими процессами. Его мучила раздвоенность, навязанная свыше. Он чувствовал себя человеком, привязанным к наконечнику тарана, которым предстоит взломать ворота некой крепости. И понимал, что обезопасить себя от неминуемой смерти при столкновении с воротами, окованными толстыми железными полосами, возможно лишь в том случае, если самому управлять тараном, не доверяя эту работу другим.

Спустившись вниз, Вышинский отдал пропуск охраннику и вышел из подъезда Большого дома.

Подъехала машина, открылась дверца. Он сел на заднее сидение, велел везти себя в прокуратуру. За окном мелькали дома и люди. Но Вышинский не смотрел в окно. Голова его была занята тем, как совместить несовместимое.

Генсек безусловно прав: время разноголосицы в высших эшелонах власти миновало, надо сжать кулаки и работать. И не столь уж важно, какими глазами будут смотреть на прокурора Вышинского потомки, разбирая завалы нынешнего времени. Они будут судить о нем из своего далека, когда никому из них не будет грозить возможность оказаться в роли троцкиста, шпиона и предателя. Им будет из чего выбирать. А у Главного прокурора СССР выбора, собственно говоря, нет. Ворота должны быть разбиты. Засевшие в крепости должны ответить за свое упрямство. И коль скоро товарищам Сталину и Ежову угодно, чтобы правосудие отложило в сторону скальпель и взяло в руки топор, то будет им топор, и не плотницкий, а двуручный, с широким лезвием, каким мясники разделявают говяжьи туши.

И узкие губы главного прокурора сложились в презрительную гримасу.

Глава 3

Ежов, проводив неотрывным взглядом Вышинского, несколько раз обиженно моргнул глазами. Покривился лицом. Губы разошлись, обнажая слишком выступающую вперед верхнюю десну и кривые зубы. Налил из графина воды полный стакан, выпил. Перевел дух. Он был уверен, что Вышинский сделает всё, что от него требуется. Но удовлетворит ли это «всё» Хозяина? Ведь спрашивать он будет не с Вышинского, а с наркома Ежова. А нарком Ежов вместе со Сталиным в одной камере не сидел. И ты хоть разорвись, а Сталин всегда отыщет трещинку в порученном тебе задании.

И всегда у него, Ежова, так, с самого первого дня знакомства со Сталиным: не то чтобы страх, а держится в нём посто-

янное ощущение неправдоподобности своего положения, точно приблизил его Сталин к себе для какой-то непонятной цели, и как только цель эта будет достигнута, так тотчас же надобность в нём, Николае Ежове, отпадет совершенно. Даже когда Сталин спрашивает Николая Ивановича о чём-то, а Николай Иванович отвечает Сталину, то никак не может верить, что слова его воспринимаются Сталиным серьезно и могут иметь для него какое-то значение.

Каждый новый этап в своей карьере Ежов считал последним. Но карьера его продолжалась, он поднимался со ступеньки на ступеньку по крутой лестнице власти, захлебываясь от восторга и страха, ощущая себя человеком, едва выучившимся плавать, которого заставляют плыть в стремительном горном потоке, а он и на тихой-то воде едва держится. И вот уж слышится могучий рёв стосаженного водопада, и надо бы к берегу, на тихое место, да куда там: несёт и несёт, кружа в водоворотах, по самой быстрине, а по сторонам отвесные скалы — не зацепиться, не вырваться, не спастись. Машет пловец в отчаянии руками, бьет по воде ногами, лишь бы подольше удержаться на поверхности, а если уж суждено свалиться в ревущий водопад и разбиться об острые скалы, так не одному, а прихватив с собой побольше тех, для кого власть — как рыбе вода, как птице воздух, кто на Николая Ежова и до сих пор смотрит с плохо скрываемым пренебрежением.

Хотели отсидеться? Хотели на чужом горбу в рай? А в ад не желаете-с?

Николай Иванович скрипнул зубами, будто те, кто был виноват перед ним, стоят за пределами досягаемости, и поэтому он не может отправить их в тартарары, а тех, кого может, к его нынешнему положению отношения не имеют, хотя не исключено, что есть среди них и виноватые лично перед Колькой Ежовым, но их невозможно распознать по прошествии долгого времени.

Николай Иванович открыл буфет, достал графин с водкой, налил в стакан до половины, вдохнул побольше воздуха, выдохнул, медленно выпил. Водка согрела тело, слегка затуманила голову. Убрав папку в сейф и закрыв его, пошел из кабинета. Рабочий день закончился, можно развеяться и отдохнуть.

В автомобиле, усевшись на заднее сиденье, Николай Иванович приказал шоферу:

— Поехали к писателям.

Старый швейцар, торчащий в дверях Дома Герцена на Тверском бульваре, подобострастно выгнулся перед наркомом

внутренних дел, залебезил, принимая шинель и фуражку. Раньше подобное подобострастие грело душу Николаю Ивановичу, возвышалось в собственных глазах. Со временем перед ним стали гнуться не только швейцары, но и люди куда какие крупные и знаменитые — и чувство новизны притупилось, душу теплом обдавало всё реже и реже, хотелось чего-то большего, чего-то необыкновенного.

Сегодня он может себе позволить всё, что угодно. Вернее сказать, почти всё. Сегодня он стоит на такой высоте, выше которой подняться уже невозможно: выше — только Сталин. А Сталин — это бог. Даже больше, чем бог. И он, Колька Ежов, должен эту высоту использовать на всю катушку. Иначе — какой смысл? Сталин хочет, чтобы Колька Ежов пролил реки крови? Колька Ежов прольет эти реки, и никакие океаны не вместят кровь этих рек. И кровь эта не сиволапых мужиков, а самых что ни есть сливок общества, хозяев жизни, как они себя величают.

Веселье в ресторане в полном разгаре. Гремит оркестр, пахнет водкой и винами, жареным луком и мясом, ароматным табаком, женскими духами, мужским потом; ровный гул множества голосов заглушает визгливые вскрики скрипок, дым плавает слоями, люди кажутся тенями, явившимися с того света.

Подлетел круглый, как шар, метрдотель, изогнулся бойчее старого швейцара, пошел задом, вихляясь упитанным телом.

— Какая неожиданность, товарищ Ежов! Какая приятная неожиданность! Милости просим! Милости просим! Куда прикажете? Можно отдельный столик, — тараторил мэтр, разводя руками. — Можно отдельный кабинетик.

Но тут из-за сдвинутых столов поднялась женоподобная фигура с круглой головой и большими зальсынами, и слегка картавый баритон покрыл собой все остальные звуки:

— Николай Иванович! Товарищ нарком! Просим к нам! Просим! — закричала фигура и, выскочив в проход из-за стола, засеменила навстречу Ежову, масляно улыбаясь полными, слегка вывернутыми губами, разводя в стороны руки, точно желая заключить наркома в дружеские объятия.

Николай Иванович узнал Исаака Бабеля, кивнул ему головой, протянул руку. За ближайшими столиками захлопали в ладоши, начали вставать, гремя стульями, приветствуя наркома. Где-то упал на пол графин, послышался звон разбитого стекла. Оркестр оборвал визгливый фокстрот, грянул «туш».

Николай Иванович поднял вверх руки, соединил их вместе, потряс в знак приветствия и признательности. На душе

потеплело: это тебе не швейцар или метрдотель, твои, к тому же, штатные сотрудники, а известные всей стране писатели и поэты. Конечно, далеко не все любят наркома внутренних дел Ежова, иные наверняка ненавидят его всеми фибрами своей души, так ему, Ежову, и не надо, чтобы любили. Куда приятнее, когда тебя боятся, когда перед тобой стелются и лебезят.

«Ничего, и до вас скоро доберусь», — думает Николай Иванович, слегка кривя губы в подобии улыбки, кивая головой и легким отмахиванием руки давая понять, что аплодисменты тут неуместны.

За сдвинутыми столами задвигали стульями, освобождая почетное место среди особо известных писателей. Забегали официантки, меняя посуду, графины с водкой, бутылки с винами и коньяками, тарелки с закусками.

Едва Николай Иванович сел за стол, как Бабель, налив полный бокал водки, протянул его Николаю Ивановичу, встал, постучал вилкой по графины и, дождавшись тишины в зале, воскликнул голосом, в котором звучал неподдельный восторг и восхищение:

— Друзья! Товарищи! Наш скромный ужин вместе с нами сегодня решил разделить один из тех людей, руками которых творится история! История с большой буквы! Этот человек является ближайшим сподвижником товарища Сталина, выдающегося вождя мирового пролетариата и всех угнетенных во всем мире. Это о товарище Ежове товарищ Сталин сказал, что из его «ежовых рукавиц» не вырвется ни один враг рабоче-крестьянской власти. Давайте же выпьем за то, чтобы эти рукавицы не знали усталости в уничтожении врагов народа, наймитов мирового фашизма, вольных и невольных прислужников всемирного капитала! За здоровье нашего дорогого гостя, народного комиссара Николая Ивановича Ежова! Ура!

— Ура! Ура! Ура-ааа!

Весь зал встал, в едином порыве сдвинул бокалы.

«Дурачки, — думает Николай Иванович, оглядывая зал и узнавая среди собравшихся тех литераторов, чьи имена уже внесены в списки людей, подлежащих изъятию. Едва заметная злорадная ухмылка тронула узкие губы наркома. — Радуетесь? Веселитесь? Ну-ну! Радуйтесь, веселитесь! Недолго осталось...»

Еще пришла в голову шальная мысль: если бы сейчас да зачитать тот список, что лежит в его сейфе, — ах, какая бы сцена возникла в этом зале! Похлеще заключительной сцены в «Ревизоре» Гоголя. А потом бы под белы ручки — и в

фургоны с надписью «Мясо», и в фургоны, в фургончики... Зря Сталин не дал «зеленый свет» душегубкам Ягоды — Берга, а то бы весь этот зал — да в душегубки! Да в душегубочки! Дверки закрыть — и вперед! Уж точно бы они там все и облевались бы, и обмочились бы, и наложили полные штаны.

И вот ведь странность какая удивительная: случись подобная Большая чистка лет десять назад... Да нет, какой там! — и подумать об этом не смели. Разве что выгнать из партии, а чтобы поставить к стенке — избави бог! Но пришло время — и Большая чистка стала возможной. Это какой же надо иметь ум, как надо чувствовать политическую обстановку в стране и в мире, какая к тому же нужна смелость, чтобы точно рассчитать время, понять настроение людей и быть абсолютно уверенным, что всё пройдет тикитак! Ай да Сталин, ай да шашлычник! Что ни говори, а сам Ежов никогда на такое не решился бы. У него и сейчас в душе нет-нет да и возникает страх: а вдруг что-то застопорится? а вдруг военные возьмут да и взбунтуются? а вдруг само НКВД? И что тогда? Тогда — Смерть всему. И самому Сталину. И Ежову... Но смерть вот от этих, что в этом зале пьют сейчас за здоровье Николая Ежова, — это уж слишком, этому не бывать...

Сталина, похоже, такие сомнения не посещают. Его, Сталина, можно не любить, можно бояться, но не восхищаться им, не уважать его расчетливый ум нельзя. Человечище!

А эти «инженеры человеческих душ»... Ну что они такое по сравнению со Сталиным? Тьфу! Можно сказать — ничего-с. Половина из них — в штатах НКВД. Сексоты! Пишут друг на друга. А чего ради, если разобраться, пошли в органы? А того ради пошли, что думают: раз в органах, значит — не тронь! Значит, бузи себе на здоровье, бери от жизни горстями, наслаждайся! Вот они и наслаждаются. Для них, считай, коммунизм уже построен. Революционеры! Борцы за рабочее дело! Как же! Держи карман шире! А народ на них пялится, ручками машет, детишки их писания в школах изучают. А иной писака, едва оказывается на Западе, так тут же юрк в синагогу. Или в костел. Или еще куда... Э-хе-хе!

Не попадись Ежов на глаза товарищу Сталину во время его поездки по Сибири, сидел бы в Семипалатинске, строчил бы кляузы, жевал бы ситный с луком, запивал бы квасом да еще и радовался бы, что живет, можно сказать, припеваючи, потому что остальной народ и того не имеет вдоволь. И не знал бы Колька Ежов, что в Доме Герцена гужется всякая мразь, поплеванная сверху на всех, кто вкалывает на шахтах и в рудниках, на заводах и стройках. Этих бы — да на хлеб и воду...

Взять хотя бы того же Бабеля. В органах с восемнадцатого года. Писателишка — так себе. Зато гонору — на десятерых хватит и останется. Льва Борисовича Каменева шлепнули — Бабель чуть не на другой же день дачу его занял, живет и в ус не дует. Шлепнут Николая Ежова — в его дачу въедет какой-нибудь другой Бабель же. И будет радоваться, что и Ежова шлепнули, и что дача ему, Бабелю, досталась... Так не достанется же. Кому-кому, а только не вам, инженерам человеческих душ, мать вашу в душу!

— За здоровье товарища Сталина! За нашего гениального вождя и учителя! За нашего горного орла! Ура!

— Ура! Ура! Ур-ра-ааа!

И опять Бабель. Эка ему неймется. Знать, чует, что надо соломки подстелить, вот и гребет ее под себя, из-под других выдергивает. На роже такое умиление, такой восторг... Как это там у него в «Конармии»? Гибельный восторг? Хорошо сказано. С дальним прицелом. Не о себе ли? Не оттого ли они так веселятся, что чувят близкий конец? А что, всё может быть. Всё-таки, действительно, инженеры человеческих душ, так их и растак.

Кутили до трех ночи. Николай Иванович пил, но не хмелел. Лишь лицо наливалось малиновым соком, да глаза щурились, пряча за густыми ресницами недобрый огонек. Сам ничего не говорил. Слушал, примечал, запоминал. Не по необходимости, а больше по привычке. Жил в нем, не меняясь с возрастом и со сменой положения в обществе, Колька Ежов с Петроградской окраины — с нелюбовью и даже ненавистью к начальству, к чужому благополучию, успеху. И к евреям. Даром что женат на еврейке. А на ком же ему было жениться? Куда ни зайдешь, везде они: в райкомах, обкомах, в конторах — всюду стучат на машинках, составляют отчеты, строчат речи, которые будут читать другие, лезут в постели. Русских баб — раз-два и обчелся. Работницам было не до грамоты. Дворянок и близко не подпускали к партийным делам. Как и к любым другим. Да они и не шли. А шли дочери лавочников, аптекарей, ювелиров, торгашей — пролетариат, как же... Но именно они и наставляли когда-то Кольку Ежова, нацеливали на революцию и лучшую жизнь.

Прошлая, серая и полуголодная жизнь выработала в Кольке Ежове неверие в прочность и неизменность благополучного бытия. Все, кто когда-то на его глазах выбивался в люди, кончали непременно плохо и опускались на самое дно или пропадали вовсе, ничего после себя не оставив. И с ним случится то же самое. И очень даже скоро. Так надо пожить в оставшиеся денёчки на всю катушку. Чёрта ль в них искать

какого-то смысла! Главное — не то, как ты прожил жизнь, а как ее кончил. Он, Колька Ежов, кончит свою жизнь так, что чертям станет тошно. Уж Сталин знал, кого назначить на Большую чистку главным чистильщиком. Колька Ежов постарается. Колька Ежов всем отомстит за жалкое свое прошлое и непрожитое будущее. Аминь.

Николай Иванович отодвинул бокал, поднялся.

— Время, — бросил он коротко и пошел к двери стремительной походкой.

У двери, качнулся, остановился — маленький, тщедушный, с окаменевшим лицом и застывшей на нём улыбкой, похожей на оскал волка, провожаемый общим недоуменным молчанием. Сам Николай Иванович в дымном зале мог разглядеть лишь белые маски лиц, тоже окаменевшие и почти с такими же окаменевшими улыбками.

Помахал рукой. И вышел, довольный произведенным эффектом. Пусть-ка теперь почешут затылки... интеллигенция, мать ее...

Глава 4

Для Сталина наступил тот период власти, когда на карту поставлено всё: и сама власть, и жизнь, и судьба государства. Сомнений в необходимости Большой чистки он не испытывал: сама чистка была как бы подготовлена всем ходом событий не только в СССР, но и во всем мире.

Что война с фашизмом неизбежна, Сталин был уверен абсолютно. Более того, он желал этой войны, считая, что она приведет мир к окончательному крушению капитализма если не во всем мире, то в Европе — это уж совершенно точно. Но для такой войны нужна основательная подготовленность не только армии, но и государственного организма в целом. Этот организм должен работать как часы, не давая ни малейших сбоев даже в самые критические моменты. А чтобы получить такой организм, надо вылечить его от всех хронических болезней. Одной вакцинацией, как показала практика, вылечить этот огромный и сложный организм нельзя: всегда найдутся такие части его, которых вакцинация не коснется по тем или иным причинам, а потом зараза распространится вновь. Сталин помнил, как во времена его детства невежественные люди в горных селениях и даже в городах Грузии прятались от врачей, проводивших прививки от оспы. Если бы ему, Сосо Джугашвили, в раннем детстве сделали такую прививку, он не заболел бы оспой, она не оставила бы на лице его своих несмываемых следов.

Да, перед решающими схватками противоборствующих сил на мировой арене необходимо проверять не только оружие, амуницию, но и здоровье солдат. Всех больных, слабых, колеблющихся — в сторону. Всех здоровых сплотить в единое целое, подчинённое единой воле. Иван Грозный, например, перед Ливонской войной освободился от предателей-бояр. Да, видать, не от всех. И не одних супротивников-бояр надо было уничтожать, но и своих опричников тоже: вкушившие крови не остановятся до тех пор, пока их не остановят.

То же самое было у Петра Первого: не всех он разбоярил, не всех обратил в свою веру, не всем сбрил бороды как в прямом, так и в переносном смысле, и стоило ему уйти из жизни, как всё покатило вспять. Вот и Робеспьер... Если бы он рубил головы не только дворянам и знати, но и, вслед за ними, тем, кто выполнял роль палачей, удержался бы у власти и не стал бы сам жертвой развязанного им террора. Наконец, если бы Ленин допустил в свое время половинчатость в истреблении представителей буржуазных классов, если бы он не опёрся в этой своей работе на интернационалистов, собранных, можно сказать, со всего света, то советская власть долго бы в России не продержалась. То же самое и с кулачеством. Правда, наворотили больше, чем требовалось, едва не подорвали саму основу сельского хозяйства страны, но, оглядываясь назад, нужно признать, что перехлёсты неизбежны и часто оправданы. В любом случае перехлёст лучше недохлёста.

Вот и теперь...

Сталин прошелся по кабинету вдоль стола для заседаний, потом до двери, назад шел уже вдоль глухой стены, остановился перед картой Советского Союза. Черные кружочки городов, нити железных дорог, их соединяющие, синие жилы рек, грубые пунктиры границ — и везде люди, мало что понимающие в том историческом предназначении, которое выпало на долю бывшей России и населяющих ее народов. Он, Сталин, единственный на земле человек, который понимает это предназначение со всей отчетливостью, во всех, даже незначительных ее проявлениях. Другие могут лишь слепо исполнять свою работу, видя только то, что рядом, не охватывая взором всего пространства, не понимая движения, не ощущая времени.

Пространство, движение, время...

Взять хотя бы Серго Орджоникидзе, после Кирова самого близкого к нему, Сталину, человека: ругательски ругал Сталина на людях, но более всего предсовнаркома Молотова, принимал участие в секретном совещании на квартире у бывшего председателя ЦИК Украины Петровского накануне

Семнадцатого съезда партии, где решали, что делать со Сталиным: снять его прямым голосованием на съезде или ликвидировать. Его счастье, что не он был инициатором этого совещания, что первым — вместе с Микояном — пришел к Сталину и покаялся... Так вот, даже Орджоникидзе, и тот так и не понял, зачем нужна Большая чистка практически всего руководящего аппарата. Он с пеной у рта обвинял Сталина в излишней подозрительности, мстительности и прочих человеческих слабостях. А хороший был организатор и менее всего — бюрократ. Во всяком случае, по кабинетам не рассиживал, до каждого завода, до каждой строительной площадки доходил сам и сам же принимал решения. Но в нынешних условиях этого мало.

Именно ему в словесной перепалке последних дней Сталин впервые приоткрыл суть Большой чистки как решительного избавления от бюрократического аппарата:

— Тебе жаль своего брата. Я по-человечески понимаю такую жалость, Серго. Тебе жаль своего зэма Пятакова, — говорил Сталин, расхаживая по кабинету. — Тебе жаль того-другого-третьего, потому что они твои друзья. Ты закрываешь глаза на их пороки, выработанные упоением власти. В тебе сидит не столько политик, сколько грузин, к которому в гости пришли разные люди, и всех он должен ублажить своим гостеприимством. Ты не заметил, как оброс приживалами, подхалимами, бездельниками и говорунами. Ты не заметил, как эти людишки стали вертеть тобой, как за их счет непозволительно разросся аппарат наркомтяжмаша. Эти людишки едва не втянули тебя в заговор. Ты не политик и уже не руководитель. Ты — тамада на пиршестве бездельников, рвачей и мздоимцев, которые при определенных обстоятельствах могут изменить социализму, захватить власть и реставрировать капитализм, — ронял Сталин жестокие слова всё тем же тихим голосом. — У настоящего политика не может быть ни врагов, ни друзей, ни родных, ни близких. У настоящего политика могут быть лишь люди, полезные или вредные для решения больших исторических задач. Так смотрел на это дело великий Ленин. И мы должны следовать его примеру. Вспомни, что Ленин говорил о так называемом «тонком слое революционеров», на которых держится советская власть. Вспомни! Ленин предупреждал, что именно этот тонкий слой может в случае разложения стать могильщиком советской власти и революции. Это случилось: тонкий слой разложился окончательно. Более того, он заражает своим разложением всё вокруг себя, становится всё толще. К нему прикипают те из молодежи, кто ищет легкой жизни. Статистика

утверждает, что сегодня чиновников всех рангов в СССР в полтора раза больше, чем было в царской России. И это при том, что от нас отошли Польша, Финляндия, Прибалтика, западные земли Украины и Белоруссии. Этот разжиревший слой перестал отвечать насущным потребностям времени. Он настолько разложился, что готов к самоуничтожению. И он должен быть уничтожен.

— Но почему бы не поставить этот вопрос на пленуме ЦК партии именно в том виде, в каком он тебе представляется? — воскликнул Орджоникидзе. — Я в своем докладе говорю об угрозе бюрократизации власти весьма решительно, — продолжал он запальчиво. — Если ты считаешь, что этот вопрос не решит Пленум, можно перенести его на чрезвычайную партконференцию...

— Какой вопрос? — вскинулся Сталин. — Вопрос об уничтожении бюрократии? И перед кем? Перед партийной бюрократией? Ты понимаешь, что ты говоришь? Это всё равно, что дать им в руки револьверы и предложить застрелиться. Застрелится разве что десяток. Остальные начнут стрелять в нас. Ты забыл... — Сталин остановился и ткнул в сторону Орджоникидзе черенком потухшей трубки, точно хотел вколлотить в него свои слова. — Ты забыл, кто застрелил Кирова. Я напому. Его застрелил маленький партийный бюрократ, которого решили направить на производство. Только умственные импотенты увидели в этом поступке Николаева мстительную месть обманутого мужа. Обманутый муж жил в отдельной квартире, получал спецпаек и хорошую зарплату, ездил отдыхать в санатории, почти ничего не делал и не хватался за револьвер оттого, что его жена путается с Кировым. Он схватился за револьвер, когда его отлучили от бюрократии.

— Может, ты и прав, Коба, — потух в конце бурного разговора Орджоникидзе. — Но я на такую роль не гожусь. В бою я не трусил, в бою я врагов не жалел. А это не бой, я даже не знаю, как это назвать. Уволь меня от этого дела. Я готов пойти на любую работу. Я готов вообще отойти в сторону: у меня большое сердце, я устал... Я не смогу равнодушно смотреть в глаза женам и детям своих друзей, которых ты собираешься послать на плаху. Что я им скажу?

— Им ничего говорить не надо. И в глаза их смотреть тоже нет ни малейшей необходимости: они должны пойти за своими мужьями и отцами. Такова логика событий.

— Как ты можешь так спокойно говорить об этом?

— Я говорю так спокойно потому, что если мы этого не сделаем сегодня, если мы не уничтожим верхушку бюрократического аппарата, завтра нам придется заплатить цену вде-

сятеро большую, чтобы отстоять СССР от посягательства мирового империализма. Но, даже заплатив такую цену, мы всё равно можем стать могильщиками не только СССР, но и России. На нас лежит громадная ответственность перед историей. Мы должны избавиться от прогнившего и разложившегося «тонкого слоя». И как можно скорее. Такие дела нельзя растягивать надолго. Государство должно постоянно двигаться вперед, расти, усиливаться и самоочищаться. Руководить этим движением должны энергичные и преданные движению люди. Остановка в развитии приводит к смерти. А в руководстве страной всё больше и больше людей, которые не развиваются сами, не дают развиваться другим, молодым и энергичным. Они заражают своей самоуспокоенностью всех, кто с ними соприкасается. Они плодят себе подобных. Они стали тормозом в развитии государства и общества. Ты думаешь, почему Александр Македонский уничтожил почти всех своих соратников, с кем начал великие завоевания? Потому что его соратникам захотелось спокойной и сытой жизни, им захотелось удовольствий и надоело воевать. Александр знал: это приведет к тому, что враги усилятся, а его держава ослабнет. Мы стоим перед той же самой дилеммой: или СССР, или «тонкий слой», который хочет спокойной и сытой жизни. При этом учти, что очень многие из тех, кто составляет этот слой, не имели и не имеют ничего общего с рабочим классом и крестьянством.

— Но в этом тонком слое, Коба, есть и порядочные люди, отличные организаторы и специалисты, на которых держится вся промышленность. Есть талантливые конструкторы самолетов, автомобилей, танков и прочей техники. Они не бюрократы. Они увлеченные своим делом люди. Да, с ними трудно работать, но без них мы ни на шаг не продвинемся вперед в развитии техники и технологий. Что, их тоже под топор?

— А что ты предлагаешь?

— Создать комиссии, которые бы рассмотрели дело каждого коммуниста, каждого специалиста...

Сталин, до этого стоявший к Орджоникидзе боком, резко повернулся к нему лицом. В глазах его вспыхивали и гасли желтые огоньки, губы кривились презрительной гримасой, левая щека слегка подергивалась.

Орджоникидзе впервые видел Сталина таким. Казалось, внутри Сталина клокочет огонь, готовый вот-вот вырваться наружу и испепелить всё, что окажется на его пути.

Но огонь не вырвался. Сталин погасил в глазах желтые огоньки, плотно сжал губы, провел рукой по лицу. Когда заговорил снова, голос его звучал еще тише, еще глуше:

— Комиссии... Но это и есть метод бюрократа. Мы уже ни раз и не два создавали всякие комиссии, чистили партию и органы соввласти. И что же? Что дали нам эти чистки? Что дали нам эти комиссии? И кто войдет в эти комиссии? Те же самые бюрократы. Лучшей комиссией является сама жизнь. Она отберет тех, кого надо. Попадут под топор невинные? Не исключено. Лес рубят — щепки летят. Вернее: падающее дерево может сломать молодое. И не одно, а несколько. Так бывает часто. Я видел это в Сибири. И что же — не рубить? Рубить надо те деревья, которые годны только на дрова. Именно они мешают расти ценным породам. Эти деревья и есть бюрократия. На место нынешних бюрократов придут другие люди, которые поведут работу по-новому...

Сталин взял Орджоникидзе за борт его френча жилистой рукой. Приблизил свое лицо к его лицу. Лицо Сталина показалось Орджоникидзе совершенно чужим, незнакомым, жестоким. Он испугался, отвел глаза в сторону.

— Невинных не бывает, — произнес Сталин, почти не разжимая губ. — Как не бывает и виноватых. Каждый оказывается в том или ином положении в силу обстоятельств. В одних обстоятельствах человек виновен, в других — за те же самые действия — нет. История... она не знает ни правых, ни виноватых. Запомни это раз и навсегда... товарищ Серго.

Орджоникидзе проглотил слюну, потерянно пробормотал:

— И все равно, Коба, я не понимаю...

— Тем хуже для тебя.

— Так что же мне делать?

— Самое лучшее — застрелиться.

— Ты шутишь.

— Нисколько. Вспомни, как с каторги бежала группа наших товарищей, и один из них в пути заболел. Из-за него могли погибнуть и остальные. Он застрелился. Он был настоящим революционером.

— Хорошо, Коба, я сделаю это, — хрипло произнес Орджоникидзе.

— Прощай, Серго. Я знал, что мы в конце концов пойдем друг друга. Мне будет тебя очень не хватать. А теперь... иди. — И Сталин повернулся к нему спиной.

Орджоникидзе качнулся, как от удара, медленно поднял руку, посмотрел на свою ладонь, потом на прямую спину Сталина, хотел что-то сказать, но, так и не сказав, медленно пошел из кабинета.

Лишь когда за ним закрылась дверь, Сталин шевельнулся, провел рукой по лицу, будто снимая с него паутину, и принялся набивать табаком трубку.

На другой день Орджоникидзе застрелился.
Это случилось 18 февраля 1937 года. Партии и стране сообщили, что Орджоникидзе умер от сердечного приступа...

Пространство, движение, время...

Его, Сталина, обвиняют, что он был против Народного фронта во Франции, против союза коммунистов с социал-демократами. Во Франции победил Народный фронт. И что же? Полнейший разброд и анархия. И это перед лицом всё более крепнущей Германии Гитлера. Случись завтра война, что будет представлять собой Франция социалиста Блюма? Какие силы немцев оттянет она на себя? А Советскому Союзу еще нужно лет десять, чтобы твердо встать на ноги технически, и не меньше пятнадцати, чтобы дать образование всему народу и подготовить соответствующие кадры по всем направлениям народного хозяйства. Не говоря об армии. А народ не хочет учиться. Рассчитывали ликвидировать неграмотность к двадцать седьмому году, но не сделали и половины того, что планировали. И не только потому, что не была готова для этого база, не хватало учителей, учебников, бумаги, средств. Крестьяне детей забирали из школ, полагая, что для того, чтобы пахать землю и крутить хвосты коровам, грамота не нужна. Да и попы старались им внушить, что знания их детям внушаются властью Антихриста, что всякий, посещающий школу, будет наказан как на этом, так и на том свете. Дикость — вот с чем столкнулись власти на местах, решая проблему безграмотности. Да и сами власти только на словах за построение коммунизма, а на деле такая же темнота и невежество в своих постоянных оглядках на тех же попов. Надо будет надавить на митрополита Сергия, чтобы он оказывал соответствующее влияние на свою паству. Или будет оказывать, или... Много еще чего надо, да на всё не хватает ни средств, ни грамотных исполнителей.

Или вот еще пример. Был летом в СССР в качестве гостя Андре Жид. Хорошие слова говорил о Советском Союзе, о стоящих перед ним задачах всемирного масштаба. А поездил по стране, потолкался среди так называемого простого народа и увидел лишь грязь, тех же бюрократов, которые, точно попугаи, долдонили ему одно и то же о достижениях во всех отраслях народного хозяйства и ничего о том, с какими трудностями даются эти достижения в такой отсталой стране, как Россия. Да, зарплаты низкие, да, продуктов питания не хватает, да, работать хорошо еще не научились, но ведь не всё сразу. А вот этого Жид понять не хочет. Ему, видите ли, не нравится, что мы заставляем всех и каждого думать одина-

ково, как бы по шаблону. Или, по крайней мере, выразить свое отношение к действительности одними и теми же словами. А попробуй дай всем волю говорить так, как они думают и видят окружающую их действительность. И тогда, при существующей дикости и невежестве, снова наступит полнейшая анархия, как во время Гражданской войны. Плюс всё тот же «тонкий слой», устраивающий свою жизнь, не считаясь ни с чем и ни с кем...

Пространство, движение, время...

Сегодня всё движется к одной точке — к смертельной схватке с мировым капиталом в лице гитлеровской Германии, а по существу, к схватке Запада и Востока, России и Европы. Все выжидают, никто не спешит проявить свои симпатии, пристрастия, политические цели. Переговоры, разговоры, прощупывание почвы — и всё для того, чтобы понять других и не выдать себя. Троцкий пророчит нам поражение в схватке с Гитлером. Посмотрим. Троцкий уверяет, что самая большая секция возглавляемого им IV Интернационала существует в СССР. Он, как обычно, преувеличивает. Но не воспользоваться его преувеличениями было бы большой глупостью.

Именно под флагом борьбы с троцкизмом должна быть проведена Большая чистка бюрократического аппарата. И в первую очередь — партийного, ибо руководящий слой партии со временем превратился в скопище людей, ищущих лишь удовлетворения своих личных интересов, ничего общего не имеющих с интересами рабочего класса и крестьянства. Сегодня руководящий слой ВКП(б), как это ни парадоксально звучит, есть самый главный враг советской власти и социалистического строительства в СССР, враг революции. Сегодня ВКП(б) сверху донизу подменяет или дублирует административно-хозяйственные и всякие другие органы как в центре, так и на местах. Партия, как инструмент руководства, в массе своей малограмотна и пользуется изжившими себя методами времен Гражданской войны. Без решительной чистки именно партийных рядов от так называемых революционеров мы будем топтаться на месте и тратить огромные силы впустую. И пусть Троцкий называет этот процесс Термидором, а Сталина — Бонапартом, от этого ничего не изменится: у истории свои законы, и Троцкий им не указ.

Сталин вспомнил, что многие в Политбюро и ЦК были против того, чтобы выпускать Троцкого из СССР. Недалековидные люди. Они так до сих пор и не поняли, что не выпустить Троцкого было нельзя: какой бы вой подняли во всем мире либералы, в каких только преступлениях не обвинили

бы Сталина, если бы с Троцким что-нибудь случилось в Алма-Ате... Любую случайность приписали бы Сталину. Многие из них и сейчас — особенно сионисты — все репрессии в СССР рассматривают через призму антисемитизма. И Троцкий им подпевает, теоретически обосновывает этот взгляд.

Но вопли международного еврейства — не самое главное. Троцкий нужен живым и невредимым не в СССР, а именно за границей. Приверженность взглядам Троцкого должна стать — и стала! — той лакмусовой бумагой, приложив которую к тому или иному человеку, нетрудно определить, кто он не на словах, а на деле. Первым на пламя свечи прилетел Блюмкин — и сгорел. За ним последовали другие. Наконец, Троцкий нужен для того, чтобы на его счет списывать все те неизбежные недостатки, ошибки и просчеты, которые выявляются в процессе движения общества к социализму. И Троцкий до поры до времени исправно выполняет свою разоблачительную роль. Пусть пока трудится.

Сегодня Троцкий в Норвегии, давшей ему приют вопреки протестам мирового общественного мнения. Надо выгнать Троцкого из Норвегии, загнать в такую дыру, где он никого бы не интересовал, откуда он меньше всего бы влиял на политическую ситуацию в мире. Пусть едет в Австралию, Новую Зеландию — куда-нибудь в те края, положение которых сегодня практически не влияет на ход мировых процессов.

Пространство, движение, время...

Пока складывается лишь одна коалиция: Германия — Италия — Япония. Некий треугольник, тень от которого всего отчетливее падает на СССР. Страны с высокоразвитой индустрией, наукой, техникой, всеобщей грамотностью и давними традициями. А кто против? Против все, но каждый порознь. Вот и крутись в этой мешанине из отдельных и в чем-то совпадающих интересов, ищи в ней свое место, своих возможных партнеров, не ошибись, не промахнись.

Мудрость и хитрость, игра на противоречиях ведущих держав — вот оружие Советского Союза в нынешней политической обстановке. Со странами, как с людьми. Англия хочет, чтобы Гитлер пошел войной на СССР. Америка хочет того же, но не менее — ослабления Англии. Франция слишком занята собой, продолжая жить в мире иллюзий Версальского договора. Гитлер ищет союза с Англией. Остальные страны — не в счет. Европа еще не созрела для противостояния Гитлеру. Европа не верит, что Гитлер посягнет на ее целостность. Что ж, подождем, пока она созреет.

Но сперва необходимо навести порядок в своем доме. Жаль, что этого не понял Орджоникидзе. Жаль, что этого не пони-

мает Бухарин. Всем им не хватает масштаба мышления, кругозора. Все они похожи на того семинариста, который однажды вы зубрил Катехизис, смотрит на мир через этот Катехизис и по-другому смотреть не способен.

Что ж, свою дорогу каждый выбирает себе сам.

Глава 5

За окнами бесновалась метель. Порывы ветра заставляли дребезжать в рамах стекла, снег с шорохом кидался на них и опадал с горестным вздохом на жестяные карнизы. Откуда-то, прерываемая метелью, мохнатыми волнами наплывала знакомая мелодия, опадала, исчезала, наплывала вновь, заполняя собой домашний кабинет и отвлекая.

Николай Иванович Бухарин потянулся, устало откинулся на спинку стула. Снял очки, потер переносицу. Закурил. Водрузил очки на место, стал перечитывать написанное. Всё не то! Скомкал листки, бросил в корзину. Во рту горечь, в голове пусто. Устало прикрыл глаза. Сон не сон, а что-то навалилось, затуманило голову — и замелькали картины из прошлого, далекого и близкого, и за всеми этими картинами зловещей тенью вырисовывалась малоподвижная фигура Сталина. От неё исходило слабое свечение темноты, похожее на магнитные силовые линии.

Видение Сталина с некоторых пор преследует Николая Ивановича постоянно, то напоминая о чём-то, то предупреждая. Но ни о чём конкретно. Приходится ломать голову в уяснении этих магнитных линий. Куда направлены? Какую опасность таят?

Казалось бы, Бухарин в последние годы напрочь лишился самостоятельности, полностью предоставив Сталину определять политику партии по любым спорным вопросам. Казалось бы, он безоговорочно поддерживает всё, что изрекают евангелическими фразами уста современного Чингисхана, схватывает эти фразы на лету, расцвечивает их звучными эпитетами и метафорами, внедряет в сознание масс. Но Сталин — как та старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина, которой всё мало и мало. Никто не может понять, чего он хочет. Ибо слова его служат прикрытием целей, которые известны лишь ему одному.

В прошлом году Николай Иванович ездил в Европу с официальным заданием Политбюро, а точнее сказать, Сталина, чтобы приобрести архив Маркса и вывезти его в СССР. Между тем Николая Ивановича упорно не отпускала мысль, что Сталин имел в виду совсем другое: что он, Бухарин, выехав в

Европу, назад уже не вернется. Добровольное изгнание. Во избежание участи Зиновьева и многих других. Мысль эта настолько крепко засела в голову, что Бухарину временами мерещилось, будто Сталин даже как-то мимоходом эту мысль высказал, и даже не однажды, но он тогда не обратил на нее своего сугубого внимания...

Бывает так: разговариваешь с человеком — и вроде бы ни о чём. Проходит время, и ты вдруг вспоминаешь случайно обронённую фразу, которая и есть суть разговора. И весь разговор представляется совсем в ином свете. Только Николай Иванович никак не может вспомнить этот разговор, хотя хорошо слышит глуховатый голос Сталина, видит его неподвижные глаза, словно внушающие какую-то невероятную мысль. Может, эта мысль и есть желание Сталина таким вот способом избавиться от Бухарина: поехал и не вернулся. И бог с ним. Не будет путаться под ногами, окончательно развяжет Сталину руки...

Николай Иванович понимает, что такое его представление о действительных желаниях Сталина по меньшей мере наивно, ибо знает, что Сталину с некоторых пор никто рук не связывает, но примириться с мыслью, что ты уже никак не можешь влиять на события в СССР, влиять на Сталина, что тебе остается лишь констатировать факты и пытаться понять причины, по которым революция вдруг стала пятиться, как пятится морской прилив, — примириться с этой мыслью было невозможно. Однако сама мысль жила, требовала объяснения и каких-то зрительных образов.

И воображение Николая Ивановича перенесло его на берег океана. Только берегом этим была вся необъятная Россия, в течение нескольких лет накрывавшаяся гигантскими волнами революционных цунами. Казалось, что всё слабое, пустое, шаткое и ненужное смыло и унесло бушующими потоками, осталось лишь прочное основание, на котором можно строить нечто новое, светлое, вечное.

Океан успокоился, вернулся в свои берега — и что же открылось взору? Действительно, там и сям виднеется прочное основание из красного гранита... Но откуда эта грязь, этот жирный ил, эта киселеобразная слизь? Откуда все эти ползающие и скачущие твари? Вот среди ошметков грязно-зеленых водорослей обнажилось русское офицерство, пока еще без погон и кокард, но с былым гонором и претензиями на исключительность; оно строится в ряды, позванивает шпорами и шашками, поглядывает наверх. Нужды нет, что оно из рабочих и крестьян: из грязи вырастают самые отвратительные князи... Вот среди слизи медуз зашевелились исто-

рики и литераторы еще царских времен с их так называемой «русской идеей», обожествлением Великой России, которой они пророчат бессмертие Третьего Рима. В двадцать девятом году Николай Иванович поспособствовал изгнанию их из стен институтов и академий, из редакций и издательств, ГПУ загнало их за Урал, следы их затерялись в неизвестности... Ан нет — живехоньки и готовы переписать историю России и революции на свой лад... Вот суетится среди мокрых камней так называемая техническая интеллигенция, совсем недавно проходившая по «делу» «Промпартии», «Шахтинскому» и прочим «делам», и к их уничтожению Николай Иванович приложил свою руку: прислужники капитала, враги народа, контра... Вот среди перламутровых лепестков раздавленных ракушек в красных, желтых и других цветов лампадах, в мерлушковых папах суетливыми блохами прыгают казаки, тоже сбиваются в стаи, ровняют ряды... звенят удила, храпят степные кони, бьют в мерзлую землю подкованными копытами. Им тоже не нужна Мировая Революция, им бы покрасоваться да водки хлебнуть... Вот неспешно и без видимой цели ползают туда-сюда на мелком песочке обыватели и мещане, уцелевшие кулаки и попы, прочая контрреволюционная шваль...

Боже, как много всего осталось от старого мира! Как мало, оказывается, унесли с собой в океан кровавые волны революционных цунами! Но вместо того, чтобы добивать проклятое прошлое во всех его проявлениях, Сталин возрождает это прошлое и карает тех, кто противится этому возрождению. Он всё больше и больше предает Мировую Революцию, он воссоздает Российскую империю, по трупам бывших соратников рвется в Бонапарты.

Но, может быть, ему, Бухарину, лишь показалось, что Сталин хотел, чтобы он остался в Европе? Может быть, всё как раз наоборот: Сталин решил проверить своего соратника, чтобы, если он вернется, вновь приблизить его к себе, и они, плечом к плечу, поведут СССР к новым вершинам... сияющим, так сказать... тем более что никого из прежних признанных руководителей партии, ее вождей, уже не осталось. И, как говорится, слава богу. К тому же быть рядом со Сталиным — значит смягчать его азиатскую жестокость и вероломство, значит...

О, если бы в Европе всё было так, как хотелось Николаю Ивановичу! Ничего подобного! Лишь незначительная часть тамошних левых политиков открыто поддерживает Сталина и Советский Союз. Большинство же считает, что в России ничего, в сущности, не изменилось, что коммунизм является

лишь новым флагом, под которым варварская Российская империя не просто противостоит цивилизованному Западу в его популзновениях на ее целостность, но обрела более удобную в современных условиях форму для грядущих на западную цивилизацию атак. Когда там кричат о заразе коммунизма, то непременно о заразе коммунизма варварского, русского, который уничтожит всё. Там говорят открыто, что было бы очень хорошо, если бы Гитлер пошел войной на Россию, чтобы наконец перестал маячить на востоке этот колосс на глиняных ногах. И даже Александр Федорович Керенский. И даже Троцкий. И тьмы и тьмы желают того же.

Именно там Бухарину стало страшно за Россию. Стало страшно за страну, которую он считал навозом для удобрения будущей всемирной революционной пашни. Он всегда не любил Россию по Марксу и, глядя на нее из Европы, соглашался с великим учителем всемирного пролетариата, что колониализм есть благо для отсталых народов, что посредством колонизации цивилизованными нациями эти народы приобщаются к цивилизации ускоренными темпами, что Россия должна пройти стадию колонии и посредством внешнего воздействия войти в будущую семью коммунистических народов. Но, оказавшись в сегодняшней Европе, меньше всего думающей о Революции, раздираемой противоречиями, Бухарин вдруг почувствовал себя не только и не столько революционером, сколько русским человеком, народ которого хотят если и не уничтожить совсем, то загнать в Сибирские болота, в тайгу, в тундру, превратить в одичавших и бесправных индейцев, с которыми можно не считаться. Как же он мог не вернуться! Как мог бы он жить в этом пронизанном ненавистью к России мире, морально готовом не только к тому, чтобы благословить поход Гитлера на восток, но и к участию в этом походе! Пусть в России его, Бухарина, ждет тюрьма, пусть что угодно, но он обязан вернуться и сделать всё, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность. Тем более что на взгляд оттуда, из Парижа, фигура Сталина как бы очистилась от всего наносного, второстепенного и предстала совсем в другом свете: Сталин оттуда виделся как человек, который хочет отсрочить очередную атаку Запада, подготовиться к ней основательно и если наносить удар, то решительный и окончательный. Так кто же ему должен помочь в этом великом деле, как не Бухарин?

В Париже Николай Иванович встречался со многими людьми. Одним жаловался на невозможность работать вместе со Сталиным, другим пытался внушить мысль, что поддержка социалистической России есть первейшая обязан-

ность всех прогрессивно мыслящих людей Запада, третьим... Люди были разные не только по своим убеждениям, но и по чувствам к самой России. Некоторые из бывших соотечественников радовались тому, что Сталин возрождает именно Россию, ее национальный дух и устремления. Они хотели, чтобы это принимало более решительные формы, убеждали, что без опоры на русский национальный фактор России не выстоять в борьбе с Западом, как с извечной и консолидированно-враждебной силой. Эти люди не видели ничего дурного даже в том, что Сталин оттеснил всех бывших соратников Ленина и занял в истории революции второе за ним место. И даже рядом с Лениным, а иногда и впереди. Они полагают, что такое смещение необходимо для авторитета власти. Они утверждают, что так делалось и продолжает делаться везде, но что это временно и что история в конце концов всё расставит по своим местам.

Что ж, может быть, они правы, оценивая Сталина и его политику: издалека виднее. Может быть, Сталин прав, делая уступки русскому национальному элементу и традициям. Слушая речи бывших соотечественников, Николай Иванович не без горечи думал, что он, Бухарин, всё время то опаздывает, то забегает вперед. Но как же тяжело принимать правоту Сталина и сознавать, что ты ошибся в очередной раз! И как же трудно расставаться с мыслью, что Мировая Революция откладывается на неопределенное время!

Бухарин вернулся из поездки в Европу, преодолев мучительнейшие сомнения. И вот чем его возвращение для него оборачивается: возможным изгнанием из ЦК, из партии, снятием с поста главного редактора «Известий» — по существу, политическим убийством, по сравнению с которым физическое убийство мало что значит. Но и это еще не всё: его обвиняют в предательстве... ре-во-лю-ции! Ни много ни мало. А еще в троцкизме, в заговоре с целью раскола СССР, отделения от РСФСР Украины, Белоруссии, Закавказских республик, Средней Азии и даже Приморья. Ему приписывают те марксистские взгляды на Россию как на пушечное мясо для революционных войн, от которых он практически отказался. И не только он один: ведь совсем недавно и сам Сталин смотрел на Россию почти с тех же позиций.

Так что же теперь делать? Восставать? Но это означает рушить единство партии перед лицом надвигающейся военной грозы. Имеешь ли ты право на такое восстание? Нет, не имеешь. Партия — это святое. Ты сам недавно дрался с Троцким, его тайными и явными сторонниками, которые разрушали это единство. Партия — это всё, что у тебя есть. Без партии

ты ничто. Без партии невозможно не только дальнейшее развитие революции, но и существование СССР. Но именно этого не понимает Сталин, преследуя партийные кадры, проверенные временем. На проверку выходит, что он мстит им за то, что они мешают ему вознестись над историей Революции. При этом не сознавая, что подрывает основы собственной власти. Наполеон погиб, погубив Революцию, встав на путь истребления народов и захвата их земель. Сталин погибнет по той же причине, но направленной исключительно внутрь страны. Это так очевидно и так просто понять. Надо лишь убедительно показать это Сталину и всем остальным. Не окончательные же они идиоты.

Николай Иванович долго сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, даже не замечая, что раскачивается вместе с маятником напольных часов. Тик-так, тик-так, тик-так... Влево-вправо, влево-вправо... А делать все равно что-то надо. Хотя бы какое-то завещание оставить потомкам. Или что-то в этом роде. Не исключено, что на завтрашнем пленуме ЦК партии, заседания которого растянулись на несколько дней, решится не только его, Бухарина, судьба, но и судьба страны, Революции...

Однако к «вечному перу» Николай Иванович так и не притронулся: былой уверенности, когда едва забрезжившая мысль заставляла хвататься за перо, а дальше шло само собой — на вдохновении, той уверенности, что всё написанное тобой нужно и важно, — такой уверенности уже не было. Вообще ничего не было. И он, погасив настольную лампу, прикорнул здесь же, на диване, укрывшись пледом.

Сон долго не приходил. Постепенно в уставшем и воспаленном мозгу стали возникать странные ощущения нематериальности как собственного тела, так и окружающего мира. Оставалось нечто бестелесное. Это нечто носилось в пространстве и времени, не соблюдая никаких законов диалектического материализма: из детства в зрелость, из зрелости в отрочество. Потом настойчиво стало казаться, что он, Николай Бухарин, лежит не в своем домашнем кабинете на кожаном диване, а примостился на вокзальной лавке какого-то немецкого городка в ожидании поезда, чтобы уехать... Но куда и зачем, ощущение об этом ничего не говорило.

Утром Николай Иванович, уже одетый, разбудил жену. Она испуганно смотрела на него, осунувшегося, обросшего серой щетиной, с лихорадочно горящими глазами, темными мешками под ними.

— Аня, вот тут, — он сунул ей в руки листки бумаги, испи-
санные плотным почерком. — Тут я написал... нечто вроде

завещания... — говорил он прерывающимся шепотом. — Надо смотреть правде в глаза: не исключено, что я не вернусь домой с сегодняшнего заседания пленума Цэка. Я уверен на... на девяносто процентов, что этого не произойдет, но десять процентов остаются... Возьми и выучи наизусть. Потом, когда-нибудь, если останешься жива... Короче говоря, я хочу, чтобы потомки знали правду. Ты понимаешь?

— Да. Но ради бога, Коля...

— Молчи-молчи-молчи! И пожалуйста, без паники: ты — жена Бухарина. Да. Ты не должна дать повода... Они тут всё перероят, заберут все бумажки... У тебя прекрасная память... Я надеюсь... Я прошу тебя, умоляю...

— Ко-оля! — выдохнула женщина. — Коля, я боюсь.

— Не бойся. Всё будет хорошо. Я верю, что всё будет хорошо. Не может быть, чтобы революция была напрасной. Это противоречит... Впрочем... Я не прощаюсь. Жди меня к ужину.

Наклонился, торопливо поцеловал в лоб, пошел. У двери обернулся, настойчиво повторил:

— Выучи наизусть и сожги.

В зале засмеялись.

Косиор, первый секретарь ЦК КП(б) Украины, произнёс с ухмылкой на круглом лице:

— Совершенно отвратительные типы.

Николай Иванович в растерянности оглянулся на Косиора, встретился с его волчьим взглядом, открыл было рот, чтобы возразить, но тут сбоку прозвучал голос Постышева, секретаря Курского обкома:

— Сплошь отвратительные типы.

— Странно, что ты, товарищ Постышев, пять минут назад снизошел до пожимания руки сплошь отвратительного типа. Ты хоть бы платком вытер свою руку, что ли, — не удержался Бухарин. Но слова эти были произнесены как бы и не им самим, а той частицей его, частицей совершенно мизерной, которая еще цеплялась за прошлое и была способна говорить его языком. Сам же Николай Иванович точно перешагнул через роковой рубеж, за которым ничего не оставалось.

— Товарищ Бухарин! — прозвучал гневно клекочущий голос Кагановича. — Я требую от вас прекратить безобразия и не мешать работе пленума Цэка!

— По-моему, работе пленума Цэка мешает товарищ Ежов своей беспардонной ложью и подтасовками, — отпаривала мизерная частица Николая Ивановича, изо всех сил цепляющаяся за красную обивку гроба.

Каганович, глядя в зал, некоторое время в забытьи стучал карандашом по графину.

Всё это время Сталин ходил за спинами членов Политбюро. Помалкивал. Грыз черенок потухшей трубки.

— Теперь о проблемах борьбы с проникновением троцкизма... — начал было Ежов, но Сталин, остановившийся за его спиной, тихо заметил:

— Я думаю, товарищи, что нам надо закончить вопрос с товарищем Бухариным. У кого на этот счет имеются предложения?

Встал Буденный, одернул гимнастерку, кашлянул, заговорил, растягивая слова:

— Предлагаю исключить, это самое, товарища Бухарина из Цэка нашей ленинско-сталинской партии и, это самое, из партии вообще. А такжеть предать суду Особого совещания с вынесением высшей меры, это самое, пролетарского возмездия, поскольку товарищ Бухарин не оправдал, как говорится, и опять же, вступил в сговор, а мы ему простили и всё такое прочее.

— Есть другие предложения?

Поднялся Постышев, глянул на Бухарина исподлобья.

— Предлагаю исключение, суд, но без расстрела. — И вопросительно глянул в сторону Сталина.

Теперь уже и все остальные смотрели на Сталина, ожидая его решения.

— Что ж, — заговорил Сталин, вернувшись на свое место. — Я полагаю, что надо исключить. Что касается суда, то сперва хорошенько разобраться в деле товарищей Бухарина и Рыкова. Пусть этим займется НКВД. Пусть товарищ Ежов разберется, где правда о товарище Бухарине, а где явные преувеличения, в которых его обвинил товарищ Бухарин.

Члены ЦК с явным облегчением проголосовали за это предложение Сталина.

В перерыве между заседаниями, когда Бухарин выходил из буфета, к нему подошел комендант Кремля:

— Попрошу вас пройти со мной, Николай Иванович, — тихо произнес он.

— Что это значит? — внутренне холодея, так же тихо спросил Бухарин, с надеждой оглядываясь по сторонам.

— Я вам всё объясню, Николай Иванович. Но не здесь же.

— Да-да, конечно, — пролепетал Бухарин и зашагал рядом с комендантом на ослабевших ногах.

«Это всё, — думал он, спускаясь по лестнице. — Это конец».

И вдруг остановился и почувствовал такое равнодушие ко всему — и к самому себе тоже, — что даже испытал некоторое

облегчение: не надо мучиться и вздрагивать от каждого визга тормозов автомобиля или урчания мотора, не надо думать о будущем, не надо ничего хотеть, кроме вечного упокоения.

Глава 6

Актовый зал проектного института, в котором работает Лев Петрович Задонов, забит до отказа. На небольшой сцене за двумя составленными в ряд столами, покрытыми красным сукном, президиум из полутора десятков человек. В первом ряду, непосредственно за столом, сидит исполняющий обязанности директора института молодой кандидат технических наук, ни сном ни духом не предполагавший такого крутого взлета своей карьеры; он волнуется, тревожно оглядывает зал, без нужды перебирает какие-то бумажки.

Рядом с ним секретарь райкома партии, старый коммунист с десятилетним дореволюционным стажем. Он выложил рабочие руки на красное сукно и усталился в одну точку из-под кустистых бровей. Тут же институтский парторг, председатель профкома, секретарь комитета ВЛКСМ. За ними жмутся во втором ряду несколько постоянных активистов из числа рядовых сотрудников и рабочих экспериментальных мастерских.

Зал глухо гудит в ожидании открытия собрания. По рукам ходят списки сотрудников, политическое лицо которых намечено сегодня обсудить. Всего в списке двадцать человек. Ни человечком больше, ни человечком меньше. Вся двадцатка расположилась в первом ряду. Бледные, не выспавшиеся лица, жалкие улыбки, согнутые плечи, зажатые меж коленями руки. Среди двадцати две немолодые женщины: одна секретарь-референт уже арестованного директора, другая заведующая научной библиотекой.

Собрание назначено на восемнадцать тридцать. Уже восемнадцать сорок — нервничает парторг института, то и дело склоняется к секретарю райкома партии, что-то говорит, пожимая плечами, вытирает платком взопревшее лицо, еще раз глазами пересчитывает кандидатов в каэры и вранары.

Парторг тоже молод, ему едва перевалило за тридцать, он всего два года в партии. У него широкие, покатые плечи и мощные руки грузчика (пока учился в институте, подрабатывал на Московской-Товарной, разгружая вагоны с углем и лесом), пиджак на нем сидит косо, галстук повязан неумело.

У парторга почти нет опыта работы с людьми, он лишь пару месяцев побыл партгрупоргом в отделе — и на тебе. «Не

боги горшки обжигают, — сказали ему в райкоме партии, предложив возглавить всю парторганизацию института. И привели в пример Лазо и Тухачевского, которые в двадцать пять лет командовали фронтами. — А тут всего-навсего — проектный институт. К тому же у вас, товарищ Лукашов, пролетарское происхождение, высшее образование, вам лапшу на уши какой-нибудь контрик не повесит. Так что давайте без этих... без интеллигентских штук: партия вам доверяет, впрягайтесь — и вперед!»

И Лукашов впрягся. Вот только где тут зад, а где перед, разобраться еще не успел.

Ждали первого секретаря МК и МГК партии Никиту Сергеевича Хрущева. Опаздывал Никита Сергеевич. Да и то сказать: экая на нем ответственность, экая прорва всяких дел! Москва и область — всё под его непосредственным руководством. Всё до минуты не рассчитаешь.

И вот... И вот какое-то движение, нарастающий гул. Еще никого и ничего не видно и не слышно, но приближение уже уловлено, осознано — и нервное нетерпение охватывает зал, но более всего — президиум собрания. Все знают: товарищ Хрущев слывет человеком принципиальным и крутым, врагам народа спуску не дает, товарищ Сталин ему полностью доверяет.

Несколько дюжих парней прошмыгнуло по сцене из одного конца в другой и пропали за свисающими полотнищами кулис. И у двух дверей встали по двое, по трое. Глазами ощупали ряды, быстро рассредоточились вдоль стен с той и другой стороны.

Вот из-за кулис стремительно вышел невысокий человек лет сорока пяти, с круглой, как шар, головой, с глубокими залысинами и редкими кудельками над ушами; губы толстые, нос сапожком, обочь носа бородавка, под глазом другая, ноги короткие, бедра широкие, бабы, животик заметно переваливает через ремень, как тесто через край квашни, белая рубашка в полосочку, галстук сине-белый, у лацкана черного пиджака орден Ленина, — Никита Сергеевич Хрущев! Известно, что он из рабочих, будто бы даже бывший шахтер, однако злые языки поговаривают, что шахты даже не нюхал. Еще поговаривают, что в начале двадцатых горой стоял за Троцкого, но едва почувял, куда ветер дует сильнее, переметнулся к его врагам и стал рьяным сталинистом. Врут, небось: не стал бы Сталин держать рядом с собой такого перебежчика. Известное дело: дуракам везет. Опять же, надо заметить, что врут, небось, и про дурака. А врут из зависти. И то сказать: иному хоть отца родного в наркомы, а если в голове ни

бум-бум и при этом всё-таки везет, то до первого верстового столба, как говаривали в старые добрые времена.

И пока в некоторых головах все эти черные мысли крутились-вертелись, Хрущев стремительно приблизился к столу, принялся пожимать руки членам президиума, начав со второго ряда, то есть с рабочего класса. Пожимал энергично, улыбался широко и радостно, что-то говорил — из-за шума слышно не было, но ему отвечали улыбками же, значит, говорил что-то веселое, за словом в карман не лез. Надо отметить, что при его приближении члены президиума поднялись со своих мест и стали хлопать. Не то чтобы рьяно, но с заметным и всё нарастающим энтузиазмом.

И зал тяжело, лениво, с каким-то даже недоверием к этому простачку, тоже поднялся, тоже принялся хлопать, взбадривая себя общим движением, заражая, вовлекая в единый порыв скептиков и маловеров, с каждым хлопком всё сильнее и сильнее.

Хрущев, пожав последнюю руку, повернулся к залу лицом, стал хлопать вместе с залом. И те, что в президиуме, тоже.

А тут еще крики:

— Да здравствует марксизм-ленинизм!

— Да здравствует партия Ленина—Сталина!

— Да здравствует наш любимый вождь товарищ Сталин!

— Да здравствует мировая революция!

Крики подстегнули, и все так начали бить ладонь о ладонь, что с потолка посыпалась побелка, припудривая плечи, ученые шевелюры и лысины. Однако собравшиеся этого не замечали, выкрики и здравицы звучали то сзади, то с какого-нибудь бока, и этому, казалось, не будет ни конца, ни краю, а людям, похоже, и не нужно было ни конца ни краю, а только вот так стоять и хлопать — до бесконечности.

Лев Петрович Задонов устал хлопать, он вообще был настроен весьма скептически ко всему этому рассмотрению... Или как там его? Он томился и мучился непонятными желаниями и даже подозрениями относительно правомерности или — опять же, как там его? — основательности всей этой кампании по выявлению врагов народа. Он видел — да и другие не могли не видеть, — что люди, которые собираются обсуждать кандидатов в каэры, ничуть не лучше (и не хуже) обсуждаемых, что тут что-то не так, что за всем этим кроется что-то совсем другое, а не то, что возглашается со страниц газет и журналов, с митинговых трибун, из чёрных тарелок репродукторов. Льву Петровичу, привыкшему к точным формулировкам и математическим выкладкам, резоны, по которым

выпячивались одни люди, не замечались и даже задвигались другие, казались надуманными, ложными и бесчестными. Но кому он мог сказать о своих сомнениях? Никому. Даже брат Алешка — журналист все-таки — и тот увиливает от прямых ответов, хотя знает не в пример больше обычного смертного.

Выкрики и аплодисменты не умолкали. Хрущев поднял обе руки, короткие и короткопалые, потряс ими в воздухе, точно отряхивая от воды, что-то сказал — и президиум стал садиться, но как-то несмело, поглядывая друг на друга и на стоящего обочь стола Хрущева. Видно было, что каждый боится сесть первым, (последним — это даже лучше), и потому соизмеряет приближение своего зада к сидению с задами других.

Наконец сели и затихли. И Хрущев тоже сел, но не в середине, а сбоку, хотя его настойчиво приглашали в середину. Стоять остался лишь институтский парторг Лукашов. Он нервно кусал губы и бесцельно перебирал длинными пальцами лежащие перед ним бумажки.

Зал затих, превратился в слух.

Лукашов кашлянул в кулак, произнес хриплым от волнения голосом:

— Товарищи!

И еще раз, но уже отчаянно звонко:

— Товарищи!

И заговорил, всё более накаляясь:

— Наша страна, родина Ленина и Сталина, первого в мире государства рабочих и крестьян, живет и борется в тесном окружении врагов всех мастей и оттенков. Одни — это недобитые буржуи, мечтающие о возвращении старых порядков, царя-батюшки, капиталистов и помещиков. Другие — их прихвостни. Третьи — вырожденцы, испугавшиеся трудностей и опасностей всемирной битвы с хищническим капиталом и его родным дитятей фашизмом. Четвертых купила международная реакция за тридцать серебряников, чтобы они вредили нашему строительству, нашему движению вперед, к коммунизму. Пятые — это те, кто почил на лаврах прошлых заслуг, оторвался от рабочего класса и трудового крестьянства. Шестые — просто мелкие жулики и приспособленцы. Есть и седьмые, и десятые! — говорил Лукашов, вполне освоившись. — Много у нас с вами врагов, товарищи! Есть эти враги и в нашем коллективе, среди наших сплоченных рядов. Они стоят рядом с нами, они выкрикивают правильные и дорогие сердцу пролетария лозунги, они отбивают ладоши вместе с нами, на их лицах улыбки радости и счастья, но это улыбки Иуды, их радость нам во вред. Таких врагов трудно

выявлять, но выявлять необходимо, иначе в критическую минуту они вонзят нам в спину свой отравленный ядом ненависти нож. Кое-кого мы уже выявили и будем сейчас устанавливать общими усилиями коллектива их подлинное лицо.

Лукашов оглядел первый ряд, затем весь зал, облизал губы и провел обеими руками по волосам. Короткие жесткие волосы на его голове и без того торчали в разные стороны, руки взлохматили их и поставили дыбом.

— Абрам Исаакович Бляшкин, — выкрикнул Лукашов тоненьким голоском и ткнул пальцем в первый ряд, в направлении тщедушного человечка с выпуклыми глазами, оттопыренной нижней губой и обширной лысиной, обрамленной седой куделью, фамилия которого значилась в списке первой.

Тщедушный человечек вздрогнул и отшатнулся на спинку кресла.

А Лукашов продолжал как по писаному сыпать словами, и с каждым словом голос его всё более крепчал и обретал необходимую твердость:

— Товарищ Бляшкин является начальником отдела проектирования котлов высокого давления, член партии с 1924 года. Товарищ Бляшкин происходит из мелких служащих, образование среднетехническое по профилю часовых механизмов, стоял на позициях троцкизма, за что вычищался из партии в двадцать шестом году. Известен у нас как один из зажимщиков всего нового, передового, революционного, как волокитчик и ретроград. Это явно примазавшийся к революции человек для подрыва ее идейных основ и организационного единства. Кто имеет сказать в защиту товарища Бляшкина? — спросил Лукашов и оглядел с высоты притихший зал.

Никто не шелохнулся.

— Как видите, товарищи, среди нас нет желающих оправдывать товарища Бляшкина, его отсталые взгляды на развитие советской техники, его троцкистские симпатии, его скрытую от глаз контрреволюционность. Кто имеет сказать против товарища Бляшкина? — И, снова ткнув пальцем в маленького человечка, потребовал: — Встаньте, товарищ Бляшкин. Встаньте, чтобы вас видели все честные товарищи, а то, может, вас не все еще знают в лицо.

Бляшкин тяжело поднялся на ноги, опираясь обеими руками о подлокотники. У него было маленькое тело, широкие бедра и несоразмерно с телом длинные ноги и руки. На его бледном лице застыла мучительная гримаса недоумения, на кончике хрящеватого вислого носа дрожала мутная капля. Дышал он тяжело, с привсхлипом, точно собирался заплакать.

— А кто выразит свое недоверие товарищу Бляшкину? — еще раз спросил Лукашов.

Зал молчал и не шевелился.

— Вот вы, товарищ Задонов, — ткнул пальцем в середину зала Лукашов. — Вот вы, как мне известно, не раз спорили с товарищем Бляшкиным, не раз критиковали его консерватизм, волокиту и зажим всего нового. Вам что, товарищ Задонов, нечего сказать против своего начальника? Доверяете вы ему или не доверяете?

Лев Петрович встал, растерянно огляделся по сторонам. Он был оглушен таким оборотом дела, не ожидал, что судьба Бляшкина окажется связанной с ним, он не умел и не любил выступать на подобных собраниях, когда людьми властвуют не логика, не инженерные расчеты, а не поймешь что. Он действительно не раз спорил с Бляшкиным, начальником отдела, в котором сам Лев Петрович был руководителем проектной группы, ругался с ним и даже однажды жаловался на Бляшкина на научной конференции института. Он не любил Бляшкина, он презирал его, бывшего часовщика, случайно затесавшегося в среду котлостроителей, но чтобы выступать на таком мероприятии, когда от твоего выступления зависит судьба человека, пусть и неприятного, пусть там еще какого-то, — на такое Лев Петрович никогда бы не отважился, хотя не раз клял Бляшкина последними словами. Да и не он один.

— Я... если иметь в виду техническую сторону... — мямлил Лев Петрович, почти физически ощущая сотни устремленных на него глаз, и не только с боков и сзади, но и спереди, потому что все сидящие впереди повернулись к нему лицом, все чего-то от него ждали, требовали, молили. — Я, признаться, не слишком разбираюсь...

— Нас интересует одно, — пришел ему на помощь Лукашов: — доверяете вы Бляшкину или не доверяете? Да или нет? — вот что нас интересует. Ибо политическое лицо Бляшкина выявлено вполне и видно невооруженным глазом.

Льву Петровичу почудилась в голосе Лукашова угроза, он проглотил слюну, хрипло выдавил:

— Н-нет.

— Громче, товарищ Задонов!

— Я говорю: нет! Я не доверяю товарищу Бляшкину, — в отчаянии выкрикнул Лев Петрович, чувствуя, как лицо его и шею охватывает жаром. И тут же стал оправдываться: — Но я не доверяю ему исключительно как специалисту совершенно другого профиля! Товарищ Бляшкин по профессии часовщик, на должность попал, как мне представляется, совер-

шенно случайно, и, следовательно, его вина вытекает из его невежества в деле, которое ему поручили. Что касается всего остального, то мне об этом ничего не известно.

— Правильно! — поддержал Задонова кто-то сзади. — Мы все не доверяем Бляшкину. Он в прошлом месяце зарезал новую модель парораспределителя высокого давления! А потом эта модель всплыла в Германии. Вот истинное лицо Бляшкина, товарищи! А это и есть троцкизм в чистом виде. И товарищ Задонов не может об этом не знать.

Лев Петрович обернулся. Хотя он по голосу узнал заместителя Бляшкина по внедрению и одновременно секретаря партячейки отдела Давида Леонидовича Тёмкина, тоже не самую светлую личность в их отделе, но он до такой степени не мог поверить, что именно Тёмкин станет так рьяно выступать против своего начальника, которого поддерживал всегда и во всём и на дочери которого был женат, что даже не обратил внимания, что часть стрел против Бляшкина направлена и против него, Льва Задонова, поэтому-то и смотрел на Тёмкина во все глаза, как на какое-то чудище, а в голове молоточком стучала глупая, еще даже и не оформившаяся мыслишка, и мыслишка эта складывалась в незамысловатый стишок: Тёмкин Бляшкина любил, Тёмкин Бляшкина убил.

— Очень принципиально правильное пояснение товарища... — одобрил Лукашов, склонил голову к новому директору института и добавил: — ... товарища Тёмкина. Правильное и вполне исчерпывающее. Кто еще добавит к характеристике товарища Бляшкина? Никто не добавит? Ставлю на голосование: кто за то, чтобы выразить полное недоверие товарищу Бляшкину?

Лес рук был ему ответом.

Лукашов глянул в сторону Хрущева, как бы проверяя на нём правильность ведения собрания. Взгляд Лукашова перехватил секретарь райкома и одобрительно кивнул головой.

— Единогласно! — радостно возвестил Лукашов. Но тут же, спохватившись, спросил на всякий случай: — Может, всё-таки найдется кто против общего мнения?

Никого против общего мнения не нашлось.

— Переходим к следующей кандидатуре! — торжественно провозгласил Лукашов, уже вполне освоившись со своей ролью. — Следующим у нас по списку идет товарищ Вагонников... Встаньте, товарищ Вагонников. А вы, това... гражданин Бляшкин, можете сесть... Пока. Теперь, я думаю, вами займутся наши славные чекисты. Уж они-то наверняка выяснят, кто вы есть на самом деле.

В зале раздались несколько хлопков.

Бляшкин, между тем, продолжал стоять, шевеля губами. Наконец в зале стихло, и стало слышно, что говорит Бляшкин:

— Я ни в чем не виноват, — шепелявил он, потому что так совпало: ему вчера удалили сразу четыре верхних зуба, а вставить новые обещали лишь через две недели. — Вот честное слово! Я сразу же сказал товарищу главному инженеру, что ничего в котлах не смыслю, а мне он таки уже сказал, что раз я член партии, то, значит, должен уже соответствовать...

— Ваши оправдания гроша ломаного не стоят, — перебил его Лукашов. — Тем более что бывший главный инженер сейчас дает показания в соответствующем месте. Садитесь, гражданин Бляшкин. Не мешайте нам вести собрание.

Лев Петрович плохо следил за дальнейшим ходом разбирательства. Одна мысль не давала ему покоя: правильно или нет он поступил, выразив недоверие Бляшкину, поддавшись нажиму Лукашова? С одной стороны, вроде бы правильно: Бляшкин этот... ну и так далее. С другой стороны, получается, что он, Лев Задонов, вынес осудительный приговор человеку, который, собственно, и не виноват в том, что он такой, какой он есть, что лишь роковая случайность привела его в институт, подняла на такую ответственную должность, на которую он не имел никакого права. Быть может, ему где-то действительно сказали, что он обязан стать начальником отдела, потому что... и привели какие-то аргументы в защиту своей точки зрения. Может, тот, кто назначал Бляшкина, пристраивал своего человека. Ну и... Опять же, повышенная зарплата, а у этого Бляшкина трое детей, правда, взрослых, правда, дочь работает в этом же институте, и муж этой дочери, то есть Тёмкин. И еще один зять. Семейственность, так сказать, налицо. Так не один Бляшкин грешен этим семейственным грехом, многие грешны тоже. Ну, сняли бы Бляшкина с должности, послали бы на часовой завод или в часовую же мастерскую. Или еще куда. Так ведь нет: унизили человека, растоптали его человеческое достоинство, а завтра, вполне возможно, отправят на Лубянку, а оттуда...

Но что еще мог сказать в его защиту Лев Петрович Задонов? И надо ли было говорить даже то, что он сказал? Имел ли он на это право? Не подверг ли он и самого себя подобной же опасности, имея в виду свое дворянское происхождение? А более всего своих детей. Алексей, помнится, как-то говорил, что у государства рабочих и крестьян возникла необходимость в очищении своего организма от приобретенных за годы становления новой власти пороков, что такие очи-

шения известны в истории всех народов, даже описаны в Библии, что бывают они всегда болезненны, что препятствовать этим процессам бесполезно и опасно, ибо эти процессы продиктованы ходом истории и политической целесообразностью и зиждятся на каких-то подспудных течениях...

Всё это так, кто ж спорит, но за каждым таким процессом стоят живые люди. Хорошо рассуждать таким образом, когда ты стоишь в стороне. А если сам окажешься в первом ряду и в списках на рассмотрение? Вот то-то и оно.

Сосед Льва Петровича, Дмитрий Сергеевич Сувардов, ведущий инженер проекта, над которым работает бригада Задорова, больно толкнул Льва Петровича локтем в бок, схватил за руку, прижал ее к подлокотнику, прошептал в самое ухо:

— Вы что, Лев Петрович, с ума сошли?

— А? Что? — испугался Лев Петрович, догадавшись, что задумался и не понял, за что просил Лукашов голосовать.

— Вы что, не слышали, что ли?

— Н-нет, — прошептал Лев Петрович и с испугом посмотрел по сторонам.

— Слушать надо, — укоризненно попенял ему Сувардов. — Кузьмикина разбирают. — И уверенно заключил: — Шкура. Соловки по нем плачут.

Несколько минут Лев Петрович старательно слушал, что говорили с трибуны, что выкрикивали с мест, что энергично и даже радостно возглашал из президиума Лукашов. Но скоро слух его снова стал как бы заплывать воском — и лишь одно бу-бу-бу воспринималось сознанием, как будто Лев Петрович сидел не на собрании, а у себя в отделе и пытался решить какую-то сложную техническую задачу, когда всё постороннее перестает существовать вовсе. Правда, теперь Лев Петрович то и дело поглядывал по сторонам, чтобы уловить общее настроение и не попасть впросак, однако смысл изменчивого настроения зала им не улавливался: собственное настроение, собственные мысли были сильнее и поглощали его целиком.

Зал захлопал.

Лев Петрович вздрогнул, покосился на хлопающего в ладоши Сувардова и тоже стал хлопать.

На трибуне стоял Хрущев и, ожидая тишины, расправлял вынутую из бокового кармана заготовленную речь.

Глава 7

Никита Сергеевич Хрущев стоял на трибуне и смотрел в зал. Он был уже вполне опытным партийным работником и

поэтому знал, вернее сказать, угадывал каким-то девятым-десятым особым чутьем, внутренними часами, сколько времени положено хлопать залу перед выступлением партийного секретаря Москвы и области, так чтобы ни минуты больше, но и ни минуты меньше, потому что больше — это в ущерб стоящему над ним Сталину, меньше — в ущерб первому секретарю МК и МГК ВКП(б). И уж совершенно точно знал Никита Сергеевич, что за кулисами справа сидят две пожилые дамы, кремлевские стенографистки, и записывают всё, что здесь говорится и делается, — вплоть до количества и интенсивности аплодисментов, и в связи с чем эти аплодисменты возникают. И много чего еще. Потом эти записи расшифруют, отпечатают на машинке и положат на стол Сталину. А Сталин обратит внимание прежде всего на то, не умаляют ли его, Сталина, роль вождя партии и главы государства рабочих и крестьян, не хочет ли кто с помощью дешёвой популярности вытеснить его с первого места.

Никита Сергеевич понимал, что без такой политической бухгалтерии никак не обойтись. Сам он тоже ведет подобную же бухгалтерию по отношению к подчиненным ему московским партаппаратчикам, следит, чтобы никто из них не сел ему на хвост, иначе проворонишь и останешься с носом. Это в лучшем случае. В худшем — это когда Сталин решит, что Хрущев перестает пользоваться определенным ему по должности авторитетом среди народных масс, среди партийных работников, рядовых членов партии и беспартийных. Ибо авторитет помощников генсека, членов Политбюро и ЦК есть составляющая авторитета самого Сталина, советской власти. А впереди выборы в Верховный Совет СССР.

Зал хлопал, назначенные для этого люди выкрикивали положенные в данной ситуации лозунги и здравицы, и после каждого выкрика рукоплескания несколько усиливались, затем начинали спадать. До следующего выкрика.

Иным может показаться, что рукоплескания — это ерунда, показуха. Ан нет, господа хорошие, товарищи распрекрасные. Не ерунда и не показуха, а показатель активности, политической благонадежности и зрелости того или иного коллектива, того или иного социального слоя советского общества. Если вяло похлопали и сели, значит, либо выказывают свое неуважение к главному лицу, присутствующему на собрании, либо вообще равнодушны к тому, на что их нацеливает партия и товарищ Сталин. Даже страшно представить себе, чтобы на стол Сталину лёг отчет, а в нём было зафиксировано, что на этом собрании хлопали мало и вяло. Особенно товарищу Хрущеву.

А между тем внутренние часы подсказали, что время аплодисментов кончилось, пора дело делать. Подчиняясь этим часам, Никита Сергеевич поднял короткопалую руку и несколько раз нежно и с удовольствием словно бы придавил ладонью в воздухе перед собой нечто невидимое другим, нечто мягкое и податливое, как пуховая подушка, — и зал разом и с видимым облегчением оборвал хлопки и затих.

Хрущев кашлянул и слегка нахмурился: ему не понравилось, что именно разом, будто топором отрубили, оборвались хлопки; могли бы для приличия чуть затянуть их, не показывать своего облегчения. Все-таки эти интеллигенты как были интеллигентами, так ими и остались. Только поэтому их надо хорошенько вычищать и перевоспитывать с помощью физического труда на свежем воздухе.

Заглянув в бумажку, Хрущев заговорил, то и дело энергично выбрасывая вперед руку, сжатую в кулак, потрясая ею в воздухе, грозя невидимым врагам и предупреждая их о неминуемой расплате за их подлые деяния. Сперва он говорил по бумажке, затем, всё более воодушевляясь и распаляясь, заглядывал в бумажку всё реже и реже, отступал от текста, фразы строил вкривь и вкось, даже не замечая этого. Да и слушатели мало обращали внимания на то, как говорил секретарь горкома и обкома. Для них важнее было не как, а что он говорил, а более всего — что имел при этом в виду.

— Не по речам на митингах и собраниях, но по делам на действительном социалистическом строительстве, на действительно практической работе мы должны судить о людях, о каждом конкретном человеке, особенно о членах партии и руководителях, об их практической пригодности для нашего общего дела, об их политическом и идеологическом облике, — уже почти кричал Никита Сергеевич, брызгаясь слюной, которая закипала у него в уголках губ, не замечая, что говорит почти по Евангелию. Он облизывал губы или отирал их тыльной стороной ладони, не замечая и этого. И редкие слушатели подмечали эти неважные подробности.

— Так учит нас товарищ Сталин, самый первый и самоотверженный строитель социализма! — выкрикнул Никита Сергеевич, и кулак его взлетел над головой и несколько раз с остервенением стукнул невидимую пуховую подушку — и всплеск восторженных аплодисментов и одобрительных выкриков, точно пух и перья из подушки, были ему ответом.

— А особо непонятливым товарищ Сталин разъясняет, что враг советской власти и трудового народа прячется прежде всего за красивые и правильные слова, он ридится в них, как

тот кочет, в красные перья. Больше ему прятаться не за что, рыдаться не во что. Кривая рожа зеркала не любит.

В президиуме захлопали, заулыбались. Захлопали, заулыбались и в зале. И даже кое-кто засмеялся. Но очень робко, будто смеяться на таком собрании недостойно образованного человека. Никита Сергеевич успел за это время заглянуть в бумажки и отереть губы. Затем очередное мягкое, любовное придавливание ладонью невидимого пуховичка: мол, спасибо за аплодисменты, за улыбки и смех. Однако, делу — время, аплодисментам и улыбкам — минутка.

— Что мы имеем сегодня на фронте борьбы с контрреволюцией, шпионажем, терроризмом, идеологическим и практическим троцкизмом, с явным и скрытым оппозиционерством? — спросил Никита Сергеевич, наваливаясь грудью на трибуну и с подозрением оглядывая зал. — Мы имеем сегодня... э-э... широко разветвленную, так сказать, вражескую сеть, которая... м-мы-э... которую наши враги раскинули у нас, как говорится, под самым нашим носом. Многие товарищи попадают в эти сети, как малые щенята. Сидя на колесе, смотри под колесо, говорит народная мудрость, а то ненароком свалишься. Мы, большевики, воспитанные Лениным—Сталиным, никогда не рассчитывали на авось. Держался авоська за небоську, да оба в яму упали. Нам в яму падать не с руки. Мы всегда имели отличное классовое чутье и распознавали врагов трудового народа под любым обличьем. В этом нам помогал и помогает рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция. Так было и так будет всегда.

Снова хлопки, шелестение бумажек и отирание губ.

— Сегодня, товарищи, вы выставили на всеобщее рассмотрение и обсуждение двадцать человек, чьи политические физиономии не внушают доверия вашему коллективу. Должен вам сказать со всей большевистской откровенностью и прямоотой и как бывший рабочий человек, который рубал в шахте уголек, что это хороший, можно сказать, передовой показатель политической активности и приверженности вашего коллектива советской власти и лично товарищу Сталину. Хотя, я уверен, что это не все, кого следует выводить на чистую воду. Тут некоторые товарищи так и не поняли, что от них требует исторический момент, они так и не смогли внятно осудить явных бюрократов, вольных или невольных противников нашего стремления к коммунистическому будущему, случайных в вашем коллективе людей, тайных троцкистов и оппозиционеров. А это тоже подозрительно и требует пристального внимания коллектива и партийной организации.

Хлопки, шелестение, отирание.

— Мы по Москве и области выявили на сегодня пока только триста восемь товарищей или, лучше сказать, подозрительных элементов, которыми уже вплотную занимаются наши славные чекисты. Это, конечно, мало. Очень мало. Я бы сказал так: прискорбно мало для такого города как Москва и область. От поблажки, говорит народная мудрость, воры плодятся. Но работа еще только разворачивается, она только в самом начале, и я уверен, что пройдет короткое время, как мы окончательно очистимся от всех контрреволюционных элементов и не позволим им плодиться на нашей советской земле!

Взмах кулаком, хлопки, шелестение, отирание.

— Конечно, среди выявленных врагов могут оказаться и люди не столь уж виноватые перед советской властью. И даже совершенно не виноватые. При таких масштабах борьбы с контрреволюцией ошибки неизбежны. Мы будем выявлять эти ошибки и исправлять допущенные искривления. Конь о четырех копытах, и тот спотыкается. Но пусть безвинные жертвы не падают духом, пусть всегда верят в революционную справедливость! Если среди ваших двадцати выявленных вражеских элементов окажутся две-три невинные жертвы — это, товарищи, не много, это совсем даже мало. Зато мы будем уверены, что не осталось ни одного не выявленного элемента, ни одного троцкиста, ни одного шпиона и диверсанта, ни одного вредителя. Пусть для безвинных это будет утешением. Ибо никакая война, тем более революционная, не может обходиться без потерь со стороны атакующего рабочего класса и его союзников. Даже при строительстве дома случаются несчастные случаи: то кто-то свалится с лесов по неосторожности или пьяному делу, то кирпич упадет на голову зазевавшегося прохожего. Но никакие жертвы не могут быть напрасными! Никакие случайные жертвы не могут остановить строительства социалистического дома, никакие случайные, но неизбежные жертвы не могут остановить нашей борьбы с врагами революции. Лучше двоих-троих безвинных отправить на строительство Волго-Балтийского канала, где они покажут чудеса трудового героизма, чем оставить на свободе двух-трех не выявленных врагов трудового народа, советской власти и большевистской партии. В свое время, разобравшись во всём, мы склоним головы перед безвинными жертвами классовой борьбы. Пусть они всегда об этом помнят и не теряют твердости духа.

Кулак, шелестение, отирание, аплодисменты.

Усевшись в черный «Крайслер», Никита Сергеевич окинул мысленным взглядом только что закончившееся собрание коллектива проектного института и остался доволен и самим собранием, и своим на нём программным выступлением. Особенно ему понравилась импровизация о безвинных жертвах, неизбежных при такой большой чистке. А то по городу ходят слухи, будто советская власть теряет опору в массах и потому начала гонения на всех инакомыслящих и даже просто безмыслящих. Болтают также, что сам Хрущев решил таким образом избавиться от приверженцев Кагановича, бывшего до него первым секретарем МК и МГК, что Ежов по той же самой причине устраивает гонение на людей Ягоды в своем наркомате, что то же самое происходит в других наркоматах, в областях и краях, республиках и автономиях, что, наконец, под видом борьбы с троцкизмом развернута очередная антисемитская кампания. О последнем пункте особенно много кричат на Западе, и больше всего те евреи, которые оказались не у дел после Октября семнадцатого года.

Никита Сергеевич был в меру умным и в меру же хитрым человеком, хотя иногда весьма увлекающимся. Он отлично понимал, что Сталину давно надоели безрезультатные чистки партии и чиновничьего аппарата, и поэтому он решил одним махом избавиться от старой бюрократии, чтобы новая была менее бюрократична и более зависима от центральной власти. Понимал Никита Сергеевич, что и сам он относится к числу «старой бюрократии», хотя и не такой «старой», как другие, что каждый день его самого могут вычистить и отправить в бездонные подвалы Лубянки. Но чтобы туда не попасть, надо делать всё, чтобы Сталин поверил в небюрократичность первого секретаря МК и МГК ВКП(б), а для этого сам Хрущев должен действовать без всяких проволочек, сомнений и раздумий по поводу правоты своих поступков. Тем более правоты Сталина. Он должен действовать решительно и бескомпромиссно, именно в том направлении, в котором действует сам Сталин.

Для Сталина важно беспрекословное повиновение окружающих его людей — Хрущев готов повиноваться именно беспрекословно. Для Сталина важно, чтобы окружающие его люди не входили ни в какие группировки, ни в какие даже самые невинные приятельские сообщества — и Хрущев не допускает ни с кем сближения больше, чем этого требует его должность и работа. Для Сталина важно, чтобы никто из его

окружения не опорочил себя никакими излишествами в обычной жизни, — и Хрущев не тратит на себя ни копейки больше того, что положено ему тратить на себя и свою семью. Он не взял себе ни книги из библиотек знати, ни кресла, ни картины, ни сервиза, на которые оказались так падки практически все должностные лица уходящей волны. Он, Хрущев, сама скромность. Он даже любовниц себе не заводит в отличие от Ворошилова, Калинина, Кагановича и многих других. Правда, Сталин на подобные шалости своих приближенных смотрит сквозь пальцы, но это он сегодня так смотрит, а как будет смотреть завтра, известно разве что одному богу.

Может быть, всё вместе взятое и отведёт от него беду, думает Никита Сергеевич, поглядывая в окно на бегущие мимо дома и людей. Главное, не дать повода. А еще доказать всей своей деятельностью, что его увлечение троцкизмом в начале двадцатых было случайностью, издержками молодости и неопытности. Теперь-то он понимает, как это было глупо с его стороны связывать себя с Троцким и не разглядеть за неприметной фигурой Сталина будущего Хозяина.

Правда, в ту пору трудно было даже представить, что Сталин, висевший на волоске, особенно после опубликования «Завещания» Ленина, где он был назван человеком грубым и нетерпимым, — что этот волосок не оборвется. Как не могли представить себе Хрущев и многие другие в своем захолустье, что именно Троцкий, Зиновьев и Каменев встанут за Сталина горой и помогут ему удержаться на месте генсека. Судя по всему, и сама эта троица не представляла, чем их поддержка для них же и обернется.

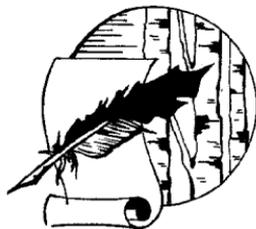
Да, триста восемь человек по Москве и области слишком мало для Большой чистки. Если не нажать на местные парторганизации и отделения НКВД, количество вычищенных будет расти черепашьими темпами. Вот в проектном институте вычистке подверглись сразу двадцать человек. Есть там, конечно, лица, которые попали в этот список случайно. Но ведь ни за одного из них никто не заступился, никто не нашел для них оправдательного слова. И не ему, первому секретарю МК и МГК, искать за других подобные слова. Пусть свершится народное правосудие! Если в каждом институте по двадцать, да на заводах, да в наркоматах, да во всяких конторах — огого! Но так высоко лезть нельзя. Хозяину Москвы не положено. У него свои границы, свои возможности и права. Однако подстегнуть кампанию разоблачений необходимо. На это нацеливают не только резолюции и постановления Пленумов ЦК, но и чувство собственной безопасности.

Если по большому счету, если принципиально, то Хрущеву и самому стоят поперек горла все эти заслуженные революционеры. Толку от них всё меньше, а вреда всё больше: во-первых, народ разлагают своим брюзжанием; во-вторых, заражают рядовых граждан преступной вседозволенностью и безответственностью. Уж до чего иногда доходит — так просто кошмар! Он, первый секретарь МК и МК ВКП(б), член ЦК и прочая, подчас не может пробить через бюрократические рогатки какую-нибудь чистую, прости господи, хреновину... Хреновина, конечно, и есть хреновина, если на нее смотреть с точки зрения мировой революции, да только народ смотрит не на то, сколько там заводов и фабрик построено, а что в московских магазинах есть, а чего там нету. Сами, дурачки, в петлю лезут. И поделом.

Никита Сергеевич улыбнулся, но тут же деловито нахмурился и глянул на своего помощника.

— Завтра... Завтра на завод «Динамо», — сказал он ему. — Свяжись с райкомом. Нужны показатели. А то они там, мать их ... — И Никита Сергеевич покрутил в воздухе короткопалой пятерней: мол, не подстегнешь — не засуетятся.

Помощник склонил голову и что-то записал в свой блокнот.

Анатолий АВРУТИН

К 70-летию поэта

ОПРОКИНУТАЯ БЕЗДНА АНАТОЛИЯ АВРУТИНА

Никогда не была согласна с теми, кто говорит о закате русской традиционной поэзии. В любой момент просто навскидку могла бы назвать не один десяток имён прекрасных современных поэтов из самых разных мест. Но даже на таком фоне Анатолий Аврутин, на мой взгляд, — ярчайшее и крупнейшее явление, именно — явление в современной поэзии и литературе вообще. Поэт традиционный в самом высоком смысле этого слова. Ведь настоящая традиционная литература — это не только и не столько самовыражение, а также вовсе не самозабвенное выворачивание себя наизнанку перед публикой, но, в первую очередь, — всегда стремление к бесконечному совершенству, всегда — движение в сторону вечности и беззаветное служение ей. Да, традиционная поэзия — это именно самоотречение и стремление поэта выстроить свой (а, стало быть, и читателя) внутренний мир по высочайшим, порою просто недостижимым ориентирам. И пусть они практически недостижимы в обыденной жизни, но без этого стремления автора нет и не может быть поэзии как таковой.

И всё творчество Анатолия Аврутина являет собой великолепный пример — именно такой настоящей традиционной литературы:

*И не понять, зачем душе любезно
Напрасное гудение в крови,
В котором опрокинутая бездна
И трепет, что попробуй, улови.*

Мало кто задумывается, какой высочайший уровень таланта и мастерства, какое мужество требуется от поэта сейчас, чтобы писать о вещах самых простых и сложных одновременно, о понятиях, которые были, есть и будут самыми главными для каждого человека, — о любви, ненависти, жизни, смерти... О детстве и Родине... Особенно — о любви в её всеобъемлющем значении: к женщине, своему дому, своей земле, о любви как главной человеческой ценности. Анатолий Аврутин обладает этим талантом и мужеством в высочайшей степени. Он умеет написать о самом сокровенном от вполне житейского:

*Кого я в юности любил —
тех и донныне вспоминаю.*

До высочайшего:

*...И лишь о матери рыдать,
И лишь о Родине молиться.*

Написать так, чтобы читатель был буквально пронзён этой сокровенной и высокой любовью, ощутив при этом не только боль понимания краткости человеческой жизни и одиночества перед лицом вечности, но и удивительную радость присутствия этой вечности в своей душе, отзывавшейся на высокую поэзию:

*Я настолько горбат!..
Даже страшно, насколько горбат...*

*А ты живи — не нужен и не признан,
А, впрочем, можешь даже и не жить.*

Но:

*...И светает в груди... И душа по-над бранным воздега,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль.*

Да, поэзии Анатолия Аврутина присуще трагическое мироощущение. Но это — высокая и именно «оптимистическая» трагедия жизни, в которой:

*Только грохни ведром —
отзовётся тоска мировая...*

И даже ужас у него — не разрушающий личность ужас смертной твари, но... ужас — *Отечеству равновеликий...*

По большому счёту это и есть — божественный, созидающий Ужас творчества. И в каждом, даже очень небольшом по объёму стихотворении, разворачивается, живёт и дышит своя удивительная, вполне законченная история — многоуровневая и многогранная с зачастую неожиданным житейским и глубоким философским смыслами.

Именно поэтому стихи Аврутина, такие живые и настоящие, заставляя читателя думать и сопереживать, помогают ему со спокойным мужеством принять временность и печаль своего земного бытия, слабость и уязвимость плоти и силу духа, огромность и трагическую неразделённость любви к Родине, помогают жить и оставаться человеком в этом сложном, жестоком и прекрасном мире. Ведь в стихах этих всегда присутствует внутренний свет и жар любви, в них есть выход в бесконечность — к свету вечному и жизни всеобъемлющей:

*Есть два понятия — Родина и смерть,
Которые почти неразделимы...*

Или:

*Когда Отчизне смертников не хватит,
Тогда Отчизна хватится тебя...*

И вдруг:

Но какой горизонт! Но какой горизонт просветлённый!

*На большую печаль
мне Отчизна ответит печалью,
На рыданье ответит стократным рыданьем она...*

Отдельная тема — отношения поэта и времени. Здесь много о чём можно задумываться и рассуждать, скажу только, что Анатолий Аврутин в нескольких поразительно точных штрихах умеет дать портрет целой эпохи:

*И дружно глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутила спираль...*

*Какая мостовая — а по ней
Какой же чудо-обруч гонит Юрка!*

И всего-то лишь несколько строчек, но добавить просто нечего, картина создана — зримая, выпуклая, дышащая. Словно бы открыто окно в давно ушедшее время с его воздухом, светом, звуком, с его человеческим горем и радостью.

Время у поэта может измеряться в чём угодно, например, в поездах («два поезда тому назад»). Оно может сужаться (до «расшатанной дверцы» почтового ящика). Оно может, качаться, истончаться, через него могут лететь стрелы («...а во след ей вторая — сквозь время! — стрела полетит»), но оно всегда перетекает в вечность, даже если это — «целая вечность утрат», потому что настоящий поэт — действительно, «вечности заложник у времени в плену» (Б.Пастернак).

Конечно, поэзия неуловима, а укрощение мощной, но весьма опасной энергии слова мастерством, способность направить её в русло гармонии и преобразовать таким образом, чтобы нечто, звучащее в пишущем, зазвучало и в читающем, — великая притягательная тайна.

Она, эта тайна поэзии, бесконечно больше и древнее нас, поэтому вряд ли существует её исчерпывающее определение. У каждого оно — своё. Но если я хотя бы отчасти права, и поэзия — это, всё-таки, энергия рвущейся в бесконечность боли бессмертной человеческой души, запертой в смертном и конечном теле, энергия, преображённая гармонией, тогда это и есть волшебство, превращающее обычные человеческие слова и строки в нечто неизмеримо большее. Только в его незримом, неосязаемом присутствии всё звучащее в пишущем вдруг начинает звучать и в читающем. Только когда оно, это волшебство, есть, человеку становится печально чужой печалью, светло — чужим светом, но сердце его болит при этом от *своей* любви, от *своей* памяти. И вот именно это волшебство в полной мере присуще стихам Анатолия Аврутина, поэзию которого я бы определила для себя как удивительный сплав страстей высочайшего накала и мудрости человека, много повидавшего и испытывавшего на своём веку, сплава гражданского мужества и тонкого лиризма. Я определила бы её как пульсацию под безупречной, с точки зрения формы, оболочкой стиха до предела сжатой энергии боли, причиняемой миром, и в то же время — как сочувствие этому беспощадному и одновременно хрупкому миру. Она — энергия великой любви: горькой, безнадёжной и бесстрашной.

Поэзия Анатолия Аврутина — и от жизни, и сама — жизнь. Та самая, где в строки переплавлена человеческая судьба. Это — когда вокруг тебя: «Ни души... Но всё вокруг — душа...» Это — предвечный, необъяснимый с рациональной точки зрения (но ведь поэзия и обращена к иррациональному в человеке, больше — к душе, нежели к разуму, к иной стороне разума, если

хотите), почти невместимый человеком ужас творчества, о котором сказано ещё в книге Иова. Это когда ты, вроде бы, вне мира и оттого видишь мир целиком почти со стороны, и, вместе с тем, ты — настолько внутри мира, что не просто понимаешь его изломанность и боль, но сама линия излома этого мира проходит через тебя:

*Мир изломан... Линия излома
Бьётся синей жилкой на виске.*

Это сказано невыносимо просто и полно — и о самом сложном.

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ, Санкт-Петербург,
поэт, лауреат литературных премий им. Анны Ахматовой и
Михаила Лермонтова

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

* * *

«...Но жизненные органы задеты...
Да и раненья слишком глубоки...»
Своею кровью русские поэты
Оправдывали праведность строки.

А как еще?.. Шептались бы: «Повеса,
Строчил стишки... Не майтесь ерундой...» —
Когда бы Пушкин застрелил Дантеса
У Черной речки, в полдень роковой.

И правда, как?.. Всё было бы иначе...
Попробуйте представить «на чуть-чуть»,
Что Лермонтов всадил свинец горячий
В мартыновскую подленькую грудь.

И дамы восклицали бы: «О, Боже...
Да он — убийца... Слава-то не та...»
Но ведь поэт убийцей быть не может,
Как не бывает грязью чистота.

Любима жизнь... И женщина любима...
В строке спасенья ищет человек...
И Лермонтов опять стреляет мимо...
И снова Пушкин падает на снег..

* * *

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала картошка,
Где за стенкою жил отставной конвоир,
Всё приученный слушать сторожку.
Где динамик хрипел от темна до темна
И нигде его не выключали —
Вдруг внезапно объявят, что снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня одарил
Знанием опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,
«Орленок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утесов хрипел нам про шар голубой,
Но мы знали — объявят тревогу,
И пойдем «на последний, решительный бой»,
Так что, «смело, товарищи, в ногу!..»
А теперь ни динамиков нет, ни святынь...
И давно нет в быту керосина.
Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь!..»
Где был дух, там одна Хиросима.
Слышу старых друзей голоса из-под плит —
Им так больно, что мир разворован!
И отрада одна — белый аист летит
Всё же выше, чем каркает ворон...

* * *

О, женских имен нестерпимая музыка!
Как много их было, как мало осталось!
Но каждое делало чуть седоусее,
Но каждое тихо ночами шепталось.

Одни оглушали звучаньем тревожащим,
Другие горчили в набухшей гортани.
— Зачем я их помню? — Твердил себе. — Вот еще...
Марина, Валюшенька, Олечка, Таня...

Записки... Улыбочки: «Будьте серьезнее...
Я замужем, мне флиртовать не пристало...»

И долго болело — напрасное, позднее:
«Эльвира...» И глухо звучащее: «Алла...»

А дома ждала меня женщина хмурая,
С глазами, в которых таилось такое,
Что взглядом проплачет: «Какая же дура я!...»
И ходишь, и молишь: «Ну, Зюленька... Зоя...»

Зароешься носом в роскошные волосы,
Смиренно попросишь тряпчонку для пыли...
Тайком к телефону... И тихо, вполголоса:
«Хорошая, вы так давно не звонили...»

Достанешь порою блокнотик зелененький,
Где блеклые строчки видны еле-еле...
Неведомо где и Марины, и Оленьки,
И все телефоны давно устарели.

А в женщине встречной, судьбою зашуганной,
Узнаешь вдруг ту, что казалась святою,
Но женщина только посмотрит испуганно,
И, взгляд опустив, обойдет стороною...

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло
Смущенные аисты.
Пока что не осень, но время пришло
Прощания с августом.

Молоденькой прелью пропахший овраг
Грустит в одиночестве.
Приходит к нему только Ванька-дурак...
Растрёпа... Без отчества...

Чадит костерок.
— Подходи, посидим —
Вот здесь, под березою...
Но Ванька питается духом грибным
И дымкою розовой.

— Эй, Ванька, чего это в душах свербит,
Вот ёлки зеленые!

Он лишь отмахнется и что-то бубнит
Свое, забубённое.

О чем ни спроси, Ванька врать не мастак:
«Не знаю... Не ведаю...»
Прощается с августом Ванька-дурак,
А мы тут с беседою.

Тридцатое августа... Голос далёк.
Редает дубравушка.
А истину знают лишь Ванькин киёк
Да вдовый журавушка.

* * *

Ни ветерка... Молчит кукушка...
Простор безмолвствует, крича:
«Отчизна — это Русь и Пушкин...
Да белый ангел у плеча».

И чудится, что ангел белый
Перо над крышей обронил.
Пушинки кружатся несмело...
Пу-шин-ки... Пушкин подарил...

Пушиночка скользнет по брови,
И дальше — тихо, не шурша.
И станет менее суровой
Давно остывшая душа.

И всё, что сплыло без возврата,
Уже не страшно, не черно.
И нет сестры, и нету брата,
А есть дыхание одно.

* * *

То ль душа солгала,
 то ль мятежное сердце озябло,
То ль забытое чувство
 пробилось опять между строк,
Но в холодной ночи
 захотелось мороженных яблок...
Все, что впрок запасалось,
 опять оказалось не впрок.

Снова ветви гудят,
 будто струны гудят вековые,
Снова рушится небо
 в немую озерную гладь.
Снова годы летят —
 по-самойловски «со-роковые», —
И не в силах Всевышний
 иную судьбу ниспослать.

Что-то ухнет вдали...
 Бабий голос истошно завоет.
И почти расколов
 бесполезную тушу Земли,
Роком посланный рок
 принесет нам свое, роковое,
И, обрушив столетья,
 лениво исчезнет вдали.

Больно сдавит в груди...
 Слабо пискнет испуганный зяблик.
Вспомнишь очи любимой,
 что молвила тихо: «Не люб...»
И останется привкус
 морозных антоновских яблок
На обугленной коже
 холодных, запекшихся губ...

* * *

Подошла, расхристана, по стуже,
Будто не страшась стуж,
Ни молвы, ни Господа, ни мужа,
Руку протянула: «Ты — мне муж...»

Ложь — рука... Ведь знал — презрев истому,
Отшвырнет, обрубит эту связь.
И уйдет спокойненько к другому,
Ни меня, ни Бога не боясь...

* * *

Т. Ж.

Мокрый снег... Неладное в природе.
Стынет в лужах рухнувшая высь.

А по снегу женщина уходит...
Вслед гляжу: «Хотя бы оглянись!..»

А она спешит... Коленки гнутся...
Шепчет у прохожих на виду:
«Только бы сейчас не оглянуться —
Если оглянусь, то не уйду...»

* * *

Я умер в последний день лета...
Вяч. Кузнецов

Стою у шоссе... Голосую...
Напрасно махаю рукой.
И образ твой в сердце несу я,
А сердцу пора на покой.

Но все же тобою согрето
Оно в чередe неудач.
Я умер в последний день лета...
Сумеешь? — тихонько заплачь...

Да так, чтоб не поняли люди,
Что эта слезинка — по мне...
Тогда пересудов не будет —
Зачем тебе лихо вдвойне?

Зачем тебе злые наветы? —
Мы — врозь... И останемся врозь.
Я умер в последний день лета...
Захочешь, косынку набрось.

С тобою мы не были парой,
И в выборе ты не вольна.
Запой же... И пусть у гитары
Внезапно порвется струна.

Пусть песня, печалью согрета,
Тихонько парит в вышине.
Я умер в последний день лета...
Но песня чуток обо мне.

* * *

Первое августа. Завтра Илья.
Серым дождям ни конца, ни начала.
Сохнет, не высохнет стопка белья,
Что накануне жена настирала.

Лето на позднем своем рубеже,
Сколько Илью ни зовите Илюшей...
И поселяется осень уже
Первого августа в стылую душу.

Значит, мне старые книги листать,
В небе выискивать светлые пятна.
Значит, мне с птицами вдаль улетать,
Точно не зная — вернусь ли обратно...

* * *

Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты,
Где осыпаются несмело
На сердце поздние цветы.

Стою в своей извечной смуте,
Примяв земли седую пядь,
И кровью чувствую — по сути,
Здесь только тлен и благодать.

И за чертою пониманья
Сей путь, что начат не с нуля...
Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы — бездна и земля?

* * *

Несовременно?.. Вот и пусть!
С собою в спорах
Учу травинку наизусть,
Колосьев шорох.
Не по рассказам, не из книг,
Душою мучась,
Навзрыд учу лебяжий крик,
Листвы летучесть.

Который день, который год,
Почти построчно,
Учу, как зреет умолот
В колосьях сочных.
Учу росинку, василек,
Зарю над пожней.
И свет лучится между строк,
Мой свет тревожный...

г. Минск

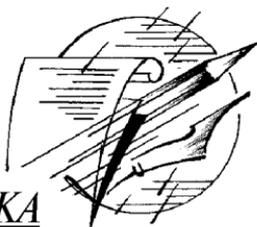
Редакция «Молодой гвардии» от всей души поздравляет нашего многолетнего автора Анатолия Аврутина с замечательным 70-летним юбилеем! Глубокий лирический поэт, главный редактор русского журнала «Новая Немига литературная», выходящего в Минске, всесторонний исследователь русской поэзии, Анатолий Аврутин всей своей подвижнической деятельностью заслужил высокое признание как в белорусской, так и в российской литературной жизни. Искренне желаем Анатолию Юрьевичу творческого долголетия, здоровья, успехов в работе и неиссякаемого поэтического вдохновения!

ВЕДЬМА С КАПИТОЛИЙСКОГО ХОЛМА

Прошло уже более года с того момента, как республиканец Дональд Трамп, победив на президентских выборах 2016 года, прошел инаугурацию и стал президентом США. До сих пор политологи спорят, почему победил именно он, а не кандидат демократов Хилари Клинтон, которую утвердил Бильдербергский клуб и поддержала вся мировая закулиса?..

Печать сатаны

Когда Хилари Клинтон объявила о своем поражении и, сквозь зубы, всё же поздравила своего соперника Дональда Трампа с победой на президентских выборах в США в ноябре 2016 г., весь ее рекламный облик сразу же поблек. Искусно наложенный грим потек под юпитерами, проявились многочисленные морщины и складки на шее и под глазами. На мир взглянула старая, усталая женщина. Она поставила на карту всё, забыв в азарте драки за власть даже о том, что ее многочисленные болезни (повреждение сосудов головного мозга, мозжечка, подкрадывающийся Альцгеймер, эпилеп-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сия — все видели по «ящику», как ее корчило) не оставят ей достаточно времени, чтобы этой властью насладиться.

За ее холемым обликом элитария, аристократки Восточного побережья США (там говорят только на «королевском английском», без американизмов, и вообще ведут свою родословную от первых переселенцев, прибывших в Америку на «Мейфлауэре») скрывается существо злобное, мстительное и деспотическое. Хилари, как утверждают знатоки американских коридоров власти, склонна к безудержным приступам ярости. Говорят, что она даже била своего мужа, бывшего президента США Билла Клинтона, правда, поделом. Верно сказал о ней неизменный участник всех российских теледебатов Сатановский: «Она неизбираема была. Потому что Хэллоуин, конечно, осенний праздник, но не обязательно страной Америкой должна править одна из его героинь — ну уж ведьма ведьмой». Кстати, Сатановский не так уж и далек от истины. В молодые годы Хилари увлекалась черной магией и даже получила инициацию от верховного шамана одного из индейских племен.

Ходят слухи, что Хилари Клинтон лесбиянка и живет со своей старшей помощницей Хюмой Абедин. Ходят эти слухи давно, еще с 2000 г., когда Клинтон баллотировалась в сенат. Хилари дала для них новую почву, когда 6 декабря 2011 г. первой из сотрудников администрации Обамы выступила в Женевском Дворце наций с речью в защиту прав ЛГБТ-сообщества — лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалов и трансгендеров.

Тема лесбиянства Хилари возникла вновь в 2013 году, когда обсуждалась ее кандидатура на пост президента в 2016 г. Тогда известный консерватор Глен Бек заявил в ходе телевизионного ток-шоу, что Клинтон «будет первой лесбиянкой в Овальном кабинете Белого дома». В своем предвыборном ролике Клинтон показала в первых рядах своих сторонников две пары, вступившие в гей-браки, лесбиянскую и педерастическую. Это был открытый вызов прежде всего верующим американцам, всем, кто против уничтожения традиционной семьи — основы любого государства. Одна из руководителей «Американской ассоциации семьи» Сэнди Райос во время своего ток-шоу открыто объявила Клинтон «лесбиянкой и извращенкой». В ходе избирательной кампании 2016 г. Райос поддержала выступления Трампа против однополых браков, за которые ратовали Обама и Клинтон, и заявила: «Она (Клинтон) поддерживает гей-браки. У нее есть на то причины. А ее поддерживают все радикальные группы гомосексуалистов в нашей стране, особенно в Нью-Йорке. И не слу-

чайно». Вскоре после этого английская газета «Дейли мир-рор» опубликовала целый репортаж о лесбийском романе Хилари и Хьюми Абедин.

Не стану утверждать, верны ли эти слухи. Но дело даже не столько в ее личностных качествах и сексуальной ориентации. Куда важнее ее ориентация политическая. А Хилари Клинтон принадлежит к категории злейших врагов России и всех тех, кто отказывается признать диктат Вашингтона и его претензии на мировую власть. Достаточно вспомнить, как она радостно захихикала, увидев видеозапись зверской расправы боевиков над ливийским лидером Муаммаром Каддафи. Было бы нелепо ожидать от нее добра и справедливости по отношению к нашей стране, приди она к власти. Русофобия — ее конек. И это одна из тех идефикс, которыми руководствуется весь американский истеблишмент.

Есть ли у нее на лбу печать сатаны, как утверждает депутат Госдумы Милонов, ведьма она или нет, как утверждает знаток каббалы профессор Сатановский, — не берусь судить. Но то, что с Богом пути у нее давно разошлись, несмотря на то, что она принадлежит к методистской церкви, можно сказать наверняка. А Он воздает каждому по делам его.

Мировое правительство выбирает Клинтон

Теперь, когда предвыборные страсти уже позади, можно задать вопрос: почему же именно на нее сделали ставку те, кто правит Америкой, включая руководство демократической партии США, и почему эта ставка оказалась битой? Для правящей элиты она была, как говорится, своя в доску.

Американские политологи уточняют: Хилари Клинтон, бывшая первая леди, бывший сенатор, бывший госсекретарь, проработавшая 30 лет во властных структурах США, — ставленник клана Рокфеллеров, как и ее муж, экс-президент США Билл Клинтон. Она — прожжённый политик и была готова на всё. Не дрогнула бы у нее рука нажать и на ядерную кнопку и запустить в ход мировой Апокалипсис, если бы того пожелали те, кто не один год вел ее к вершине мировой власти.

Среди прочих сторонников Хилари Клинтон оказалась и весьма влиятельная американская секта фанатиков из числа неоконсерваторов, помешанных на войне США со всем миром, известных, как «неоконы». Они выступают за усиление противостояния с Россией и удвоение военного присутствия на Ближнем Востоке. Хиллари с ее воинственной риторикой и желанием «нести демократию» на крыльях амери-

канских стратегических бомбардировщиков в самые отдаленные уголки мира в качестве президента подходила «неоконам» идеально.

Одним из лидеров этой секты считают журналиста и политолога, ярого сиониста Роберта Кагана. Он закончил Йельский университет (1980), где входил в закрытый клуб масонского типа «Череп и кости». Каган — международный обозреватель газеты Washington Post, редактор и автор сетевых изданий The New Republic и The Weekly Standard, активно использовал американские СМИ для поддержки Клинтон в ходе ее предвыборной кампании. В свое время он сыграл серьезную роль в пропаганде необходимости вторжения США в Ирак, которое подложило бомбу замедленного действия под весь Ближний Восток. Каган также выступал за вторжение и крупную наземную операцию США в Сирии. Он женат на помощнице госсекретаря США Виктории Нуланд, той самой, что раздавала «печеньки» на майдане в Киеве в 2015 г. Ее считают ключевой фигурой в разжигании русофобии сначала на Украине (где при ее прямом участии итогом стали военный переворот и гражданская война 2014 года), а затем и во всей Европе. Она лично принимала участие в событиях на площади Независимости в Киеве в разгар антиправительственных выступлений, а также отбирала кандидатов на руководящие посты бандеровской хунты после государственного переворота. У этой пары налажен семейный бизнес по разжиганию войн: в качестве советников и аналитиков они стараются максимально повлиять на людей, принимающих решения по развязыванию войн и конфликтов, а также по их поддержке.

Она думала, что обманет всех

На нее сделали основную ставку не сразу, а когда пришла ее очередь. Вот как это было. С 9 по 10 июня 2016 года в Дрездене заседал Бильдербергский клуб — закрытый для посторонних и прессы съезд политиков, глав транснациональных корпораций, финансистов и министров из 20 крупнейших стран мира. В западной, да и нередко в российской прессе при любом упоминании о роли бильдербергов и об их глобальных структурах власти и о влиянии в мировой политике и экономике принято в уничижительных выражениях говорить о «конспирологии», «юдофобии» и «масонофобии» и упрекать авторов статей о действиях этой «мировой закулисы» в отсутствии объективности. Но вот только несколько фактов о том, как эта закулиса орудовала в последнее время.

Известно, что на заседании Бильдербергского клуба в мае 2012 года было принято решение сменить власть в России. «Президент России — самый опасный оппонент наших планов на мировой сцене», — сказал тогда один из участников заседания Даниэлю Эстулину, эксперту по этой тайной организации. После этого была проведена встреча западных политиков в тогда еще украинской Ялте, где была проработана операция по свержению тогда еще действовавшего, законно избранного президента Украины Януковича, что и было сделано в ходе заговора 2015 года и очередной «цветной революции» по сценарию ЦРУ. Главной целью этого заговора, на который из госбюджета США было потрачено 5 миллиардов долларов, был отрыв Украины от России, присоединение ее к НАТО, изгнание российского флота из Крыма и передача Севастополя 6-му флоту США. Заговор этот был реализован лишь частично, так как после народного референдума Крым вернулся в состав России. О своем нежелании оставаться под управлением бандеровской хунты в Киеве решительно заявил Донбасс. С тех пор «мировая закулиса» не раз пыталась взять реванш. Всеми способами — от санкций до вооруженных провокаций. Дело дошло до того, что бывший специальный помощник директора ЦРУ Герберт Е. Мейер открытым текстом в интернет-журнале *American Thinker* призвал противников Путина «вынести его из Кремля ногами вперед с дыркой в черепе» либо устроить ему авиакатастрофу, «если Путин слишком упрям, чтобы понять, что его карьера закончена». В ЦРУ народ дисциплинированный. Без санкции начальства такого не скажут.

Все эти заокеанские мейеры и бильдерберги и впрямь уверены, что могут вершить судьбы всего мира. В июне 2016 г. в Дрездене помимо «что делать с Россией?» обсуждался и вопрос о том, кому быть президентом США. У бильдербергов — обычная практика устраивать «смотрины» претендентам на пост главы государства, чтоб определить их «профпригодность» с точки зрения мировой закулисы. Так, для встреч в Бильдербергском клубе с этой целью приглашали будущих президентов США Буша-старшего в 1985 году и Билла Клинтона в 1991-м. Тони Блэр побывал там в 1993-м и стал премьер-министром Англии. Романо Проди, бывший глава Еврокомиссии, а затем премьер Италии показал себя там в 1999-м. В 2012 году они пригласили Барака Обаму — и он вновь стал президентом, а его соперницу Клинтон уговорили не мешать его избранию, пообещав, что за ним следующим президентом США будет она. И слово сдержали. В 2016 году бильдербергам удалось уговорить сенатора Сандерса не ме-

шать Клинтон. Он пообещал с ней сотрудничать, а Обама вместе со своей женой открыто выступили в ее поддержку. Бывают и другие «смотрины». В 2010 г. Бильдерберги пригласили будущих лидеров сирийской «умеренной оппозиции» — и через год, получив из-за океана деньги и оружие, они развязали гражданскую войну в Сирии. Время от времени приглашают туда и кандидатов в такие лидеры от российской оппозиции. В этом качестве там побывали, в частности, Чубайс и Явлинский, а также люди Ходорковского из его партии «Открытая Россия». Это не выдумки «конспирологов». Это факты.

Бильдерберги окончательно утвердили Клинтон на должность кандидата в президенты США именно в Дрездене. Решающее слово на этот счет произнес бывший государственный секретарь США, глава сионистско-масонской ложи Бнай Брит 93-летний Генри Киссинджер. Накануне встречи в Дрездене он побеседовал с Дональдом Трампом. Трамп, как очевидно, не стал скрывать своих взглядов и планов, которые никак не совпадают с планами мировой закулисы, а потому Киссинджеру он, как возможный кандидат от республиканцев на пост президента, не показался. И было сделано всё, чтобы сорвать его выдвижение от этой партии. В результате поставили пусть на старую, загнанную лошадь по имени Хилари, но, как решили в заокеанских верхах, надежную. Мол, старый конь, то есть кобыла, борозды не портит. Клинтон — плоть от плоти и кровь от крови того сплоченного клана, который правит Америкой и другими странами «Большой семерки», претендуя на мировую власть. В этом клане царят свои нравы.

Барак Обама, активно поддержавший Клинтон во время ее предвыборной кампании и поносивший Трампа почем зря, вступил в Гарварде в тайное «Общество Печати» (аналог Йельского «Череп и кости»). В Евангелии от Луки (10:18) сказано: «Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию». Так вот «молния с неба» на древнееврейском переводится как «барак о бама». То есть Христос сказал: «Я видел сатану, как барака обаму».

У алтаря сатаны

Сатанизм царит и в самом закрытом месте сборищ американской элиты. Это — Богемский клуб, частный мужской «клуб искусств», который находится неподалеку в Сан-Франциско. Он традиционно с 1899 года проводит свои встречи в Богемской роще, расположенной по адресу 20601 Bohemian

Avenue, в городе Монте-Рио (Калифорния). Клуб абсолютно закрытый, вступить в него можно только по рекомендациям его руководства. В члены клуба входили все без исключения президенты США от республиканской партии и некоторые из демократов, начиная с 1923 года. Сюда приезжали члены кабинета, хозяева и управляющие крупных корпораций, таких как Standard Oil, General Electric и др. Многие поставщики Пентагона, высокопоставленные руководители финансовых институтов и банков (включая ФРС) были гостями или членами клуба. Среди его членов — крупные финансисты и промышленники, правительственные чиновники и издатели ведущих американских СМИ, элита шоу-бизнеса. Очередь в члены клуба около 15 лет. Вступив в него, можно будет пригласить в Богемскую рошу гостей, которые, в свою очередь, будут тщательно проверены. Эти гости приезжают со всех концов Америки и других стран мира. Сама роша состоит из секвой возрастом более 1500 лет. Это уникальный заповедник природы, не тронутый вырубками. Долговечность секвой символизирует первозданную природу, далекую от современной жизни. Над входом в Богемскую рошу высится девиз клуба — «Пауки, плетущие паутину, сюда не приезжают». Это отнюдь не означает, что члены клуба должны оставить снаружи все свои проблемы и сделки. Мировая паутина мировой закулисы плетется именно в этой роше на сверхсекретных заседаниях Богемского клуба, где совершаются, и тому есть свидетельства, тайные политические и коммерческие сделки.

Известно, что именно в Богемской роше обсуждался в сентябре 1942 года Манхэттенский проект, который впоследствии привёл к созданию первой атомной бомбы и к трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Там царят мистика, эзотерика и разврат. В центре роши находятся Святыня Сова и Озеро (искусственное). Сова высотой в 40 футов (12 метров), сделанная из цемента, стоит на стальном постаменте перед озером. С 1929 года это сооружение служит местом ежегодного жертвоприношения в первую неделю июльских отпусков.

Как и многие клубы западной элиты, Богемский клуб отмечен не только печатью сатанизма, но и оргиями гомосексуалистов. Богемская роша повидала не одно театральное представление (известное как «Бурное веселье») и не одно мюзик-шоу («Низкие Уловки»), в которых женские роли исполняют мужчины — члены клуба. В скандале 1989 года следователи обнаружили, что Пол А. Боначчи написал в своем дневнике, что он летал в Богемскую рошу с республикан-

ским лидером Лоренсом Кингом и был вынужден заниматься сексом с другими мужчинами, смотреть фильмы, в которых жертв убивали, а затем насиловали. Пол Боначчи позже свидетельствовал об этих обвинениях в суде и выиграл дело против Кинга, обвинившего его в клевете. Журнал *Spy Magazine* писал в 1989 году и о том, как в Богемскую роццу привозили гомосексуалистов-проституток из близлежащих городов.

Конечно, всё это творится за наглухо закрытыми дверями. На публике элитные сатанисты и извращенцы, как правило, изображают из себя перед простыми американцами верующими — протестантами, католиками и приверженцами иудаизма — богобоязненных прихожан. Но как каждому извращенцу, им хочется, чтобы их пороки были признаны нормой и не только в самой Америке, но и во всем мире. Отсюда — проповеди «толерантности» по отношению к ЛГБТ-сообществу, с которыми выступала Клинтон еще в 2011 году в жевневском Дворце наций. Отсюда — требования не трогать педофилов и содомистов. Как тут не вспомнить Льва Толстого, который тоже интересовался этой проблемой и писал: «Я серьезно убежден, что миром управляют совсем сумасшедшие. Несумасшедшие или воздерживаются, или не могут участвовать» (Дневник от 12 июня 1900 года). Ведь на фоне всеобщего сумасшествия можно и самому грязному психопату и извращенцу прослыть нормальным. Хилари Клинтон тоже изображали уравновешенной и выдержанной, вполне способной вести себя адекватно при любом кризисе. Но вот, узнав о своем проигрыше Трампу, она впала в настоящую истерику. «Клинтон орала, — пишет журнал *The American Spectator*, — выкрикивала нецензурные слова, крушила мебель и швыряла в своих помощников и персонал предметы. Приступ ее ярости закончился только через несколько часов...»

Ставка бита. Ваших нет

Закулисные патроны Клинтон из Богемской роццы были уверены, что американский «пипл все схавает», как говаривал в начале 1990-х годов поп-исполнитель Богдан Титомир, и они смогут продать ему любой несвежий товар — главное не его качество, а упаковка. Упаковку обеспечивали СМИ — популярные радиостанции, ведущие каналы телевидения вместе с именитыми телеведущими, основные ежедневные газеты, главные соцсети, службы опроса общественного мнения. Казалось бы, весь истеблишмент выступил в поддержку Хилари Клинтон — от давно ушедших на покой бывших

президентов США, в том числе республиканцев, до черной «хромой утки» по имени Барак Обама, все суперолигархи от кланов Рокфеллеров и Ротшильдов до финансовых воротил Уолл-стрита.

Наконец, ведущие политики из союзных США стран — президент Франции Ф.Олланд, канцлер Германии, А.Меркель, премьер-министр Англии К.Мэй и другие не только ратовали за Клинтон, но и публично поносили Дональда Трампа. Я уже не говорю о дружном хоре вашингтонских марионеток, в котором особо выделялся визгливый дуэт Порошенко и Авакова с Украины, облаявших Трампа по первому заокеанскому сигналу «Фас!» в таких выражениях, как «клоун», «авантюрист» и т.п.

В Голливуде состоялся «фандрайзингский обед» (т.е. обед со сбором средств) в поддержку Клинтон. Организатором его был оскароносный актер Леонардо Ди Каприо, ведущим — поп-певец Джастин Тимберлейк. Тимберлейк и его супруга Джессика Бил провели его в своем доме в Лос-Анджелесе. На обеде побывали актрисы Дженнифер Энистон и Кэти Холмс, а также Джейми Фокс, звезда фильма Квентина Тарантино «Джанго Освобожденный». По данным американских СМИ, на обеде удалось в общей сложности выручить 3,34 млн. долларов, которые пошли на кампанию Клинтон. И чтобы всё это предвыборное шоу привлекло как можно больше зрителей, за Клинтон выступило самое внушительное звездное лобби — Роберт де Ниро, Ричард Гир, Дженнифер Лопес, Ким Кардашьян, Джордж Клуни и, наконец, Мадонна, щедро пообещавшая в свои 58 лет оральный секс каждому, кто проголосует против Трампа. Как сообщила сама певица, она даже разделась догола в поддержку Хиллари Клинтон и выставила в этой сети свои снимки в натуре в сети Facebook. Геронтофилы были в восторге.

Избирателей в США и весь мир так активно убеждали, что победа Клинтон неминуема, что сами организаторы ее предвыборной кампании в это поверили. Они уже трубили победу. Хилари даже заранее заказала фейерверк по этому случаю. С дистанции она не сошла, но всё же пришла второй. И конечно, когда победное соло на своей трубе сыграл все-таки Дональд Трамп (англ. trump — труба), вся американская королевская рать восприняла это не только как свое личное поражение. Ведь победил не только Трамп, но и все те, кто его поддерживал в новом, антилиберальном истеблишменте, — а их потенциал оценивается во многие миллиарды долларов. И их победа была тем более внушительной, что республиканцы на выборах не только получили пост президента и сохранили

контроль над обеими палатами конгресса, но могут получить и контроль над Верховным судом, то есть над всеми ветвями власти — исполнительной, законодательной и судебной. А это дорогого стоит. И не только в денежном выражении. Это власть, а она бесценна.

После английского Brexit триумф Трампа предстал перед «рыцарями свободы и демократии» как крушение устоев. И теперь вся либерально-демократическая элита США, идеалы которой провозглашала Клинтон на своих предвыборных митингах и приемах, возмущается и удивляется: почему же на этот раз привычная для них игра в демократию проиграна? Почему их больше не любят? Почему американский народ не заглотил их наживку по имени Хилари Клинтон? Неужели американцы действительно поверили Трампу, который сказал: «Одна из ключевых проблем сегодня — это то, что политика считается чем-то позорным. Хорошие люди не идут в правительство»?

Несомненно, в американской глубинке, как говорил великий поэт Америки Уолт Уитмен, о проблемах такого рода судят не по нормам политкорректности и называют вещи своими именами. Там просто на своей собственной шкуре почувствовали, что всем им грозит большая беда, если не убрать от власти всю эту разложившуюся банду элитарных управленцев и политиканов. Любопытно, что даже в Демократической партии обрадовались поражению Клинтон. Как пишет газета *The Financial Times*: «Теперь демократам представился шанс освободиться от Клинтонов, которые занимали места в высших эшелонах власти 25 лет. Партийные соратники обвинили Хиллари Клинтон в отрыве от народа. По их мнению, Клинтон всю предвыборную кампанию «жила в пузыре»: перемещалась в частных самолетах и лимузинах, была постоянно окружена помощниками и зачастую не пыталась установить контакт со своими избирателями. «Ее избиратели за нее не проголосовали. А почему? Потому что они не были активизированы и воодушевлены. Люди, которые были наиболее взбудоражены, — это клика Клинтон. Они уже строили планы о том, как поедут послами в Париж или займут места в ее администрации», — заявил бывший сотрудник штаба Клинтон. Да, сорвалось. Сорвалось прежде всего потому, что они зарвались, окончательно потеряли стыд и совесть. Это общее свойство всех властных элит, и российская — не исключение.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Почему трудовая Америка восстала против либералов, выдвинувших на пост президента США Хилари Клинтон и тех, кто за ней стоит? Пропагандируя на словах либерализм и толерантность, они фактически ведут дело к тому, чтобы превратить людей в подобие перекаати-поля. Ведь людьми, лишёнными своих корней, куда легче управлять, чем патриотами, носителями национального достоинства, истории и культуры. Социологи, анализируя процессы трансграничного перемещения производства и трудовых ресурсов, все чаще говорят о «манкуртизации» населения стран, попавших под роковое влияние монополий «золотого миллиарда».

Вспомним, что писал об этом Чингиз Айтматов, с легкой руки которого это слово вошло в современную социологию и бихевиористику: «Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери — одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом. Лишённый понимания собственного «я», манкурт с хозяйственной точки зрения обладал целым рядом преимуществ. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве. Для любого рабовладельца самое страшное — восстание раба. Каждый раб потенциально мятежник. Манкурт был единственным в своём роде исключением — ему в корне чужды были побуждения к бунту, неповиновению. Он не ведал таких страстей. И поэтому не было необходимости стеречь его, держать охрану и тем более подозревать в тайных замыслах. Манкурт, как собака, признавал только своих хозяев. С другими он не вступал в общение. Все его помыслы сводились к утолению чрева. Других забот он не знал. Зато порученное дело исполнял слепо, усердно, неуклонно. Манкуртов обычно заставляли делать наиболее грязную, тяжкую работу или же приставляли их к самым нудным, тягостным занятиям, требующим тупого терпения... Повеление хозяина для манкурта было превыше всего. Для себя же, кроме еды и обносков, чтобы только не замерзнуть в степи, он ничего не требовал...» (Чингиз Айтматов. Буранный полустанок (И дольше века длится день). М., 1981. С.106—107).

По мере продвижения процесса глобализации и вовлечения в него как Российской Федерации, так и других стран, ведется размывание всего национального — от культуры до географических границ. Противостояние космополитического начала национальному в глобальных масштабах было вызвано прежде всего соображениями практической целесообразности при утверждении новой модели мирового сообщества в условиях планетарного доминирования одной сверхдержавы — Соединенных Штатов Америки. Самым активным образом эта модель стала утверждаться после развала СССР и ликвидации социалистического лагеря. В новом однополярном мире в соответствии с замыслом «мировой закулисы» не должно остаться места национальным государствам — они обречены и будут постепенно ликвидироваться: крупные — методом парцеллизации, т.е. дроблением на мелкие государства, как была уничтожена Югославия, а мелкие — обычным путем (с помощью бархатных революций, военных переворотов, интервенций и т.д.). Претендуя на эксклюзивное право определять параметры нового мироустройства, США намерены осуществить своего рода унификацию человечества, его стандартизацию по американскому образцу. Всем, кого это не устраивает, из Вашингтона в достаточно грубой форме сообщают, что приговор им вынесен и обжалованию не подлежит. Такого рода сообщение было адресовано и Москве.

Конечно, о своих планах манкуртизации человечества, в том числе, кстати, с помощью поголовной чипизации новорожденных, господа-элитарии предпочитают говорить только в узком кругу, в своих закрытых клубах. Ничего подобного на их пресс-конференциях или с трибуны международных форумов не услышишь. И одного из создателей этих планов господина Жака Аттали, бывшего советника президента Франции Франсуа Миттерана, бывшего генерального директора Европейского банка реконструкции и развития, члена Бильдербергской группы и Трехсторонней комиссии, видного сиониста сефардского происхождения, члена Бнай Брит, мне удалось услышать и ознакомиться лично с его мизантропскими планами только в одном из весьма закрытых клубов для деловых людей.

В начале 90-х годов мой знакомый, банкир, пригласил меня в Люксембурге в один из самых закрытых для посторонних «Клуб руководителей», где встречаются главы банков, промышленных объединений и транснациональных корпораций, т.е. люди, которые и вершат судьбы Старого Света. Гвоздем того вечера было выступление Жака Аттали с докладом

об основных тенденциях формирования «рынка будущего» и, соответственно, будущего человечества. По сути, это была презентация его новой книги «Линия горизонта» (вышла в свет в 1992 г.). Аттали дал в ней описание того мира, который управляется наднациональной элитой и супербанкирами по предложенной Д. Рокфеллером схеме. «Фонд Рокфеллера» и французские Ротшильды финансировали ряд его исследований. В бытность Аттали президентом Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) просионистские СМИ создавали ему бешеную рекламу. Его именовали не иначе как провозвестником будущего. После нескольких финансовых скандалов в ЕБРР и «Анголагейте» (Аттали вместе с Гайдамаком, еврейским олигархом, родившимся в СССР, был одним из фигурантов дела о незаконной продаже оружия Анголе) «провозвестник» ушел в тень и занялся написанием сценариев будущего. О них он и рассказал в том люксембургском клубе, где представлял свою очередную книгу о «цивилизации номадов».

Согласно Аттали глобализация порождает новую кочевую элиту, «новых номадов», по его терминологии. Они должны быть оторванными от своих национальных корней и кочевать по планете по мере производственной необходимости. Чтобы управлять процессами глобализации и этой новой кочующей армией труда, Аттали призывал к образованию «планетарной политической власти». То есть к созданию того самого «мирового правительства», которое было предусмотрено Д. Рокфеллером в его проекте будущего и о котором подробно рассказал в своей книге «Комитет 300» Джон Колеман. Уже в начале 90-х Аттали заявил, что в его «обществе грядущего» человек превратится в роботоподобное существо в результате «генетических манипуляций». «Однажды, став «протезом самого себя», человек будет самовоспроизводиться подобно товару», — говорил он тогда в Люксембурге. Жизнь в нарисованной Аттали капиталистической «Утопии» станет предметом искусственной фабрикации, носителем стоимости и объектом рентабельности. Само понятие разумной жизни потеряет смысл, «если человек производится и мыслится как предмет и товар».

Аттали тогда изложил перед почтенной публикой, собравшейся в клубе, и основные тезисы своего трактата о «цивилизации номадов», т.е. новых кочевников. Суть его труда сводится к тому, что по мере глобализации национальные границы будут ликвидированы, национальные культуры и различия сойдут на нет, и никто более не будет привязан к тому, что на языках всех народов означает понятие «Родина». Весь

мир в скором времени, по прогнозам Аттали, превратится в тот самый «плавильный котел» наций и народов, в котором иммигранты переварились в Соединенных Штатах в единую нацию. «Новое великое переселение народов уже началось, — провозгласил Аттали. — Первая волна новых nomadов в виде гастарбайтеров и нелегальной иммиграции уже прошла. Грядет вторая...» Только в наши дни стало понятно, что Аттали имел в виду под «второй волной» предстоящее нашествие беженцев в 2015 г. в Европе.

Современных либералов неслучайно упрекают в симпатиях к троцкизму. Вот и Аттали взял у Троцкого идею «трудовых армий», которая уже в первые годы Советской власти обернулась концлагерями на Соловках и в зоне Беломорканала, а там и ГУЛАГом.

В 2006 г. вышла в свет новая книга Ж.Аттали «Краткая история будущего», где дается прогноз на период с 2050 по 2100 г. По его прогнозу, к тому времени «мир станет полицентричным и на каждом континенте будут 1—2 ведущие державы». (Это уже почти по Оруэллу, у которого, правда, остаются в мире три супердержавы, постоянно воюющие между собой — Океания, Евразия и Остасия.) Рынок лишит правительства их последних прерогатив, включая даже суверенность. Частному сектору будут принадлежать не только учителя и врачи, но даже судьи и солдаты. Между рыночными демократиями и рынком начнется гигантское сражение за мировое превосходство, которое завершится победой рынка, прогнозирует Аттали. В этом новом мире, где налоги снизят к выгоде богатых, но бесплатных услуг для бедных уже не будет, люди будут жить по нормам полицейского государства, функции которого перейдут к корпорациям и банкам. Аппараты слежки станут инструментами в руках страховых компаний, которые позволят им контролировать сначала оплату тарифов, а затем и социальное поведение каждого плательщика. Если богатые меньшинства захотят, чтобы та или иная сфера жизни подчинялась рынку, а не голосованию, то они без колебаний будут приватизировать такие сферы. Лояльность по отношению к родине или соотечественникам теряет всякий смысл, люди станут отказываться их защищать. Таким образом, к 2050 г. начнется демонтаж государств. Правительства потеряют влияние, а подолгу в одних и тех же странах будут жить только те, кто не имеет возможности перемещаться. К концу века правительство США одним из последних утратит атрибуты суверенности.

Итак, «капитализм одержит окончательную победу, уничтожив всё, что не является им, и превратив мир в огромный

рынок» — подытоживает автор. Каждая минута жизни каждого человека будет посвящена производству или потреблению товаров. Станет углубляться одиночество, особенно в городах, контакты между людьми будут скоротечными и поверхностными. Мир превратится в огромное поле сражения. У многих предприятий больше не будет постоянной территориальной базы — они станут временными группировками лиц, кочевыми организациями. Другие станут сетями, объединяющими таких кочевых партнеров, «новых номадов». Аттали не исключал, что по мере ослабления государств возникнут предприятия-пираты, «занимающиеся противоправной или открыто преступной деятельностью». Тон станет задавать новый креативный класс — финансовые стратеги, главы компаний, юристы и артисты, которых автор называет суперномадами. Главными занятиями средних классов станут страхование (защита) и развлечения (забвение). Массовое распространение получают новые виды наркотиков, сексуальная жизнь станет абсолютно свободной, ее исключительной целью станет удовольствие, а размножение будет производиться искусственным способом. Количество лиц, живущих менее чем на 2 долл. в день, инфракочевников, составит к 2035 г. 3,5 млрд. человек против 2,5 млрд. в 2006 г. Эти категории населения, своего рода биороботы, станут беспорядочно перемещаться по планете в целях выживания и будут широко использоваться во время различных волнений, а также пиратской экономикой. С исчезновением государств никто не будет способен обеспечить равенство граждан, объективность выборов, свободу информации. К 2050 г. гиперимперия аккумулирует острые противоречия. «На планете не будет войн между государствами, но каждый станет соперником всех», — резюмировал Аттали. (См. более подробно: обзор книги Ж.Аттали «Краткая история будущего», составленный профессором факультета международных отношений СПбГУ Юрием Акимовым по просьбе агентства «Росбалт».)

Как видим, в картине нового мира, описанного Аттали, заложено всё то, что в книге Колемана «Комитет 300» многим показалось конспирологической фантастикой, — от интенсификации производства и потребления до полного, даже уже не «относительного», по Марксу, а абсолютного обнищания трудящихся, от потери государствами их суверенитета до генетического манипулирования людьми и полного морального разложения общества. И только профан не поймет, кто будет составлять в этом жутком мире новый правящий «креативный класс». Это тот самый «избранный народ», к кото-

рому принадлежат и Жак Аттали, и финансировавший его труды Ротшильд. «Бильдерберги» видят будущее мира именно таким.

По мере того, как развиваются современные технологии, планы «мировой закулисы» по порабощению человечества приобретают все более зловещий характер. Главным вопросом повестки дня заседания Бильдербергского клуба в июне 2008 г. стал вопрос о широкомасштабной имплантации подкожных микрочипов американцам под предлогом борьбы с терроризмом и необходимости обеспечения врачам доступа к информации о состоянии больных в чрезвычайных ситуациях. Совершенно очевидно, что теперь поставлена конкретная задача поголовной чипизации человечества. Это и предусматривает процесс строительства «электронного концлагеря» или общества киборгов, подготовка к которому идет уже полвека. Еще в 1995 г. доктор Кол Сандерсон, ведущий специалист в области исследования первоначальных биомедицинских чипов, заявил, что в США на программу электронной идентификации под кожей, которой занималось ЦРУ, было отпущено 500 миллионов долларов. Программу поддерживал, в частности, Генри Киссинджер. «Проблема, — свидетельствует д-р Сандерсон, — ставилась прямо: мы не сможем контролировать людей, если всех их не пометим, т.е. не идентифицируем».

О глобальной «чипизации» общества довольно красноречиво сказано в документе Евросоюза, принятом еще в марте 2005 г. Это заключение № 20 Европейской группы по этике в науке и новых технологиях: «Современное общество оказалось лицом к лицу с изменениями, которым необходимо подвергнуть человеческую сущность. Вот очередной этап прогресса: в результате наблюдения с помощью видеонадзора и биометрии, а также посредством внедренных в человеческое тело различных электронных устройств, подкожных чипов и смарт-меток человеческие личности изменяются до такой степени, что они всё более и более превращаются в сетевые личности. Они должны иметь возможность время от времени получать и передавать сигналы, разрешающие передвижение, привычки и контакты, подлежащие отслеживанию и оценке. Это должно изменить значение автономии человека. При этом изменится само понятие человеческого достоинства. Некоторые нарушения фундаментальных, естественных прав личности, происходящие с ней по мере трансформации тела, не умаляют ее достоинства, а также ее конституционных прав и свобод». Так что, выходит, никаких свобод никто, по мнению авторитетных представителей Евросоюза,

не потеряет. В 2003 г. началась «чипизация» Мексики, где чипы в своем теле носят уже более 10 тысяч человек. В 2004 г. микрокапсулы идентификации были вживлены генеральному прокурору Мексики Рафаэлю Маседо де ла Конча и 160 работникам прокуратуры.

Конечно, всё это напоминает сюжеты наиболее мрачных антиутопий о введении тотального контроля над человечеством. Ведь разработанные в последние годы новые типы биочипов помимо медицинских и идентификационных функций могут выполнять и другие, вплоть до изменения поведения имплантированных людей и контроля над их эмоциями. К примеру, увеличивая выработку адреналина, биочипы помогут солдатам достигать состояния полного бесстрашия, буквально превращая их в биороботов. Несмотря на то, что пока вживление чипа — дело добровольное (за исключением преступников-рецидивистов), в будущем планируется **обязательная** имплантация. А для того чтобы убедить обывателей в необходимости этого процесса, достаточно провести еще пару терактов, аналогичных событиям 11 сентября. И случайно ли так участились эти акты в Западной Европе, которая пока что никак не соглашается на добровольную чипизацию?

На наших глазах создается этот страшный «новый мировой порядок», идет подготовка к образованию «глобального государства» по рецептам Бильдербергского клуба. Объединение стран «золотого миллиарда» в единую империю уже началось. Североамериканское партнерство, предусматривающее объединение США и Канады, а также, возможно, и Мексики, Европейский союз и блок НАТО, а теперь еще и единое экономическое американско-европейское пространство — составные этого будущего государства. Страны, входящие в Евросоюз, уже потеряли контроль над своей внутренней политикой — ее диктует Еврокомиссия, которая спускает из Брюсселя во все столицы ЕС директивы и разнарядки: сколько сеять, сколько доить, сколько производить молока, мяса, чугуна, стали, сколько готовить инженеров, врачей, учителей, компьютерщиков, а теперь оттуда приходят квоты на каждую страну, сколько ей принимать беженцев из Африки...

...Я вспоминаю, как после лекции Агтали вышел из «клуба руководителей», одного из центров мировой закулисы в Европе в подавленном настроении. Вечерело. В центре Люксембурга, у балюстрады смотровой площадки, нависшей над глубоким оврагом, разделяющим надвое столицу княжества,

я увидел мужчину и женщину с ребенком. Они сидели на скамейке, и у каждого на коленях был свой ноутбук. У мужчины — побольше, у женщины — поменьше, а у бэбика совсем маленький, игрушечный. Они были поглощены своим занятием, что-то выискивая в Сети. Малыш сидел тихо, не мешая родителям, тыкал пальчиком в клавиши, с видимым удовольствием наблюдая за тем, как на экране выскакивали какие-то фигурки, конусы, шарики. «Вот и в Люксембурге объявились номады», — подумал я, всё еще находясь под впечатлением выступления Аттали. Странно. Аттали всегда слыл левым и неслучайно примкнул к французским социалистам. Но то, что я услышал, сильно смахивало на технологический фашизм. Как сместились акценты в теперь уже однополярном мире. То, о чем говорил Аттали, не научная фантастика, а, видимо, тщательно разработанные планы. И если Россия так и не выберется из своей нынешней отсталости, если не сплотится на базе русского патриотизма, отринув либералов и «пятую колонну», не отвергнет участь сырьевого придатка Запада, ее народ ждет судьба нищих киберов, бессловесного человеческого материала, из которого предводители номадов вылепят что угодно. И это я говорю не для красного словца. Дальнейшие разработки «цивилизации номадов» и их реальное воплощение — это прямая угроза России и всему Русскому миру. Достаточно посмотреть на то, что западные радетели демократии уже сделали с Украиной.

«ОТРЕШЁННЫЙ»

РАССКАЗ

Почему из всей аэропортовской толпы я выделил именно его? До сих пор не могу дать себе в этом отчета. Что это было? Профессиональное чутье на интересную личность, наваждение, биотоки родственных душ или другие неведомые и не обозначенные наукой волны сфокусировали мое внимание на нём? Бог ведает...

Шумная, по-восточному гортанная людская масса колготилась в Домодедовском аэропорту. Казалось, вся советская Азия и заодно Кавказ сорвались с насиженных мест в поисках лучшей доли. Много хмурых и бедно одетых людей. Сбылось пророчество народных острословов: сначала перестройка, потом перестрелка и, наконец, переключка. Судя по всему, в стране начался второй этап. Охватившая окраины междоусобная война докатила человеческие обломки до самого сердца России.

Я едва отыскал себе место в людском скопище. Пристроился на выступе у стеклянной стены аэропорта. Деревянные решетки выступа прикрывали трубы отопительной системы. Тепло, и никто не тол-

ПРОЗА

кает. Мне даже удалось прилечь, пристроив дорожный баул под голову. Ждать самолета мне предстояло часа четыре. Это в лучшем случае. Ну а если пурга на моём Севере? Тогда махнуть мне придется энное количество времени, которое вполне могло растянуться на сутки и более. Наш ещё пока советский «Аэрофлот» никому в мире не уступал первенства в количестве плененных любителей воздушного транспорта. Я бы без колебаний начертал над входом каждого аэровокзала: «Оставь надежду всяк сюда входящий!» И ведь, гадство какое, как только переступишь порог аэропорта, ты тотчас обречён на полное и скучнейшее в мире бездействие. Ешь пирожки с неразгаданной начинкой, утоляй жажду скверными напитками и пополняй кассу вокзального туалета. В стране началась повальная коммерциализация. У меня возникло подозрение, что работники аэропортового общепита вошли в сговор с туалетными коммерсантами.

Вокзалы, вокзалы, вокзалы... Четверть срока, наверное, моей журналистской биографии приходится на дорогу. От нечего делать я на полном серьёзе стал подсчитывать дни, проведенные в застенках залов ожидания. По моим подсчетам выходило, что я целых семь лет провёл в дороге, ютился на скамейках вокзалов, пристаней, полустанков, аэропортов и чёрт знает в каких ещё строениях. Ни дать, ни взять — кочевник, бедуин советского покроя. Наконец эта арифметика мне надоела, и я стал разглядывать несостоявшихся авиапассажиров. Бывают такие минуты, часы, а то и дни, когда умирают все желания. Наступает полное бездумье, которое весьма близко душевному анабиозу. Всё естественно, продолжал я свои размышления, — это защитная реакция организма на беспредел нашего сервиса. Смежив веки, я рассеянно следил сквозь ресницы за хаотичными передвижениями людей. Изредка ровный гул голосов нарушался выплесками возмущенных криков. Это слабонервные пассажиры демонстрировали свое отчаяние. «Чего орать? Порядка от аэрофлотовской братии все равно не дождешься. Сидели бы и ждали спокойно, только нервы зря мотают», — отреагировали мои сонные мозги на очередной головной всплеск толпы.

И тут он привлек моё внимание. Правда, не сразу. Я уже видел его не раз, фланирующего на небольшом отрезке у огромного табло прилётов-вылетов, и не заострил на нём внимания. В потертой, коричневого цвета дубленке с клочковатой овчиной на отворотах, без шапки, он ничем не выделялся из этого людского муравейника. Мужик как мужик, на вид лет сорок. Прямые волосы цвета зимней соломы образывы-

вали неопрятный пук на голове. На одном из отрезков своего маршрута он совсем близко прошёл мимо меня. Лицо славянского типа, обыкновенное, с правильными чертами, одыменное белесой трехдневной щетиной, не запомнилось. Только вот серые глаза... Что-то в них было такое, отчего сразу приходит в голову мысль о погорельцах, обворованных или, на худой конец, брошенных женами. Какие-то лихорадочные огоньки мерцали в его глазах.

Видать, у него что-то горело внутри. У чахоточных больных тоже бывают такие глаза. Однако угадывалась в нем не физическая, а скорее душевная мука. Он ничего не замечал и ничего не слышал. К нему пару раз обращались с вопросами, но он не реагировал. Ступал он осторожно и мягко, будто боялся расплескать что-то внутри себя. Так обычно несут больного ребенка.

«Мало ли какие беды гнетут человека. Сейчас ничего удивительного в этом нет. У каждого свое горе», — вяло подумал я, отвлекшись от предмета своего наблюдения на симпатичную узбечку в богатой, в смысле дорогой, шубе. Она тащила огромную сумку и напряженно всматривалась в толпу: то ли выискивала знакомых, то ли свободное место. Мы встретились взглядами. Я жестом указал возле себя. Она улыбнулась и протиснулась сквозь кавказский табор ко мне.

— Спасибо, — она опустила сумку у решетки. — Устала немного. Я отлучусь на минуточку? Присмотрите, пожалуйста, за вещами.

Я согласно кивнул. Удивил ее чистый русский. Наверняка из узбеков московской диаспоры. «Надо бы и мне сбегать... В накопитель если запихнут, то терпеть придется до самого набора высоты. А это еще часа полтора к моим четвёрём», — решил и я подготовиться надлежащим образом к отлету, наблюдая за торопливо спускающейся в подземный ватерклозет узбечкой.

До чего терпеть ненавижу общественные туалеты. Мерзость неопишная. Если бы мне, как гоголевскому кузнецу Вакуле, доверили расписывать стены церкви с картинами ада, я бы, не задумываясь, изобразил вместо котла со смолой вокзальный туалет. Уверен, ни один верующий не отступил бы от христианских заветов, имея перед глазами столь зловещие сцены загробной жизни. Ничего не попишешь, нужду надо где-то справлять. Придется и мне спуститься в преисподнюю, вот только соседку-узбечку дождусь.

В поле моего зрения опять возник этот отрешённый мужик. Он шёл, прижав шапку к груди, будто икону нёс на похоронах. Меня разобрало любопытство. «Точно, обокрали

парня. Олух царя небесного. Тут глядеть надо в оба. Шушеры всегда было полно на вокзалах, а в наши дни и подавно». Пришла узбечка и что-то невнятно пробормотала. Я не расслышал, но на всякий случай ответил — «Пожалуйста». Я забыл про свою малую нужду, да и не припекало особо, и с всё большим интересом стал наблюдать за «Отрешённым» (так я его мысленно окрестил). Он уже сделал обратный разворот и направлялся к выходу. В стеклянном тамбуре он остановился, небрежно накиннул шапку на голову и зашарил по карманам. Курить будет. Так. Выйду и я.

— Схожу покурую, а вы пока займите мое место, — обратился я к узбечке.

Соседка оторвалась от журнала и непонимающе уставилась на меня.

— Говорю, покурить выйду.

— А, конечно, пожалуйста.

Она поднялась со своей обширной сумки и пересела на выступ.

— Разрешите?

«Отрешённый» выставил зажженную сигарету. Я прикурив, кивком поблагодарил и отошёл в угол тамбура. Кроме нас, в небольшом пространстве тянули свои окурки еще несколько человек. Судя по виду, кавказцы. Они немилосердно гортотали на своем языке и чему-то смеялись. Весёлые. Не похоже, чтобы беженцы, скорей торгоши. Вот уж поистине: кому — война, а кому — мать родна. Шум и гам они производили невероятный. Грачи на пашне — да и только. «Отрешённый» отошёл ко мне в угол.

— Тоже застряли?

«Отрешённый» с усилием взглянул на меня и ничего не ответил. «Ох, и разговорчивый ты наш, — мысленно сплюнул я и окончательно утвердился в своей догадке: — Обокрали».

— Ничего не знаю: куда лечу и зачем?

— Вот те раз!

— Вот тебе два...

— Обокрали?

— Нет... А впрочем, не знаю.

Вижу, человеку не до разговоров. Я понятливый, кашлянул сочувственно, мол, бывает, и отодвинулся в самый угол. За свою скитальческую жизнь каких только чудиков я не встречал, каких только историй не наслушался. Заметил давно: люди охотней доверяют свои душевные тайны первому встречному, чем близким своим. Точнее, легче открываются чужому человеку. Закавыка, вероятно, в том, что не надо вда-

ваться в подробности и долго объяснять, что и почему. Слушайному слушателю эти детали не нужны. Оба рады время скоротать, вот и льются свободно откровения. Богатая пища для размышления психологам.

Из опыта своего я знал, если человек произнёс хоть одно слово, его понесёт дальше. Только не надо мешать, а обратиться в слух. Боковым зрением я заметил, как «Отрешённый» заинтересованно взглянул на меня. Как бы приценивался: потяну ли я на его тайну или обойдусь вежливым кивком. Единственный багаж, которым я запасаю впрок в дорогу, — это мое терпение. Никогда не бывает его слишком много, если вы пустились в дальний путь. Сейчас мой «разговорчивый» начнёт исповедоваться. Честно признаться, мне до чужих тайн в тот момент никакого дела не было. Своих проблем до горла.

Дела в фирме, которую я возглавлял, шли скверно. После возвращения из Усть-Илимска в 1989 году я ничего умнее не соорудил, кроме организации частного бизнеса. Вот потому я и направлялся на Север к своим друзьям-шефам выбивать дополнительные кредиты. Моя фирма, и вместе с ней я, находились в подвешенном состоянии, как и тысячи таких же идиотов, поверивших в который раз на слово своему родному, но лукавому государству. Ключнул, ёлки-молалки, на удочку независимости и свободы творчества. А для этого нужны были деньги и немалые. Не имея ясного представления о коммерции как таковой и советской в частности, я с неистраченным пылом взялся за осуществление своей мечты. Уж очень хотелось основать свой литературный журнал. И сразу же завяз в сложных экономических вопросах. Немало страниц истратил, готовя материалы к публикации в местной газете о новых экономических отношениях. Теоретически я, конечно, представлял себе кооперативное дело, но опыта не было ни на копейку. Отсюда и все мои беды. Я барахтался в проблемах реального бизнеса, как глупая муха в сетях жирного паука. Вот уж истинно: рождённый ползать летать не может.

«А этого, наверное, жена бросила, — почему-то решил я. — Мне бы его проблемы. Сейчас будет изливать душу и парафинить с головы до ног свою несчастную супругу. Господи! Хоть бы раз увидеть счастливого семейного человека».

— По сто грамм накатим? — вывел меня из семейных дебей и опасных размышлений о собственной бездарности «Отрешённый». Я благодарно посмотрел на него, поймав себя на радостных ощущениях бестолкового туриста, который случайно наткнулся в таёжной глухомани на лесника.

У одного из многочисленных кооперативных киосков, по-натяканных в большом зале ожидания, мы пристроились за высоким столиком (стулья здесь не полагались) рядом со здоровущей бабой и заморенным, унылым мужичонкой. Они необычайно споро поглощали сосиски и запивали еду какой-то мутной коричневой бурдой. Оголодали, видать, крепко. Баба громко чавкала и тарасилась удивленно на спящих вокруг пассажиров. От её могучих жевательных усилий головной платок сполз на воротник шубы из искусственного меха. Мужичонка ел, будто скороговорку тараторил, тупо уставясь в розетку с засохшей горчицей.

Нам удалось кое-как повернуться, чтобы не видеть их отвратных физиономий.

«Отрешённый» откупорил бутылку. На разлив здесь не полагалось. Давали о себе знать рецидивы недавнего сухого закона. На календаре маячил декабрь девяносто первого — гекачепистского года. Наполнил пластмассовые стаканчики. Молча выпили без дешёвых тостов и здравниц. Я сразу цапанул сосиску, чтобы перебить водочный дух. «Отрешённый» же и бровью не повёл. Я предложил ему закусить. Развезёт, мол, в самолёт не пустят. Он только досадливо махнул рукой. Что ж, дело хозяйское. В конце концов, не маленький.

— У тебя женщина есть? Единственная, которую ты с потрохами всеми твоими любишь?

От неожиданности я растерялся и пожал плечами: «Ну, вот начинается...»

— Как тебе сказать, была, конечно.

— Я не о том, — моментально уловил мою неискренность «Отрешённый». — Не удастся точнее выразить... Чтобы нутро горело, будто спирта хлебнул. Я всё понимаю, не хочешь отвечать, не надо. Хочу проверить себя. Мне казалось, не бывает такого на свете. Выходит, ошибся.

«Ого, как отчаянно излагает. Значит, парень втюрился под задницу лет. В наши годы мужики становятся отчаянными циниками, а этот, вон, ударился в юность. А я-то думал, горе у человека...»

Мне ничего не оставалось, как снисходительно улыбнуться и предложить принять еще по одной. Этим самым я надеялся отвлечь «Отрешённого» от щекотливой темы. Очень трудно перебороть себя, сознавая свое преимущество перед откровенным человеком. Всегда рискуешь, пусть и невольно, унижить его неловким словом или жестом. «Отрешённый» понял свою уязвимость. Он грустно улыбнулся и не стал возражать против повтора. Выпили.

— Откуда сам? — поинтересовался влюбленный. Я понял, что он уводит разговор от опасной темы. Но ошибся.

— С юга.

— А точнее?

— Энергоград, да ты вряд ли знаешь...

— Это который?

— Вот видишь, говорил, что не знаешь. Про Днестровскую ГРЭС слышал?

— А-а, за Тирасполем? Знаю. Лиман у вас там, классный пляж, как на Чёрном море.

— Ты что, бывал там?

— Пару раз ездил с командой гребцов. Бендерский я.

— Надо же, земляк? Вот и не верь, что земля поката. Это дело надо отметить. Не часто приходится встречать земляков в Москве.

— Куда летим?

— Я — в Усть-Илимск, а ты?

— В Братск.

— Вот чудак человек, да это ведь не отсюда, из Внуково. Спросить не мог в справочной? Отсюда рейсы направляются в Азию, на Кавказ, во Владик, в Сибирь тоже есть, но не во все точки.

— А я, как и ты, в Усть-Илимск, а оттуда в Братск махну.

— Можно и так, но зачем кругалю давать?

— Билетов на Братск нет.

— У них всегда билетов нет, а в самолет сядешь, полно кресел свободных...

— Ладно, какая разница, откуда добираться, все равно ведь доберусь.

— Припекло, что ли?

«Отрепённый» надолго замолчал, обратив свой взор в стену киоска.

— Эй, парень, задремал? — забеспокоился я, чувствуя потерю партнера по выпивке.

— Женщина меня там ждет. Наверное, ждёт. Сердцем чую, но мозгами...

— Ну, ждёт и ждёт, мало ли кто кого дожидается, когда мы в дороге.

— Ты не понял меня. Я еду к женщине, точнее лечу, а дом остался в Бендерах.

— Ну? Удивил, тоже мне...

— Подкову гну, — «Отрепённый» заиграл желваками. — Мне кажется, ты или от природы туго соображаешь, или от водки.

— Ша, без нервов только. И слушай сюда: ты что, успел мои мозги оценить? Лихой парень. Я не люблю верхоглядов, так что рискуешь.

— Извини, — он внимательно посмотрел на меня. — Не бери в голову. Лучше пойдём, перекурим.

Я не обиделся. В мои планы не входило разворачивать потасовку.

Несмотря на пару стопарей, я был далеко не в бойцовском настроении.

— А это? — я кивнул на закуску и недопитую бутылку. Возле нашего стола мгновенно возникли два бомжа неопределенного возраста и пола. Весь вид их говорил о готовности в любой миг спикировать на остатки нашего скромного пиршества.

«Отрешённый» достал из кармана целлофановый пакет и стал складывать нашу закуску под пылающие ненавистью взоры вокзальных «санитаров». Мы двинулись к выходу. Попутно я завернул к своей узбечке. Она мирно дремала на моей сумке. Мучимый брезгливым чувством, я заскочил в подземный туалет.

— Все нормально? — встретил меня в тамбуре «Отрешённый».

Я кивнул.

— Идем на улицу. Надымили здесь невероятно. Пару топов можно повесить!

Мы отошли подальше от входа и пристроились за спинами торгующих всякой дребеденью теток. Отсюда легче следить за ментами. Как бы там ни было, а трескать водку прямо на улице ещё не полагалось.

— Слышь, земляк, величать тебя как? Меня — Валентин, — он протянул руку. Я тоже назвался. — Давай за знакомство.

Пили по очереди, чтобы не засекали стражи порядка. На улице их было навалом. Обстановка криминогенная, беженцев много, а среди них всякие попадают. Отдышавшись и отплевавшись после очередной сотки, мы задымили. Молчали, каждый думал о своем.

— Где ты сейчас? Ждёшь ли меня?

При этих словах Валентин заслонила ладонью глаза. Мне показалось, что он сейчас заплачет. Пожалуй, мужику хватит, а то соплей не оберешься. Ишь, чувствительный какой. А тот, словно подслушал мои мысли, грубо выругался, заскрипел зубами:

— Не могу, мля, мандраж бьет. Нервы ни к чёрту. Увидеть бы её хоть ещё раз.

— О ком это ты?

— О женщине! Такая, как она, бывают одна на миллион.

Как-то вышла у него эта фраза по-книжному. Я внимательно оглядел его и подумал о хитросплетениях любовных связей. Кого только не сводит судьба. Наверняка какая-нибудь замухрышка, под стать моему собеседнику.

— Чёрт меня побери, не умею я рассказывать, — словно подслушав мои мысли, нарушил молчание «Отрешённый». — Видишь, я обыкновенный мужик. Ничёго во мне такого нет, на что обычно засматриваются женщины, особенно молодые. У меня вот дружок есть. Тот — да, но когда откроет рот, лучше бы глухонемым родился. Не всякая с ним остаётся. Я чисто внешне рядом с ним проигрываю. Никогда не считал себя самцом, ну, таким, которых по «видику» сейчас показывают. Жил как все: женат был, дочь есть, взрослая уже, в институте учится. Нет, праведником себя не считал, когда выпадала возможность кого-то поиметь на стороне, не отказывал себе в удовольствии. Но я за каждой юбкой не волочился.

Он замолчал. Я заметил, мой собеседник частенько выпадал из руслу воспоминаний, застигнутый, вероятно, неожиданными для самого себя мыслями.

— С моей женщиной как-то всё просто началось, даже неожиданно...

Нет, не хочу пошлятины. Короче, познакомились на берегу Днестра. Ты Бендеры хорошо знаешь? — Он повернулся ко мне, едва не завалившись набок.

— Не очень. Центр более-менее.

— Значит, не представляешь, где у нас на берегу частный сектор?

— Нет.

— Да это не столь важно. Вот разучился я изъясняться на такие темы. Одно паскудство на язык лезет. Понимаешь, она — умная, красивая, смелая, отчаянная даже. С Кавказа родом. Ты национальность такую знаешь — даргинцы?

— Слыхал, но где обитают, не помню.

— В Дагестане. Красивый народ, приветливый, гордый и отчаянный. По крайней мере, я это точно знаю. Хочешь, письмо дам почитать? Осталось только одно, берегу вот... Порвал остальные. Она меня стала отговаривать от бездумных поступков. Мол, семьи у обоих. На чужом горе счастья не построишь...

— Да я не охотник до чужих тайн.

— Нет, ты так ничего не поймешь.

— Мне-то зачем понимать?

— Ну как! — стал горячиться «Отрешенный». — Ведь кто-то должен в этом мире хоть одного человека выслушать и понять, тем более земляк. Иначе хрень какая-то получается. Бардак вселенский и полное «оборзение» нравов. Пойми меня правильно. Правда, рассказчик из меня тот ещё. Ну, не умею я красиво излагать об отношениях между мужчиной и женщиной. Понимаешь? Вечно не то на язык лезет. Как ты думаешь — отчего так бывает? — Я пожал плечами, и он продол-

жил: — Наверное, от боязни выглядеть идиотом. В общем, как смогу, так и расскажу. — Он полез в нагрудный карман своей дубленки и долго что-то там стал выуживать.

— Знаешь, я понял одну вещь: человек, когда находится в состоянии любовной эйфории, абсолютно теряет язык. Ну, ты понимаешь, о чём я? Не даются ему слова. Потом когда-нибудь, когда отболит и всё обратится в прах, приходят на ум верные слова и способность анализировать своё состояние. Хочу, чтобы ты прочёл это письмо. Там мало о любви, больше о нашем бардаке, я имею в виду и Приднестровье, и Молдову, и весь СССР. Как я понял, душа у неё болит не только за меня, но и за всех нас, брошенных на произвол судьбы партийными деятелями. Я вот понять хочу — достоин ли я любви этой женщины? — Он уловил с моей стороны некую небрежность к его откровениям и заторопился оправдываться. — Глупость несёт мужик, да?

— Да ладно, не дергайся. Я привык, работа у меня такая.

— В смысле? — осторожно спросил «Отрешённый».

— О, Господи! Ты что такой нервный? Журналистом работаю, точнее, работал до последнего времени. Теперь сам не знаю — кто я: то ли бизнесмен, то ли враг народа...

— Загнул. С какой это стати враг? Грабанул кого-то, толстосума, или фирму обчистил?

— Ну, по-другому, конечно, нельзя? Сразу «грабанул», «обчистил»...

— Да ты не обижайся. Если честно, ты мне кажешься человеком порядочным. Пусть я ошибаюсь, главное — я тебя не знаю и особо знать не хочу. Зато ты меня слушаешь. В этом суть. Через несколько часов мы расстанемся, и ты забудешь про очередного вокзального придурка.

Но он ошибся. Забыть я так и не смог этого влюблённого чудака, да и письмо, которое приведу ниже, случайно осталось у меня. Как это произошло, я точно не помню. Вероятно, аэропортовская суматоха нас отвлекла, и письмо по небрежности обоих так и осталось у меня.

— Ты, кажется, летишь в мою сторону.

— Не совсем. Ну, в смысле летим-то в одну сторону, но в разное время: я вылетаю завтра, ты — сегодня.

— И что?

— Да ничего! Сказал, не увидимся, значит, не увидимся. В Бендеры я больше не вернусь.

— Не зарекайся.

— Ладно, читай. — Он протянул мне листки серой плотной бумаги, конверт зачем-то оставил у себя.

— Тебе это очень надо?

«Отрешённый» поднял глаза, что-то в моем тоне ему не понравилось. Несколько секунд он прожигал меня взглядом.

— Что именно?

— Ну, вот, здравствуйте вам! Я о письме твоей женщины. Надо это тебе?

— Надо! Только давай без подковырок. Для меня это слишком важно.

Я не стал дразнить гусей и взял листки, исписанные чётким угловатым почерком. Да, текст писала женская рука, но твердая, уверенная. Характер, видать, у дамы железный. Как заострены и резко очерчены согласные, но всё же гласные выписаны мягко и закругленно. Это выдавало в ней женщину скрытную, иголки наружу, зато ласковая и нежная к тем, кто ей дорог. Сразу скажу, я не графолог. Просто этому научился за годы работы в редакции.

Сколько писем перелопатил — не перечислить, небольшая библиотека точно получилась бы. Сложился свой профессиональный взгляд и подход в период редакционной деятельности в части определения характеров добровольных корреспондентов. Сегодня, стоит мне взглянуть на конверт, я сразу определяю: читать дальше или отложить в архив. Конечно, не обходилось без промахов. Но каждое исключение, известно, только подтверждает правило.

Письмо, несомненно, позже я понял, было интересным. Однако меня не оставляло ощущение, что писала его праправнучка грузинской самодержицы Тамары. Сколько кремня в характере даргинки — за жизнь не обтесать одному человеку. Заметил, как Валентин скосил на меня взгляд, словно подгонял: мол, читай, не задерживай. До чего настойчивы эти влюблённые. Я со вздохом принялся за чтение не адресованного мне послания.

«Дорогой Валентиныч!

*Отвечаю спустя целую неделю после получения твоего письма. В этот раз дело не в «изгибах характера», а в попытке переоценить свое кредо. С переоценкой ничего не получилось, а вот точки над *i* расставить, вроде бы, удалось.*

Дело в том, мой свет, что я поняла одну очень важную для себя вещь. Как всякая женщина я (в отличие от всякой женщины, может быть, не столько сознательно, сколько подсознательно) стремилась к счастью в семейной жизни. После нашей встречи я поняла, что для меня такая гармония возможна, наверное, с единственным человеком — с тобой. Но это ещё не трагедия, потому что в мире нет ничего невозможного для человека, поставившего перед собой твёрдую и определённую цель. Наверное, будет достаточно трудно объяснить тебе всё. Я лет с 15-ти пыталась осознать саму себя как личность и только

недавно более или менее расшифровала себя. Не знаю, в воспитании ли здесь дело, ведь родители никогда не читали мне нравоучений. Я просто видела, как они живут, и пыталась проникнуть в то, почему они так живут. Никто в нашей большой (включая и второстепенных родственников) семье не знает своей родословной в том объёме, в каком её знаю я (это без ложной скромности). И выяснилась интересная, и в чем-то пугающая, закономерность. Все мои предки были или взаимно счастливы в семейной жизни, или одна из половин, пусть без достаточной взаимности, очень любила другую. И никто не мог реализоваться полностью, как личность, несмотря на талантливость в самых разных сферах. Насколько я могла проследить характеры своих предков, невозможность реализоваться происходила из-за недостатка здорового эгоизма. Любой из них мог сделать невозможное для друга, соседа или просто первого несчастного встречного, но когда дело касалось себя или своей семьи...

Вот такое родовое наваждение. Правда, в семье не без уродов... И у нас в каждом поколении такой один (больше не наша) отыскивался, который чувствовал себя достаточно уютно в домашнем кругу и, в отличие от всех родственников бессребреников, смог подвести достаточно прочную материальную базу под семейное благополучие. Удивительно, и, тем не менее, закономерно, что со временем с такими уродами рвались все семейные связи. Впрочем, изгой от этого не страдал.

На меня, похоже, пало проклятие совсем другой разновидности. Я вовсе не счастлива, и мне совсем неуютно в моём (моём ли?) доме. Зато, похоже, во мне сконцентрировалась вся родовая тоска по самореализации плюс родословная самоотречения.

Конечно, мне всё время будет грустно по несостоявшемуся счастливому дому, но для меня достаточно того, что я просто узнала о негипотетической возможности такого счастья для себя. Вот такое, оказывается, моё кредо на сегодняшний день. Может быть, я излишне мудрствую, но переделать себя немедленно не могу.

... Ты спрашивал, как у нас отнеслись к хунте. Пока я собиралась тебе ответить, всё закончилось. Явное противодействие российским указам оказали две личности — редактор городского радио и командир воинской части (указам Ельцина. — В.К.).

Что касается вашего региона, то у меня свой взгляд на происходящее в Приднестровье. Думаю, здесь просто произошла цепная реакция, когда сначала центр не признавал права окраин и получил в виде отпрыжки вспышку гиперационализма, который в силу сложившихся в стране причин окрасился в общеизвестном мнении в демократический цвет.

В свою очередь, Приднестровье, населённое в основном т.н. русскоязычным или немолдавоязычным населением, по всему тому же закону противодействия выставило сначала антигипернациональную идею и вслед за этим поддержало тоталитарно-союзную идею. Но, знаешь, я согласна с Джорджем Соросом, когда он говорит о том, что мы в нашей разнесчастной стране очень долго жили по удобно подогнанной под идею авторитарности теории Карла Поппера, применявшего методы и критерии естественных наук и природных законов к социальным явлениям».

Здесь я решил передохнуть. Ого, девица и современной философской мыслью увлекается. Правда, не совсем четко о теории Поппера, да ещё в интерпретации Сороса, известного «друга» Советского Союза. Однако... Да, мадам обладает знаниями, пусть и отрывочного характера, но всё же впечатляет. Сказывается, и это очевидно, отсутствие хорошей высшей школы, а некоторые знания политической кухни имеются. Впрочем, подобных знатоков — единицы. Она одна из тех, кто обладает аналитическим умом. Некоторые стилистические обороты несколько резали глаз, но я всё же интереса к письму не потерял. Ладно, не буду придираться, останавливал я сам себя, не редакционная статья всё же.

**И самое страшное, мы привыкли к традиционному типу мышления. (Здесь она, несомненно, права. — В.К.) Может быть, стоит жить не по закону действия—противодействия, а подойти критически к ситуации? Иначе эта цепная реакция, которой мы позволяем развиваться по законам природы, может привести к взрыву. Наверное, вашему Приднестровскому правительству стоит вернуться немного назад и заново начать переговоры о возможности демократического развития хотя бы в этой части Молдовы.*

Попугали, показали, чем может обернуться тоталитарно-республиканский режим, и хватит. (Напомню, события на тот момент в Приднестровье ещё не дошли до точки невозврата. — В.К.) Конечно, это процесс более длительный, требующий умения мыслить более гибко, нетрадиционно, но это все-таки лучше баррикад по всему Приднестровью. Возможно, мне не хватает полной информации обо всём происходящем у вас, но ведь «большое видится на расстоянии», а это уже не только закон природы. Кому-то надо найти в себе силы вовремя притормозить. А если ваши правители более склонны к выпячиванию собственных амбиций, к дешёвому популизму (и приднестровские, и молдавские), то надо найти веское и доходчивое слово к народу. На то вы и интеллигенция — цвет нации».

Я снова оторвался от письма, и вид мой, наверное, весьма был обескураженным. «Отрешённый» внимательно следил за

моим чтением, письмо он, видимо, знал наизусть, и понял, что я в растерянности. Он усмехнулся.

— А ты кем работаешь в Бендерах? — спросил я, задетый «цветом нации».

— Дочитал до призыва к интеллигентам? Работал в политехническом техникуме, преподавал обществоведение. Ныне, вот, лесоруб самой низкой квалификации.

— Ну, вы даёте, ребята, а она кто по образованию?

— А никто. За плечами средняя школа. Теперь она жена своего мужа. Это у неё от природы — философский склад ума и пытливость, стремление к самостоятельному мышлению. Я заметил, ты сомневался. Думал, сплошные любовные сюсюканья.

— Я ведь человека не знаю, что мне сомневаться. Хотя от женщины, в смысле домохозяйки, я редко разумные вещи слышал. Поэтому и на письмо настроился скептически. Какая умница! С такой женщиной, пожалуй, никогда не соскучишься, — отмахнулся я от него и уткнулся снова в ровные строчки письма.

«Кстати, я считаю, что слово «коммунизм» в его первоначальном смысле не такое уж плохое. И мы естественным путем, не из-под палки, придём к нему или к чему-то очень похожему через пару тысяч лет».

Здесь я слегка скривился, это заметил Валентин. Хмыкнул. Я оторвался от письма и внимательно посмотрел на него. Он кивнул мне, мол, продолжай. Не обратив внимания на знаки с его стороны, подумалось, что девушка загнула насчет времени. Долго ждать. Поймал себя на желании возразить ей насчет сроков — гораздо раньше хотелось, чтобы это случилось. Ох, неугасим бабкин костёр... И тут же себя одернул. Блажь всё это.

«И предпосылки именно к таким отношениям уже возникают, только не в закрытых обществах типа бывшего соцлагеря, а в открытых — Франции, Дании, Швеции и т.д. Об этом свидетельствуют не только неизмеримо более внимательное отношение всего общества в этих странах к социальной сфере, но и личные поступки людей. Хотя и там хватает своих перекосов вроде отсутствия интересов к поэзии, философии, без которых нет подлинно гармоничных человеческих отношений. Истина, как всегда, лежит где-то посередине. Ну вот, получилось не письмо, а целый философский трактат, хоть страницы нумеруй. Может, используешь в своих лекциях? Шучу. Конечно, хорошо философствовать, как Диогену в бочке в относительно спокойном регионе (это в порядке самокритики). А скорее всего, получилось так длинно и нудно, потому что никто

не перебивает. Остаётся посочувствовать тебе за вынужденное внимание к моему посланию. Найди свободный часик в твоём (чувствую, расписанном по минутам) распорядке и накажи меня тем же. Наказание приму с удовольствием. Задай письменную работу своим, как ты пишешь, «олухам», а сам садись за ответ. Инга.

P.S. Все-таки мы, видно, по части неистовства, два сапога — пара... Это уж точно. Две недели назад в порыве самоотречения разорвала на мелкие клочки твои письма. Тебе ещё не надоело прощать меня за «изгибы?»

«Отрешённый» сидел на корточках, попыхивал сигаретным дымом и заинтересованно наблюдал за торговками. Они яростно спорили с молоденьким сержантом. Зелёный мент урезонивал несгибаемых бизнесменок. Он тыкал пальцем в пирожки домашнего приготовления и юношеским ломким голоском тянул однотонно: «Не положено. Продажа продуктов питания без санитарного свидетельства запрещена. Не положено...» Невозмутимость сержанта доводила торговок до истерики.

— Слышишь, Валентин. Письмо-то не очень похоже на любовное послание. Ты извини, конечно, но у вас не роман, а политическая дискуссия. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление.

— Она, верно, женщина необыкновенная. Инга мне запретила письменные признания в любви. Слова такого рода женщина должна слышать, а не читать. Ведь написать всегда легче, чем сказать человеку в глаза. В этом вся суть. А её философствования — это давний наш спор. Я против гекачепистов был, а она — за. Хотя я согласен в одном — нельзя было делить державу на беспомощные куски. После одной ночи любви нас потянуло на разговоры. Я в шутку возьми и ляпни, что женщину тянет на беседу только лишь в одном случае, когда... Она как закричит на меня: «Идиот! Тупица! После всего, что у нас было, тебе ещё и признания нужны в моём чувстве?» Ошарашила, признаться, так, что на другой день боялся сунуться к ней. Не подпустит к себе, думаю, больше ни разу.

«Отрешенный» встал, подрыгал затекшими ногами и предложил вернуться в зал ожидания. На улице холодновато становилось. День клонился к вечеру. Зима все-таки, хоть и гнилая московская.

— Впечатлился? — Валентину не терпелось узнать моё мнение о своей любимой. Но ещё больше, я понял, ему хотелось рассказать о ней самому и подробней. Однако он не был уверен в моей расположенности к рассказу.

— Честно говоря, твоя подруга человек любопытный. Во многом она права, что касается нашей заварухи. А между

прочим, я не уверен — влюблена ли она? Что-то мешает в это поверить полностью. Ладно, женщина она своенравная — это я понял. Другое — не пойму. Она живёт с мужем, у неё семья, пусть и не очень счастлива, но... Она ведь с Кавказа. А там шутки плохо с этим делом. Женщина-изменница карается жестоко.

— Вот в этом всё и дело, что мучается она. Долг и любовь — это же вечная кара для неё. Она стоит перед выбором. И кавказский менталитет, и догматы шариата здесь ни при чём. Да — она даргинка. Но, во-первых, она далёко живет, в Сибири, во-вторых, муж у неё русский, а в-третьих, она очень отчаянный человек. И — красавица! У меня нет таких слов...

— Положим, я тоже не среди поганок жил.

— Да при чём здесь это?! Вот непонятливый! Я не в обиду говорю. Смотри на меня — можно с такой внешностью влюбиться в себя красотку?

— У тебя заниженная самооценка, не прибедняйся. Правда, вид у тебя несколько запущенный, но если побрить, отскоблить — станешь ещё будь здоров!

— Нет, я серьёзно. Эх, ёлки-моталки, а ведь не я, она меня выбрала, — он как-то удивленно посмотрел на меня и остановился, сражённый этим открытием. Я потянул его за рукав, на нас валила новая волна поклонников «Аэрофлота». Мы двинулись замысловатыми зигзагами. Я специально выбирал маршруты, чтобы не выпускать из виду узбечку с моей сумкой. Она продолжала мирно дремать на выступе, стеснённая до крайности сидячими и лежащими узниками аэровокзала.

— Она с мужем и детьми жила в гостинице, — стал вспоминать подробности роковой встречи «Отрешённый». — Он у неё шишкарь какой-то в Братске был. Я не уточнял. Говорила, что бывший партocrat. Когда стало горячо, быстренько перековался в банкира. Да мне на это плевать. В Бендерах у него какие-то важные дела возникли. Только до сих пор не могу понять — какие? Сибирь чёрте где. Ну ладно. Так далеко ему одному не хотелось ехать, прихватил семью, чтобы заодно и отдохнуть смогли. Приятное с полезным привык совмещать. Принцип у него такой жизненный. Я вот всё думаю: партию разогнали, а эти служители под забор пошли, что ли? Фиг вам! Места они себе забили заранее. Так они просто и отдали деньги и власть!.. Болт завода Петровского...

«Отрешённый» стал понемногу заводиться, подогрела страсти, несомненно, и водка.

— Мне Инга как-то вскользь намекнула на суть дружеского визита её мужа в наши края. Деньги вкладывали. Для

чего? Ведь наш регион уже тогда, всем было понятно, — нестабильный. Да мне начхать на их партийные игрища. Так вот, когда я впервые встретил Ингу на городском пляже, она со своей ребятей загорала. Без мужа была. Ну, думаю, обыкновенная курортница, приехала погреться на юг. Правда, она могла дать фору любой эстрадной диве. Красавица, стройная, тело точеное. Сама вся белая, как сметана, и чёрный купальник. Даже не верилось, что она мама двух деток. Мальчик и девочка, погодки. Малышка в школу должна была идти. Мы с другом недалеко на катере загорали, подстерегали клиентов. В запасе бутылка вина литра на два, ну, эта, пластмассовая, изпод импортного пойла, и закусь. Всё как полагается.

«Отрешённый» без усилий перешёл на местный жаргон. Былой налёт интеллигентности из его речи стал улетучиваться. Я этот факт списал на водку. Такое часто случается, когда рассказчик боится выделиться из общей массы — переходит на уличный сленг. Эта метаморфоза не то чтобы покорила меня, я человек привычный, однако возбудила неприятие, правда, незначительное. Словно в паутину впутался. Я не стал демонстрировать свои чувства. Да и зачем?

— Лежим, покуриваем и поджидаем. Подвалили две подружки, на вид — пробы негде ставить. Завели разговор, смотрю, девушки бедрами завияляли. Есть контакт! Кореш стал уже мотор заводить, когда одна из них вякнула что-то насчет баксов. Доллары только в моду стали входить. Многие ещё толком не знали, с чем их едят. Мол, мы девочки дорогие, тыры-пыры. Позже выяснилось — они одесситки. Что делали эти подружки в Бендерах — ума не приложу. Корефан чуть с катера не скочил от наглости такой. Обложил их по всем правилам морского жаргона. Те тоже в долгу не остались, языкатые попались. Товарищ мой раздухарился не на шутку и попёр их по всем дистанциям, даже на противоположном берегу парканцы шумом заинтересовались. Чувствую, ещё немного, и «мочить» их будет. Я на песочек пляжный сошёл, не дай Бог кто из моих студентов увидит меня в этой компании.

А у катера разгорается скандал на всю катушку. Бакланы пристукнутые. Инга оказалась недалеко от причала и наблюдала всю эту сцену. Смеялась от души, когда кореш, размахивая веслом, погнал этих интердевочек от своего плавсредства. Я интересуюсь, мол, чему она так радуется. Имени её я ещё не знал. А клиентки отбежали и оттуда, из безопасного далека, поливают кореша моего такими словесами, что уши вянуть стали. Ух и матюги выдавали. Насобачились, видать, на одесских пляжах. После такого спектакля остаётся только выпить. Решил, что дрюкнуть по стакану мы все-

гда успеем. Интересуюсь дальше у молодой мамы на предмет географии и прочих деталей личной жизни. Она ни гугу. Ладно. Я вернулся на катер. Не везёт, так не везёт, хоть кореша успокою. Он, бедолага, после криков отдышаться никак не может. Предложил ему плюнуть на всё и закатиться в нашу бухточку, точнее заливчик. Плыть надо было с полчаса вниз по течению. Волшебное место, и вода там хорошо прогревается. Говорю, мол, после такой горячей дискуссии не мешало бы совершить водные процедуры. Согласился, а куда он денется. Да вот, на моё счастье, наверное, мотор забарахлил. Видать, эти путаны пляжные так напихали моему корешу, что и катеру досталось. Пока он возился, я стаканчик опрокинул и прилег на носу нашей посуды. Всё равно я ни бумбум в моторах. Катер у него приличный — «Крым». Дружок мой — тренер на гребной базе. Я себе лежу, покуриваю, в реку поплёвываю и слушаю, как Ленчик лепит словесные конструкции повышенной этажности. Вспомнил всех матерей, святых и блаженных Бессарабии, Украины и других определенных государств. Словно сказки рассказывает. Хоть бы раз повторился. Слышу, голосок женский, вроде к нам обращается. Тренер мой буквой «зю» стоит, некогда ему на всяких прохожих отвлекаться.

— Скажите, пожалуйста, сколько будет стоить одночасовая прогулка на катере?

Я глаза выпучил. Эта весёлая мама с детворой стоит у катера и на меня смотрит вопросительно. И такая она воздушная, такая привлекательная, сердце заходится.

— Вы ко мне? — интересуюсь.

Вопрос, согласен, туповатый. Я свыкся с мыслью, что нам сегодня облом светит. И вот, пожалуйста, клюнула одна. Ну и что, если с ребятишками? Всё же развлечение.

— Как можно? Вы говорите глупости, какие деньги? Молодых мам, тем более таких красивых гостей нашего города, мы...

— А ху-ху не хо-хо?

Это кореш, змей ползучий, позу поменял и пялится на неё. Никто его не спрашивал, копайся дальше в своем моторе. Нет же, надо ему встрять в беседу, а ещё педагог, тренер. Дети ведь стоят. Ни черта в психологии не смылит. Смотрю, моя мамочка лицом потемнела, но сдерживается.

— Я, кажется, не к вам обратилась. Мне неприятно говорить это, но фиаско, по-моему, вы потерпели справедливо, — это она корешу.

Лёнчик рылом закрутил. Сейчас мой «небезухин» какую-нибудь непристойность запустит. Надо спасать положение...

Покатались мы с ней до вечера. Без всяких там намёков, всё прилично. Даже корефан ближе к вечеру повеселел. Теперь я точно убедился, что красота может спасти мир. Если такого пройдоху, как мой кореш, она примирила с этим миром...

— Слышь, Валёк, кадра тебе отвалилась, я отвечаю...

— Что значит мне? По-моему, ты у нас первый донжуан. И почему отвалилась? Человек замужем, отдыхать приехала к нам в город, сам же слышал.

— Да брось ты из себя дурака корчить. Замужем она... Ты бы видел, как она на тебя пялилась. Короче, если ты оробел, тогда...

При этих словах я ему чуть в ухо не врезал. Чёрт знает отчего, но неприятно стало. Была бы она какая-нибудь «ветрянкa», а то ж порядочная женщина. Честно сказать, я и не надеялся на амуры всякие. Не то чтобы не нравилась, наоборот, но не для меня такая красавица. Да и замужем. Ни к чему приключения искать.

Проводили их до гостиницы, а при расставании Инга просьбу нам высказала. Муж завтра в Кишинёв уезжает и пробудет там по своим делам неделю, до самого отлета. Она же хотела бы остаться ещё немного здесь вместе с детьми. Мол, отдохнуть надо, позагорать перед долгой сибирской зимой, солнышка набраться. В гостинице оставаться ей не хочется, неуютно там, да и сервис незатейливый. Дети от такой новости запрыгали от радости. Надо, короче, найти частную квартиру, а ещё лучше дом. Мы с Лёнчиком пообещали поискать комнату.

По пути домой мы завернули к моей тёще, мол, разведать, где хата сдаётся. К ней я не хотел селить Ингу, тёща сдуру могла загнать такую цену, что потом со стыда сгоришь. Она выслушала нас, а потом заявляет: «Нечего вам искать где-то, пусть у меня живут. Отдыхающих в городе совсем мало стало, лишняя копейка не помешает». Я ей сказал насчёт цены, чтобы лыжи не загибала: «Это жена нашего приятеля». Тёща руками замахала, мол, согласна на всё. Тем более, у неё можно будет и фрукты, и овощи брать, можно сказать, «за бесплатно». Ага, бесплатно, а то я её не знаю... Огород у моей тёщи порядочный, соток на 40 потянет. Короче, сговорились. Только Лёнчик вдруг обеспокоился насчёт наших интимных отношений с Ингой. Он уже всё решил за нас. И ведь прав оказался. При такой бдительной стражнице шашни заводить — самое гиблое дело. Но я ему серьёзно сказал, что ничего такого у меня на уме нет.

На следующий день Инга переехала к моей тёще. Муж её укатил в Кишинёв, а мы пошли устраиваться. Моя «Фёкла

Дормидонтовна», за глаза я её так называл, от удачи такой по потолку ходит. Тесть мой давно умер, дом пустой стоял, тёща из экономии в кэсойке (летняя кухня) жила. И стал я каждый день навещаться к своей названной матушке. Тут и дураку ясно, к кому больше тянуло меня. Как на работу ходил. Вот те крест, утра не мог дожидаться. Завтракали вместе, подолгу разговаривали, а потом на пляж ходили.

Свой интимный интерес я глубоко в нутро своё затолкал. Не заикался даже. Будто с сестрой обходился. Моя половина тоже в Кишинёве пребывала, дочка экзамен сдавала в институт. Каждый вечер звонит, докладывает об успехах. Я её предупредил, чтобы хоть через день звонила, я в огороде у тёщи занят. Поверила и даже похвалила. Зять помощником заделался незаменимым, тёща от радости на ушах ходит. Я на огороде корячусь, Лёнчик наржаться не может, наблюдая за мной. Инга никогда сама на пляж не ходила, меня дожидалась, но я ей втолковал, чтоб выходила чуть пораньше, я потом появлюсь. Не надо, чтобы тёще дурные мысли в голову стукнули. Хотя они и так там навечно обосновались.

Лёнчик до того привык к своей новой должности гондольера, что и тренировки забросил. Пацанов мало в секции осталось, разъехались. Это он, змей, новоселье устроил через несколько дней с дикой пьянкой. Тёщу мою упоил коньяком «Дойна» до бесчувствия. Нам один знакомый из Тирасполя скинул по нормальной цене три литра на разлив. Я уж, грешным делом, подумал, окачурилась моя незабвенная. Ан, нет. Старой закалки кадр.

«Отрешённый» замолчал, перевел дух и задумался. Мне на миг показалось, что он выдохся и на продолжение своей истории у него уже не хватит сил.

— Знаешь, — «Отрешённый» поднял голову, посмотрел на меня в упор, мы как раз остановились у металлических ограждений. — Мне иногда страшновато становилось с Ингой. Вдруг, ни с того ни с сего, начнёт рассказывать о каких-то подземных человечках. Они, говорит, постоянно зовут её к себе в подземное государство. Описывает мне подробности путешествия в их прекрасный мир. Она так и говорила — «прекрасный». Оказывается, она бывает там часто, отдыхает душой. Ведь там нет подлых и коварных, злых и завистливых, глупых и бездарных. Мороз по коже. Представь себе: перед тобой сидит твоя возлюбленная и вдруг начинает городить чёрт-те что. Какой будет у тебя реакция? Вот и мне было не по себе. Сидит, бывало, обнаженная в постели, волосы по плечам рассыпаны, глаза блестят и лицо бледное. Красивая и одновременно пугающе чужая, дикая. Я только сунусь в

этот момент с телячьими нежностями, она от меня, как от чумного, отпрядает. Не знаю, муж, что ли, бил её? Ей-богу, страх меня разбieraет и жалость. Не знаю в такие минуты, что и делать. Потом рассмеётся неожиданно, видно, лицо у меня глупое становилось, и кидается на меня с поцелуями, шепчет: «Замучай меня, ну замучай...» Какой из меня в эти мгновения мучитель? Она губу закусит, обиделась как бы, и снова диким взглядом уставится на меня. Жуть берёт. Конечно, нам приходилось скрывать свои отношения от её детей и моей тётки. От этого возникают всякие неудобства, сам понимаешь. Слава Богу, тётка вскоре уехала к своей сестре в Кашаны, абрикоса поспела, помочь надо. Тётка тоже одна куковала. Вот тут мы с Ингой и дали нам оторваться. Ты скажи мне, — «Отрешённый» посмотрел на меня вопросительно, — может тридцатилетняя женщина, имея двух детей и опыт супружеской жизни, не знать оргазма?

— Сомневаюсь, хотя кто её знает... Спать с мужем — это не всегда испытывать восторги любви. Но хоть однажды она, наверное, была на седьмом небе.

— Вот и я говорю. А она мне доказывает, что ни разу этого не испытывала. Говорит, завидую распутным женщинам, они берут от жизни всё, что хотят, и никогда не мучаются. Врубашься? Я не считаю себя половым гигантом, но кое-что в этом деле понимаю. Мне только на третью ночь удалось довести её до экстаза. А так получалось всё не очень... После того, как тётка уехала, мы уже не стеснялись друг друга. Я молил Бога, чтобы тётка упала с дерева и сломала ногу, чтобы дочь успешно сдала экзамены и осталась вместе со своей мамочкой ещё и на установочную сессию, чтобы у Ингинова мужа завелись дела ещё и в Бельцах на пару недель. Глупо, конечно, однако молился на полном серьёзе.

О многом мы с ней переговори́ли. Я больше слушал, мне интересно было. Оказывается, дома к её мнению вообще никто не прислушивался. Ты же сам убедился, насколько неординарно она мыслит. Мне нравились её рассуждения. К тому же несчастливый брак развивает именно философское мышление. Вспомни Сократа. После скандала Ксантипа выльет ему на голову помой, а он только ухмыляется: «После грома и молнии всегда бывает дождь...» Объединяла нас не только постель, но и неудовлетворенность семейной жизнью. Муж у неё лишь брат умеет. Возникнет потребность, он молча овладеет ею — и на боковую. Она рассказывала и сама удивлялась, как может жить с таким мастодонтом. В нём её раздражало всё: и смазливость его, и омерзительная похотливость, и удачливость, и самоуверенность безграничная. Она его

никогда не любила по-настоящему. Она тогда была совсем ещё девчонкой, охмурил комсомольский вожак приезжую девушку из стройотряда. Так и осталась в Сибири. Потом он раскрылся во всей красе. Говорил, что презирает всех и вся в нашей стране. Взбунтовавшееся стадо нельзя силком в стойло загонять. Опять убегут, но с ещё большими последствиями. Пусть, мол, силёнки свои на волюшке расходуют, а мы потихоньку им новые загоны, строить будем. А пока надо капитал сколачивать. Когда это быдло набрыкается, наглодаётся, — опять к нам прибежит. К тому времени у нас уже будут готовы новые загоны, да покрепче прежних. Вот паскуда какая! А ведь недавно ещё от имени этого народа и разваливал вместе со своими поделеньниками страну. Такие откровения кого хочешь из равновесия выведут. Крутизна моржовая! Я возненавидел его вместе с Ингой. Понимаю, что не прав. Рога наставляю мужику да ещё и презираю. Нехорошо, вроде, а сожаления нет, угрызений совести тоже не чувствую. Инга не для него, он владеет чужим.

Но главное — мы были счастливы в те дни. Разговоры о муже, его принципах, о мировом бардаке ненадолго портили нам настроение. Я чихать хотел на строительство его загонов. Или нациков с их идеями, целостность Молдовы, что там ещё наворочали? На хрен мне всё это нужно? Я тебе точно говорю: была бы у каждого долбаного политика любимая женщина, ни у кого из них не хватило бы сил на митинги и прочие политические шоу. Скажи, зачем всё это счастливому человеку? За окном бегают Фэт-Фрумасы с триколором, орут что-то насчёт русских оккупантов, чемодана и России, величия румын, Европы, будто у них нестерпимо свербит в одном месте. Какая к черту Румыния? Какая на хрен Европа? Кому мы там нужны? Дешёвые трюки. Это как в драке — один заводит — и в кусты, а два дурака мутузят потом друг друга.

— Кабы так просто всё было, то и проблем бы не возникало. Просто каждой нации захотелось по-настоящему быть равноправной. Вспомни и ты: старший брат, младший брат, — попытался я возразить «Отрешённому». Но он будто глухарь на токовище, молотил своё.

— Плевал я на всякие суверенитеты... Надо жить вместе. Иначе мы все поубиваем друг друга... В Бендерах вечерами тревожно становилось. Я жил у тёщи уже открыто. Соседям объяснил, что дом охраняю. Да сдался мне её сарай! Я Ингу с детьми охранял. Шантрапы в городе развелось — некого послать на три буквы... Ты знаешь, не так переживал о жене и дочери, как о своих постояльцах. Ходили мы с ней на переговорный пункт вместе, она с мужем разговаривает, я — жене

докладываюсь. Инга толкует ему о фруктах, загаре, а он, пень сибирский, её непременно требует в Кишинёв, улетать пора якобы. Видно, заподозрил, дятел таёжный, что-то. Упёрся — и всё! А я о расставании и думать боялся. Не выживу без неё, помру в одночасье. Но всему приходит конец: «Счастливые всегда потом рыдают, что вовремя часов не наблюдают», — процитировал чью-то пародию на классика «Отрепённый».

— Да, пока на своей шкуре не испытаешь...

— Это уж точно. Обстоятельства, к сожалению, бывают сильнее нас. Никакие тайные или явные мольбы не помогут. В последний вечер Инга мне заявила, что родит от меня девочку. И пусть только я попробую после этого не взять её в жёны — зарежет! Я не угрозу её испугался, а серьёзности тона. За меня — замуж?! Да я же по сравнению с крутым её муженьком пыль, голь перекатная. С ума сошла девка. Лёнчик чуть помидориной не подавился в тот момент. Мы на веранде сидели, типа отвлечённой сварганили. Он приволокся с малолеткой. У него пунтик такой — обязательно снять какую-нибудь пустышку недозрелую. Хоть на этот вечер кого бы приличней выбрал. Слава Богу, та хоть рот не открывала, только при выпивке. Молчать-то молчала, а грудями и бёдрами сверкала на всю ивановскую.

Инга свечи купила для прощального вечера, зажгла их всюду. Любит она всю эту атрибутику. Напились мы тогда в стельку. Танцевали много. Тёлка малолетняя так уклюкалась, что ко мне внаглую клеилась. Инга чуть причёску ей всю не выкорчевала. До полновесного скандала, правда, дело не дошло. Мы быстро с Лёнчиком уладили недоразумение, но каким образом, я уж не помню. Инга под конец вечеринки совсем перестала стесняться гостей. Уселась ко мне на колени и давай заводить. Хорошо, Лёнчик понятливый мужик оказался, уволок быстренько свою секс-лимонку в летнюю кухню. Детвора Инги уже спала...

Утром прикатил муж на «Волге» и увёз всех троих в аэропорт. И начались наши мытарства. Письма только и выручали, хоть какая-то отдушина. Дочь моя поступила в университет, радость в семье, а я хожу с кислой рожой, как хроник какой-то. Смотреть тошно. На жену гляжу, а вижу Ингу. В постель ложусь — опять её образ передо мной. В темноте как-то легче представить себе другого человека. На первых порах давал оторваться своей жене. Летала по квартире, будто перо в зад вставили. И про болячки забыла. Когда она начнёт рассказывать, где и как у неё болит, я с опасением жду, что через полчаса она умрёт. Неделью я ещё держался, а

потом срываться начал. Хорошо ещё, дочери не было, в Кишинёв укатила, занятия начались.

— Так ты все-таки решился забрать Ингу у того дятла?

— А ты разве не понял? В Бендеры я больше не вернусь, даже если с Ингой ничего не получится.

— Получится, не получится, что-то я не пойму.

— А чего тут понимать. Лечу в Братск, это я уже тебе говорил. Работать буду в леспромхозе, а там, даст Бог, Ингу отыщу и больше не отпущу от себя ни на шаг.

— Ерунда какая-то...

— От неё уже несколько месяцев писем не было. Звонил туда, но отвечал всё время муж. Не буду же я спрашивать у него про жену. Сам догонять должен. Подвернулся случай, бригада сколотилась для заготовки леса, и я завербовался. Инга как-то писала, что собирается уходить от мужа. Но я так и не знаю: то ли ушла, то ли дома сидит под замком. Вот такие пироги с котятками...

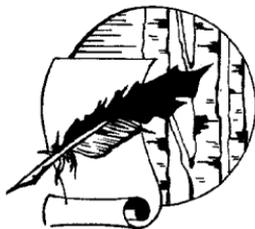
«Отрешённый» тоскливо оглянулся, запрокинул голову и застыл. Там, под гулким высоким перекрытием аэровокзала, бились о боковые стёкла три воробья. По птичьей своей неосторожности, попали и они в капкан. Воробьи-то за что! Погреться захотелось им, а заплатили за это свободой. Серенькие несмышлёныши... Эх, мать твою растуды, будто мы умнее.

Я хотел было отдать ему послание, но тут «Отрешённого» окликнули. Пришли за ним два парня, стали звать в гостиницу, всё-таки лучше, чем ночь коротать в этом бедламе. Пару минут они пикировались, и он, пересилив себя, согласился идти в гостиницу. Пока они разговаривали, я машинально сунул письмо в карман. Он оглянулся на меня и протянул руку. Мы обменялись крепкими рукопожатиями, и я не удержался:

— Утешать не буду. Дай вам Бог обоим счастья. Не обижайся, если что не так...

Больше я его не видел. Год спустя, мне рассказывали о сибирских добровольцах, выехавших на подмогу нашим гвардейцам в Приднестровье. Мало было сибиряков, но и те не все вернулись обратно.

Святая Богородица, пусть не окажется этого человека среди тех, кого привезли в цинковых гробах. Истинная любовь так редка в наши мерзостные дни, что немеет душа от безысходности. Пусть грешны их встречи, пусть мало в них светлой романтичности, но ведь любят же, как умеют. Храни, Господи, своих овец заблудших! Возможно, они искали друг друга всю жизнь.

Владимир ХОМЯКОВ

МОЛЧАЛИВАЯ РОДИНА

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Звучит сердцебиенье родников
распевом, переливчатым и светлым.
Звучит оно — и нет ему оков,
и кажется оно вовек бессмертным.

И всё-таки грядёт последний срок.
Его каким сиянием наполнить?
Прислушаться к дыханью чистых строк
и просто — жить, и просто — жить и помнить.

Ни на кого не возводя укор,
ни у кого не требуя ответа.
... Летит Земля, куда ни глянет взор.
Лежит Земля на все четыре света.

И всюду — жизни солнечная новь,
и всюду — родниковое звучанье.
...А память переплавится в любовь —
и станет вечной, как твоё молчанье.

* * *

Когда в ночи целуются цветы,
ко мне звезда спускается на крышу.
Открыв окно,
весь Божий мир увижу
в торжественном молчанье высоты.

Увижу я:
идёшь, мерцая, ты.

Идёшь...
Какая долгая дорога!
Я жду тебя.
Я снова верю в Бога,
когда в ночи целуются цветы.

* * *

Ты — как стихотворенье без названья...
Любимую тебя не назову.
Моя любовь не требует признанья:
она — во мне, она не наяву.

Ты — как стихотворенье без названья...
Твоя легка и светоносна тень.
Я мчусь на мимолётные свиданья,
тебе их назначая редкий день.

Ты — как стихотворенье без названья...
Не оттого ль молчат твои уста?
И три звезды хранят своё мерцанье
в тетрадном небе ясного листа...

ПРИСТАНЬ

С. К.

Тянулись тихо тучи с севера.
Повсюду царствовало Слово.
И на столетии Есенина
на пару пели мы Рубцова.

Да-да, ту самую, о пристани,
о потонувшей, отдалённой.
И нам казалось, что до истины —
подать рукою... окрылённой.

А жесты наши были резкими,
как бы в предчувствие полёта.
А строчки песни были дерзкими,
всё про кремлёвские ворота.

А листья реяли над крышами,
и песнь неслась по всей округе.

И эту песнь в Рязани слышали,
а может, даже и в Калуге.

Нам не кричали «бис!», не хлопали,
да и не нужно было это.
Но, протянувшаяся во поле,
светилась родина поэта.

И в те мгновения предлунные
Есенин сердцем нас приветил:
его слова «Цветите, юные!»
нам распахнулись, словно ветер.

Есенин — синий мир таинственный.
Рубцов — цветок вечнозелёный.
И вновь казалось, что до истины —
подать рукою окрылённой...

СТАРОЛЕТОВСКИЙ ПРУД

Чайки ветер предутренный пьют
и свивают летучие петли.
И молчит Старолетовский пруд,
отражая столетние ветви.

С них ещё не опала листва.
Тень густая ложится на воды.
И в груди замирают слова,
как предвестье сердечной погоды.

Молчаливая родина! Ты
улыбаешься розовым небом.
Пусть недолго до горькой черты,
что сокроется мраморным снегом.

Пусть недолго над миром взлетать
и оглядывать племя людское.
И меня позовёт благодать
во вселенское время покоя.

Хорошо, что остались ещё
в быстрой жизни родные мгновенья.
И на сердце опять горячо
от предутренного дуновенья.

И слова, что застыли в груди,
не остыли они, не забылись.
И в душе на излёте пути
чувства нежные снова забились.

Чайки выпили ветер до дна,
но предутрие дальше продлится.
И такая стоит глубина,
и восходят заветные лица.

Вот они, долгожданные, тут!
Есть ли в жизни видения, нет ли?
И молчит Старолетовский пруд,
отражая столетние ветви...

СЛОВО О СЕВАСТОПОЛЕ

Здесь ожиданья строгая печаль —
она лишь сердцу верному по силам.
Так долго бьются волны о причал,
что стал он, как вода и небо, синим.

И тени затонувших кораблей
проходят невесомо друг за другом.
И солнце не короной королей —
спасательным оно сверкает кругом.

Ложится на кипящую волну —
и вдруг летит в заоблачные дали.
Вот, кажется, недавно шли ко дну,
но миг всего — и свет мы увидали.

И вновь на Графской пристани стоим.
И радугу таят прибой и солнце.
Весной взволнован полуостров Крым —
и сердце в каждом теплится оконце.

Курган Малахов.
Вечной славы звон.
И высоко знамение Христово.
И — держится Четвёртый бастион,
где батарея графа Льва Толстого!

ПОЭТЫ

Что проку нынче в фимиамном дыме,
коль дух уже от сердца отлетел?
Поэты погибают молодыми:
кому — Дантес, кому-то — «Англетер».

Уходят, не дождавшись юбилеев,
но каждый миг для них как юбилей.
И каждый миг, судьбой земли болея,
они под дулом совести своей.

Ещё не сохлась краска на муаре,
и не утихла боль, глаза слезя.
Но кое-кто засел за мемуары,
стремясь попасть в посмертные друзья.

Но, как вы в душу трудную ни влазьте,
как ни клеймите грешную судьбу,
поэты неподвластны вашей власти
и неподсудны вашему суду.

Они живут, и свет их нестихаем,
и неподкупен, и неумолим.
И мы под их тревожными стихами,
как будто под хоругвями стоим...

ВЕЧНЫЙ МАРШ

Памяти композитора Василия Агапкина

Медь закипает спозаранку,
светло волнуется труба.
Оркестр! «Прощание славянки»!
Так начинается судьба.

И непреклонно, строй за строем,
идём как надо, с той ноги.
И пусть не мним, что мы герои, —
земли не чуют сапоги.

Нам очи отчий дым не выел,
пускай не сладок — горек он.
Идём, России рядовые,
вновь на её призывный звон.

И не смолкают в марше этом
и вера вещая, и плач...
Да, долго был почти неведом
кавалерийский штаб-трубач.

Рязанец, он тогда в Тамбове,
в полку, сверхсрочную служил.
И этот грустный марш — от боли
за честь славянскую сложил.

Война гремела на Балканах,
и добровольцы шли на фронт.
Незатихающею раной
вновь задымился горизонт.

И непроглядными ночами
штаб-трубачу не снились сны,
но — звуки, полные печали,
как будто волны синей Цны.

Всё будет:
осени и вёсны,
огни тревог, огни побед.
И вечный марш, как ветер звёздный,
как над страной Божий свет.

Крыла возносит строгий Ангел —
и вновь волнуется труба.
Оркестр! «Прощание славянки»!
Неповторимо, как судьба!

РОДИНА

Поля позабыли о хлебе,
и сёла дотла сожжены.
В пустынном, изветренном небе —
лишь мертвенный холод луны.

И кровью напитаны корни,
не знала беда берегов.
Но кони, рысистые кони
дождались своих седоков.

И русичи — неудержимы,
врагу не сносить головы.

И вновь собирались дружины
идти под хоругви, на — «вы».

В карающем, праведном гневе
шли ратники яркой грозой.
Победно щиты пламенели,
как тысячи маленьких зорь.

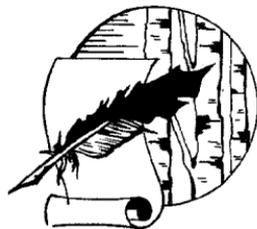
Ты вновь оказалась, Россия,
во власти встревоженных дней.
Но верю, былинная сила
в душе не утихла твоей.

В курганах, высоких и тесных,
покоятся богатыри.
И дышит — в молитвенных песнях —
всесветлое пламя зари.

И снова сверкают кольчуги,
шеломы и копья горят.
И во поле сходятся вьюги
какое столетье подряд.

Прими поясные поклоны,
наш путь благодатью овей.
Дари чудотворные звоны,
яви вековые иконы
из праха восставших церквей!..

г. Сасово Рязанской обл.

Валерий ЛАТЫНИН

Поэт, прозаик и переводчик Валерий Латынин родился 19 мая 1953 года в станице Константиновской Ростовской области. Окончил Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище (1974) и заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (1987). Командовал учебным мотострелковым взводом 117-й гвардейской танковой дивизии Прикарпатского военного округа. После ряда литературных публикаций был переведён на службу в дивизионную газету «Гвардейская слава». Прошёл путь от корреспондента солдатской многотиражной газеты до сотрудника отдела художественной литературы центрального военного журнала «Советский воин» и старшего редактора Военного издательства Министерства обороны. Полковник запаса. Автор более 30 книг стихов, прозы, публицистики и поэтических переводов, вышедших в России и за рубежом. Член правления Союз писателей России, почётный член Содружества сербских писателей. Лауреат ряда российских и международных литературных премий.

ПО ПРАВУ ЖИЗНИ

ГЛОБАЛИЗМ В ДОНБАССЕ

Добивая советский народ,
Не болевший нацистской заразой,
Глобализм по Донбассу ползёт
Из Европы, утратившей разум.

Работающий и песенный край
Стал кровавым бандеровским адом,
А газетчики подняли лай
На вождя за кремлёвской оградой.

Глобалистам перечить нельзя,
Отвечая им силой на силу,

Все, кто с Западом, это — друзья,
Все, кто против, пусть роют могилу!

На казачье-шахтёрской земле
Не найдут глобалисты покоя —
Подорвутся на собственном зле...
Здесь нередко бывало такое!

ГОРОДУ ЛЬВОВУ

Я любил твои соборы, Львов,
В них органы с упоением слушал.
И сегодня, честно, не готов
Выхолостить ненавистью душу.

Мне милы старинные дома,
Улицы твои и цитадели.
Но я вижу, как сгустилась тьма
Над тобой, как люди помрачнели.

Что ты можешь нынче показать —
Китч «Крыивки»*, памятник Бандере?
Почему у горожан в глазах
Озлобленье или недоверье?

Если это — европейский вклад
Нынешних майданных революций,
Может, вместе посмотреть назад
И к соборной музыке вернуться?

МОЛИТВА СВЯТОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ

Чтоб Русь былинная срослась
Разьединёнными частями,
Пастух Христов — Владимир-князь,
Явись сегодня перед нами!

В наследниках согласия нет.
Опять — удельные границы.
И твой отеческий завет
Не помнят правящие лица.

* Ресторан, стилизованный под бандеровский бункер.

Вновь «печенег» поднялись.
А русичи — в плену мамоны.
Богатыри передрались
На службе зла и беззаконья.

В тяжёлых тучах небосвод.
Повсюду рыщут волчьи стаи.
Тобою собранный народ
Разбрёлся всюду и страдает.

Ты Киевскую Русь распас
И создал воинство Христово.
Не оставляй, заблудших, нас
И собери в державу снова!

РУССКОМУ НАРОДУ

В каких невысказанных грехах
Тебя ещё не упрекали,
Забыв о собственных долгах,
Что русским людям не отдали?

Неужто ты богаче жил,
Чем все соседние народы?
Не рвался из последних сил
Союзникам своим в угоду?

Не умирал, спасая их
От истребления и мора?
А в результате дел святых
Пожал наветы и укоры.

Пускай, горька хула слепых,
Ты — не палач, а созидатель.
Всю правду о делах твоих
И ведаешь, и чтит Создатель!

СКИФСКАЯ РЕКА

Дон — по-скифски — вода.
Я возвращён этой скифской рекой.
Возвращаюсь сюда
Каждый год на свой берег родной.

Уж не тот сельский быт.
Всё и всех изменяют года.
Я почти здесь забыт.
Только тянет и тянет сюда,

Чтоб увидеть свой дом,
Чтоб родных и друзей навестить,
Чтоб о чём-то своём
У могилы отца погрустить...

Вольный ветер в степи
Гладит волосы отчей рукой.
Здесь мой род древний спит,
Став землёю и славой донской!

ВОЕННАЯ БАЗА ХМЕЙМИМ

Военная база Хмеймим.
Кипит днём и ночью работа.
Уходят один за другим
Пилоты России в полёты.

Гремит реактивный форсаж.
«Вертушки» летают по кругу.
Вливается солнце в пейзаж
Расплавленным золотом юга.

Россия — за маревом гор,
Но в сердце солдатском хранима,
Трепещет её «триколор»
На каждой заставе Хмеймима.

Война ретируется вспять,
За землю и души цепляясь.
И нужно ещё защищать
Непрочную мирную завязь.

И нужно еще поддержать
И Хомс, и Дамаск, и Пальмиру..
И лучше нам здесь принуждать
Воинственных ястребов к миру.

ДВЕ СТИХИИ

Е. Ключевой

Спасатели в жёлтых жилетах
Зайти в океан не дают.
Штормит португальское лето,
Драконами волны встают.

Слоняются тени туристов
У пенистой кромки воды
И в мороси зябкой и мгливой
Теряются быстро следы.

Но сдержат ли русских запреты?
У нас со штормами вся жизнь...
На краешке Старого Света
Две мощных стихии сошлись!

НА ПРАЗДНИКЕ «БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ»

П.О. Магомедову

Золотисто-зелёные горы
Примагнитили душу мою,
Хоть, конечно, не в юную пору
Оказался я в этом краю.

Но всё чаще в простор сновидений
Журавли устремляют полёт.
Вижу белые гнёзда селений,
Где орлиное племя живёт.

Вижу плавную поступь горянок
И «Лезгинки» кипучую страсть.
Под чарующим взором смуглянок
Мудрено от любви не пропасть.

Звонким песням и танцам внимая,
Я себя ощущаю орлом.
Расстелилась кошмой степь родная
Далеко, далеко под крылом.

Всё здесь дорого сердцу и свято —
Обелиск, клин солдат-журавлей,
И глядящий с портрета Гамзатов,
Породнивший стихами людей.

ПО ПРАВУ ЖИЗНИ

Всего-то — выслушать людей,
А не давить военной силой,
Ума «вождям от площадей»
Для диалога не хватило!

Когда тебя пинают в зад
Советники из Вашингтона,
Ты — не политик, а — снаряд,
Летающий по чужим законам.

Распахана войной земля,
В неё ложится смерти семя.
Народ — соборная семья —
На Украине предан всеми,

Стяжавшими на трупах власть
Во имя западной кормушки.
Добыть свободу иль пропасть
Советуют Донбассу пушки.

Когда заклинило вождей,
Как жить, народ без них решает
И будущность своих детей
По праву жизни выбирает!

Сердечно поздравляем давнего друга нашей редакции, поэта и русского воина Валерия Латынина с прекрасным 65-летием! Надеемся на дальнейшее сотрудничество и желаем ему неувядаемости казачьего духа, молодогвардейского долголетия и новых творческих озарений.

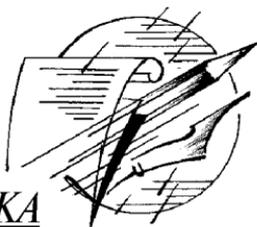
СОДОМ В ПРЕДВКУШЕНИИ ПОБЕДЫ

Почти двадцатипятилетняя однополярность мира казалась неистребимой и незыблемой вплоть до 2013 г., когда Россия решилась на резкий шаг — приняла закон о запрете пропаганды гомосексуализма несовершеннолетним.

В это время в мире мощно разворачивалась стратегия, заставляющая национальные государства менять традиционное общественное устройство, переориентируясь на приоритет прав гомосексуалистов. Для этого в 80-х годах минувшего века была придумана «гендерная» идеология, «Gender mainstreaming», нацеленная на превращение сексуального меньшинства общества в политическое большинство мира.

Искусственно сконструированное для этого понятие «гендер», означающее «социальный пол», т.е. собственное представление человека о том, мужчина он или женщина, без оглядки на то, кем он является на самом деле, стало новой «нормой», навязанной миру лесбийско-феминистским сообществом в 1995 г.

Было провозглашено, что пол — это «социальный конструкт», который зависит исключительно от воспитания, и его можно выбирать. Идеология «перерас-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

пределения гендерных ролей» и «извращений как нормы» стала законодательством, а «гендерная» повестка государств — пропуском в Евросоюз. От стран-претендентов для этого требуется одновременное принятие модельных законов о «гендере» и создание нового института — базовых, неотъемлемых прав извращенцев, нарушение которых должно караться самым жестоким образом.

Разрушение констант — один из основных инструментов стратегии расчеловечивания. Уничтожение биологического пола является самоуничтожением человека, свидетельством борьбы обезумевшего создания со своим Творцом.

Российский закон о запрете пропаганды гомосексуализма изменил картину мира, в котором до поры все страны исполняли роль трусливых вассалов США. Произошло невиданное — бунт. Вместо того чтобы покорно пойти вслед за остальными в стойло «толерантных» и «гендерно вариативных», Россия встала на дыбы и заявила о собственном мнении.

Гнев, обрушившийся на неё, совпал с проведением Олимпиады, и демарши мирового содома в «защиту» гомосексуализма в России, вылились, в том числе, и в угрозы игнорирования наших Игр.

Скандал со временем поутих, но мир уже изменился: страны с традиционной моралью поверили, что выбор возможен, и начали присоединяться к России, а в мире появился второй, ярко выраженный нравственный полюс.

Тем временем Россия приняла ещё два отдельных закона — о запрете усыновления детей в зарубежные и российские однополые сожительства, которые были молчаливо проигнорированы отечественной и зарубежной прессой, но замечены странами с традиционной моралью. Так, в Парагвае в декабре 2017 года родители добились изгнания из школы «гендерной» идеологии и узаконивания «русского образовательного стандарта».

К 2014 году пропорции ценностной поляризации мира выглядели как 26 против 14 (при 6 воздержавшихся) — именно так проголосовали страны на 26-м заседании СПЧ ООН: поправку о традиционной семье вместе с Россией отстаивали страны Азии, Африки и Латинской Америки; против неё выступили США и Европа.

Изменившийся на традиционную нравственность курс цивилизации не остался незамеченным — самым первым распоряжением Трампа на посту президента США стал вызвавший истерику гомосексуального сообщества указ об отмене закона о наказании за «гендерную» дискриминацию.

Через пару дней, под предлогом того, что «дочка Иванка об этом очень просила», указ был вполне ожидаемо отменён, но демонстрация намерения США вернуть себе пальму первенства состоялась.

Мировое лобби старательно навязывает нам установки про «каждого десятого», который родился гомосексуалистом «не по своей воле», и назойливо вопрошает: «Ведь у рыжих и леворуких такое же соотношение — вы что, с ними теперь тоже будете бороться?»

Ложь заключается в том, что, по мнению серьёзных учёных, биологически опосредованный гомосексуализм, как и нарушение выработки пигмента, как и латерализация полушарий, имеют весьма малые пропорции — всего 0,01—0,03% от численности популяции. Величина отбраковки в природе всегда постоянна, поскольку более высокие показатели мутации гена приведут к исчезновению самого вида.

Напротив, стремительно разрастающийся гомосексуализм — результат действия механизма социального заражения, то есть изменения поведенческих моделей и ценностных оснований человека под влиянием примера, навязанного образца, вовлечения в деформированную среду. Именно такой механизм включается при прямом или косвенном участии в сборищах содомитов, которые они называют «парадами гордости», просмотрах фильмов и шоу данной тематики.

«Гендерная» политика предполагает легализацию гомосексуальных браков, усыновление детей гомосексуалистами и лесбиянками, принятие законов о гомофобии, пропагандирование гомосексуализма детям. Традиционная семья в конечном итоге должна попасть под запрет и караться по закону.

Для собственной легитимизации извращенцы используют национальный язык и поле культуры. Они вводят в нашу жизнь понятия, наполняющие её иными смыслами («гей», «голубой», «гей-парад», «прайд», «гомофобия», «толерантность», «политкорректность», «ЛГБТ»); работают с символами (шестицветная радуга), сочиняют и распространяют анекдоты про «таких протииивных», делающие порок смешным и неопасным; создают «гей-образы» кумиров — музыкантов, певцов, стилистов; приучают к мысли, что извращенция — это просто стиль жизни «продвинутой» молодёжи.

Слово «гей» уже употребляет вся страна, часто не подозревая, что это — аббревиатура «GAY» (good as you), означающая «такой же хороший, как ты». Итак, сначала «я — такой же хороший, как ты», потом «ты — такой же хороший, как я», потом «докажи, что ты — такой же хороший, как я», а затем «ты — не такой же хороший, как я».

Безопасное для человеческого сознания слово «голубой» нивелирует для общества опасность самого явления содомии, которое оно теперь означает.

«Гомофобия» — буквально, «боязнь гомосексуализма»; употребляется для стигматизации, клеймения всех традиционалистов, которые пытаются сохранить норму в жизни; соответственно, «гомофоб» — «ненавистник гомосексуалистов», фашист.

«Толерантность», к которой нас призывают, — медицинский термин, означающий нечувствительность организма к возбудителю болезни, то есть неспособность к сопротивлению, разрушение иммунитета.

«Политкорректность» — запрет на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определённых социальных групп. Неполиткорректными в рамках этой идеологии сейчас наряду со словами «негр», «индеец», «извращенец», «педераст» (официальный медицинский термин) на Западе уже являются слова «мама», «папа», «женщина», «мужчина», «девочка», «мальчик» и т.п. Их употребление — и есть тот самый «язык ненависти», за употребление которого в школах Англии и США педагогов уже сегодня сажают в тюрьму.

«ЛГБТ» — аббревиатура от названий т.н. «гендерных» групп: лесбиянки, гомосексуалы, бисексуалы, транссексуалы. Отдельной строкой в эту навязанную и противоестественную классификацию также включены нормальные люди под грифом «гетеросексуалы», что автоматически отменяет единственно верное деление на норму и патологию и уравнивает извращения с нормой в праве на существование.

Гомосексуальный репертуар ряда московских театров, полуподпольная «гей-олимпиада», «ЛГБТ-христиане», заполнившие эфиры радиопрограмм анекдоты, песни, клипы с персонажами, демонстрирующими гомосексуальное поведение, телеэфиры с извращенцами, у которых берут интервью и спрашивают мнение по различным вопросам, эстрадные и танцевальные номера, телесериалы и молодёжные программы, явно или скрытно обыгрывающие тему гомосексуализма, и многое другое перевели прежде табуированное в сферу обсуждаемого, почти приемлемого, и вот-вот сделают желаемым.

В СМИ то и дело вбрасываются инфоповоды типа «в России расписали двух невест» или «впервые два гея зарегистрировали свой брак», которые взрывают общественное сознание, вводят население в состояние жёсткого шока, но чем сильнее выражена изначально подогретая интернетом реакция, тем спокойнее затем восприятие индивидом новых известий на эту тему.

Анализ последних событий позволяет судить о том, что в России сейчас разворачивается ожесточённая борьба за победу «гендерной» идеологии, и полем сражения становится отечественное законодательство.

Началом наступления мирового содома, вероятно, следует считать 7 марта 2017 г., когда в России подписали Национальную стратегию действий в интересах женщин. Она создала новый политический субъект — феминизм, определила приоритет женских прав и соответствующую дискриминацию мужских прав. Главной целью Стратегии была названа «борьба с существующими в обществе стереотипами относительно роли женщины как матери и домохозяйки»; там же было указано на необходимость принятия в стране «гендерного» законодательства.

7 декабря в Общественной палате РФ прошла международная конференция «Гендерное равенство — революция или эволюция?», в которой приняли участие главный советник Европейской службы внешних действий по гендерным вопросам посол Мара Маринаки и посол ЕС в России Маркус Эдерер, который выразил надежду, что конференция станет новым импульсом для более тесного сотрудничества стран Евросоюза с Россией в части продвижения «гендерного» равенства.

16 декабря состоялся визит в Москву открытого содомита, главы гомосексуального фонда, английского певца Элтона Джона, который заключил в своей гримёрке с российским министром здравоохранения договор «о ещё более плотном сотрудничестве» с Минздравом РФ.

19 января министр здравоохранения подписала приказ об ускоренном порядке выдачи справки об изменении пола человека: теперь для этого достаточно подать в ближайший психдиспансер заявление, а комиссия из трёх врачей рассмотрит его и в течение 30 дней выдаст справку о «половой переориентации», с которой затем можно смело идти в ЗАГС.

Комментируя приказ, первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Александр Щипков назвал это решение «беспечным» и пояснил: «Иными словами, госпожа Скворцова говорит, что она утверждает некую форму, согласно которой пол, который человеку дал Бог, может поменять министр здравоохранения росчерком пера. Судя по всему, она сама до конца не понимает, какой документ ею подписан, какую ответственность она на себя взяла — и политическую, и мистическую. Это не пустяковый документ».

20 января в интернет был вброшен снятый ещё в октябре видеоролик, в котором ульяновские курсанты под композицию с названием «Удовлетворение» танцевали в трусах, фуражках и ремнях в стиле вечеринки извращенцев.

Английские курсанты, которых якобы копировали россияне, в своём видео за год до того, действительно, танцевали в фуражках и трусах, но исключительно на тему «жизни в общаге»: гладили бельё, мели полы, приколачивали ножку кровати — никаких танцев в туалете, облизывания бананов, верчения пятыми точками и содомитских вечеринок в умывальнике.

Ульяновское видео не было случайным — изначально ролик назывался: «Почему не стоит летать на самолетах», а затем: «Как развлекаются пилоты между полетами». Общество столкнулось с грамотно построенной спецоперацией, когда представители самой мужской профессии и носители, по определению, выраженной мужской модели поведения, продемонстрировали добровольный отказ от неё и предпочтение гомосексуальности. Этакий «гей-парад» в эфире.

Видео тут же стало вирусным, и в поддержку танцоров свои ролики записали курсанты других вузов, студенты, а также матери курсантов и некие безымянные пенсионерки, где они старательно скопировали всё те же модели извращённого поведения.

22 января сенатор Беляков внёс в Думу законопроект о приравнивании обычного сожительства к официальному браку. При расставании сожителей правовые последствия при разделении совместно нажитого имущества наступают, если они не завели детей, через 5 лет; при наличии ребёнка — через 2 года. На Западе это называется «гражданское партнёрство», ставшее законодательной подушкой для последующего принятия закона о «браке для всех».

26 января два содомита зарегистрировали в московском МФЦ свой «брак», заключённый ранее в Копенгагене, а СМИ тут же кинулись взахлёб рассказывать о «первой российской гей-семье». Гомосексуалисты были прекрасно осведомлены о внутренней инструкции МВД, которая позволяет в отдельных случаях пометку о браке российских граждан, заключённом за рубежом, переносить в документы на родине. В ней не было прямого запрета на однополый «союз», и они воспользовались этим пробелом.

«Брак» в итоге был аннулирован, а паспорта изъяты, но это теперь уже не важно: в общественном сознании произошла легитимизация гомосексуального «варианта семьи», общество это уже «проглотило, переварило и усвоило».

Сейчас в информационном пространстве нагнетается новая истерия: у Юлии Савиновских из Екатеринбурга, которая «просто удалила себе грудь», социальные службы по суду забрали двух сирот, ранее взятых ею с мужем под опеку. Либеральные СМИ, кричащие о «нарушении прав матери», умалчивают о том, что при этом она вела авторский блог от лица «трансгендера» (то есть, человека, поменявшего пол), готовилась стать мужчиной, выехать с семьёй на ПМЖ за рубеж, описывала весь этот процесс, и детей у неё забрали именно по причине того, что в итоге сироты окажутся в однополном союзе, который в России запрещён законом. К. Собчак записала эфир с «мамой, готовящейся стать папой», и пообещала дать ситуации «дополнительную огласку».

На многочисленных телевизионных ток-шоу по поводу ульяновского ролика курсантов-лётчиков ведущие одинаково похихикивали над ситуацией («деткишки пошалили»), откровенно смеялись над представителями старшего поколения — носителями традиционной морали — и представителями профессионального сообщества, возмущёнными десакрализацией символов профессии, размахивали лётчицкими фуражками — мол, что тут такого, и впечатывали в сознание зрителей чёткий вывод: «Гомосексуальная поведенческая модель — это пустяки и просто юмор».

Ни одного психолога, психиатра, сексолога, демографа, политолога и просто адекватного аналитика в этих обсуждениях не было, а между тем, речь шла вовсе не о «глупости мальчишек, которым не надо ломать судьбу».

Изменение судьбы у всех участников клипа всё же состоялось — эти симпатичные накачанные мальчики продемонстрировали то, за что всего несколько лет назад были бы крепко избиты своими же товарищами, и теперь у них есть опыт гомосексуального поведения, а поведенческие модели никуда не исчезают, но, в итоге, претворяются когда-то в реальное действие.

Самое трагическое во всём том событии то, что школа лётчиков — это не балетная студия или секция фигурного катания, а чисто мужское пространство, и значит, перед нами — добровольный отказ от традиционной модели поведения, скачивание в патологию и бахвальство этим на весь мир.

Нужно с прискорбием признать, что проведённое с помощью ролика сканирование российского общества на предмет готовности принятия идеологии содома полностью удалось — как говорил герой фильма Шукшина, «народ к разврату готов». И значит, прямо сейчас перед нами разворачивается трагический финал.

В Государственной думе РФ с 2003 года находится принятый в первом чтении закон «О равенстве прав мужчин и женщин» — тот самый модельный закон о «гендере».

Попытка принять его во втором чтении в 2011 г. провалилась, но когда в 2017 г. глава думского комитета по вопросам семьи и женщин Тамара Плетнева несколько раз просила одного из авторов законопроекта, спикера Вячеслава Володина, отозвать его, тот отказался под предлогом обязательного рассмотрения его Думой.

В октябре он дал поручение депутатам Оксане Пушкиной и Ирине Родниной подготовить поправки в закон о «гендере», а в думские фракции для рассмотрения было разослано предложение о назначении Пушкиной уполномоченной по «гендерному» равенству.

По сообщениям СМИ, депутаты Пушкина и Роднина намерены усилить в законопроекте приоритет женщин при продвижении по карьерной лестнице, увольнение мужчин при прочих равных условиях в первую очередь, «женские» квоты на высшие руководящие должности, проверку художественных и учебных произведений на «гендерную» предвзятость, административную ответственность за публичные оскорбления женщин и уголовную — за сексуальное домогательство на работе, большие штрафы за дискриминацию.

Особое внимание будет уделено борьбе с сексизмом, эйджизмом (от англ. «age» — возраст), харассментом (сексуальное домогательство, ухаживание против воли). Также Пушкина выступила за отмену списка 456 запретных для женщин профессий (опасные и вредные производства), поскольку они хорошо оплачиваются.

В ноябре в Думе для работы над проектом была создана рабочая группа в составе: депутаты Ольга Окунева, Ирина Роднина, Татьяна Касаева, Елена Вторыгина, Павел Крашенинников, а также социологи и политологи Высшей школы экономики и МГУ им. М.В. Ломоносова.

Для понимания последствий принятия законопроекта пятнадцатилетней давности нужно знать его содержание и суть грядущих изменений. Хотя законопроект о «гендере» официально называется «О равенстве прав мужчин и женщин», этот вопрос никогда не был национальной идеей России — восстанавливать мужчин и женщин друг против друга нам всегда было чуждо. Само по себе «равноправие женщин и мужчин» представлено в российском законодательстве более чем избыточно: Конституция (ст. 19, 29, 34, 35, 36, 37), Трудовой кодекс, закон об образовании, Гражданский, Административный и Уголовный кодекс и т.п.

Настоящий смысл закона — легализация «гендера» (социального пола) и замена им пола биологического. Предполагается переориентирование общества на приоритет прав извращенцев, введение «гендерного» квотирования, «гендерной» экспертизы; «гендерного» баланса. В обществе будет запрещена «гендерная» дискриминация, за этим будет следить Комиссия по вопросам «гендерного» равноправия, возглавляемая Уполномоченным.

За нанесённую «гендеру» обиду (к примеру, отказ лесбиянке в приёме на работу в школу или поименование гомосексуалиста его истинным названием) «пострадавший» сможет подать жалобу «гендерному» уполномоченному, после чего «обидчик», в нарушение конституционной презумпции невиновности, будет обязан доказывать, что он не виноват. А «гендерный» уполномоченный получит право проводить расследование и получать доступ к любым документам.

Комиссия по «гендерному» равенству для защиты от «гендерной» дискриминации сможет привлекать полицию, а при установлении вины может назначить компенсацию (от 100 до 500 тыс. руб., в отдельных случаях до 1 млн. руб.) для выплаты непосредственно «лицу, считающему себя дискриминированным».

«Жертвы гендерной дискриминации» получают приоритетное право на первоочередное и бесплатное социальное обслуживание.

Впереди — разработка и реализация «Национального плана действий по внедрению «гендерного» равноправия»; организация «гендерного» образования и просвещения; защита общества от информации, оправдывающей «гендерную» дискриминацию; «гендерная» статистика; государственный доклад о положении дел в области «гендерного» равноправия; уголовное преследование за дискриминацию «гендерных» групп.

При этом отдельной строкой проходит грядущая «позитивная дискриминация» мужчин: для того чтобы уравнивать соотношение «гендерных» групп, более многочисленная группа традиционного большинства будет подвергнута ущемлению прав, пока пропорции не сравняются.

Начнётся общая дискриминация граждан по признаку приоритета «гендерных» предпочтений. На смену семье придут «лица с семейными обязанностями».

Всё вышеописанное — всего лишь часть основных позиций закона, который сейчас готовится к принятию во втором чтении в Госдуме. Понимают или нет свою роль люди, которые рьяно его дорабатывают и уже делят новые «гендерные» должности, теперь не столь важно.

В результате принятия закона «О равенстве прав мужчин и женщин» в России будет запрещено говорить о безнравственности, обличать грех и называть порок его именем. За это нас будут ждать огромные штрафы, уголовное наказание и тюремное заключение.

Закон будет действовать в противовес принятым с подачи президента РФ «Стратегии национальной безопасности», «Стратегии государственной культурной политики», а также законам, защищающим детей от пропаганды гомосексуализма и усыновления в однополые семьи, интересам государства в сфере демографической и государственной безопасности. Он будет вступать в непримиримое противоречие с традиционными духовно-нравственными ценностями и религиозными учениями.

Целью каждого человеческого сообщества является получение власти — гомосексуализм давно стал идеологией, которая удовлетворяется лишь мировым господством. Многочисленные фонды поддержки гомосексуализма продвигают своих депутатов и президентов, меняют законодательную базу государств, переформируют массовое сознание. Но и национальные государства не входят в планы мирового сообщества содомитов — управлять легче унифицированным обществом с едиными ценностями и общей территорией.

Тезис о собственной исключительности и предпочтительности модели поведения и образа жизни стал знаменем гомосексуалистов, и никакие флаги мира их более не устраивают — содом рвётся в решающий бой. И главная цель здесь — Россия, ведь узаконивание в ней содомии автоматически обрушит весь остальной христианский мир.

Фраза «война с Россией» перестала быть прерогативой конспирологов — у войны новейшего времени «гендерное» лицо.

Невзирая на то, что сейчас это кажется немислимым, это — сценарий, уже успешно отработанный на Европе.

ДВА РАССКАЗА

МАЛЬВА

1

Вторые сутки без передыху гуляла у Потаповых свадьба. Степан Семёныч с размахом женил старшего. По всему было видно, невестка пришлась ко двору: пятистенка набита до отказа сватами, кумовьями да сродниками. И для пришедших взглянуть на молодую, а то и подруливших просто ради даровой выпивки хозяин расстарался, собственноручно выкатил из-под сарайки флягу своей: угощайся, хуторские, знай наших!

Под грушенку, на сбитые на скорую руку, покрытые нарядными клеёнками тесины-столешницы под командой жениховой тётки Галины беспрерывно металась тарелки и миски с закусью. Никто не остался без угощения, никто не почувал себя обнесённым на этом широком застолье.

Даже дьшашие наладан бабки Кузьминична с Егоровной не сдержались, порьлились в сундуках, вытащили из-подо дна пропахшие нафталином наряды: «престоловские» шерстяные подшальки, штапельные втёмныйкий огурчик юбки, обористые завески.

ПРОЗА

Пригубив по рюмашке «красненькой», попробовали-оценили потаповские щедрые разносолы и, уступив место подтянувшимся, уселись в ожидании на лавку под сиренями — время от времени свадьба выплёскивалась на подворье, гомонился потерявший всякую стройность корогод. Гармонисты, смеяняя друг дружку, уже путали «Барыню» с «Цыганочкой», и их рядом укладывали в саду на свежескошенную отаву.

Припозднившаяся бабка Мальва угостилась наливочкой и, прихватив кусок яблочного пирога, отошла к товаркам на лавочку.

В это самое время толпящийся на крыльце люд расступился, и из душевной хаты протиснулись молодые. Невеста — девчоночка девчоночкой, лет семнадцати. Сашке, жениху, — под четвертак, пора уж, пора-а!

— Микитична, сказывают, так и не смирилася, темней тучи! — поспешила сообщить новость подружкам Егоровна, — на порог, говорит, Людку не пушшу, а уж Сашка тем боле!

— И чтой-то она на его узьлася? Вроде, не мозгляк худой... малай как малай. И Людки ейной не хуже. Всё при ём, — поддержала разговор Кузьминична.

— Дак как жа не осерчат! Вить и взаправду, спозорила девка Микитичну, ой, спозорила-а-а! Брюхо-то — выше носу! Ишь, в белое обрядилася! Какое там белое-то? стыдоба-а-а! И Микитишне — не запить, не заест!

— Загундосила! Ну и что с тово? Что теперя, ай в моток девке сигать? — с обезоруживающей простотой, не дав отвести сплетнице душу, встряла бабка Мальва. — Всё чин-чинном... Потаповы от своо дитя не отказалися. И Сашка в ей души не чаёт, ай не видно? Сказывают, смертным боем с зареченскими ребятами за неё бился. А ты, девка, — Мальва покачала головой, взглянула на Егоровну, — язык-то поприкуси, чужим грехам счёт не веди... В пору бы свои не забыть... да успеть отомлить. Нечево девку хайть! Разуь глаза-то: с головы до ног счастливая, вишь, как сияет... ажни слезой меня, старуху, прошибло... Прямо из себя выводилшь! Запаятовала, стопроцентовая девушка, как со своим Прошкой стакалась, во скоко годиков ворота ему отворила? Кажись, нам с тобой, подруга, не боле, чем Людмилке, было, када я коло вашего сенника в сторожах сидела, а ты с Прошкой миловалася... када он тебе Серёжку-то скоростелил!

— И-и-и! Нашла об чём вспоминать-то! — отбоярилася с ухмылкой, замахала руками Егоровна, — то в какие годики было?!

— А и правду, что теребить-то теперя, бабоньки? У меня и самой, может, рыльцо в пушку, — Мальва встала, не огля-

нувшись на ошалевших товарок, оправила юбку и пошагала к крыльцу, дав понять: мол, не о чем тут и говорить боле.

Протиснулась сквозь свадебных, поклонилась молодым за угощение, нажелала им три короба добра и потопала к воротам.

...А вот уснуть бабке Мальве так до самого свету и не удалось. Нахлынуло-о!

2

Род Силиных испокон веку жил на хуторе Степном, в двух верстах от Козловки. Прапрадед Лёхи, мужичок оборотистый, выкупив вольную у барина Казюлеева, поселился на заброшенном суглинке, заложил недалеко от деревни хутор.

Сколько годков минуло с тех пор! Сколько вёсен тальми снегами шумнуло в Крому-реку! Сколько трав полегло под литовками Силиных на пойменном лугу, сколько журавлиных косяков откурлыкало над разросшимся в дюжину дворов приречным хутором, в котором все — Силины. Все — родня!

Лёхин отец, Павел Семёныч, осенью сорок первого, не успев допахать под озимые, прямо с поля ушёл на фронт. В составе первой гвардейской танковой Катукова вошёл в Берлин. Не раз со своей машиной горел, но Бог миловал, вернулся — грудь в орденах — с осколком в лёгких, но живой.

А в сорок шестом, под зимнего Николу, за ситцевой занавеской бабка Авдотья приняла на руки его первенца, названного в честь пращура, хозяина хутора, Алексеем. Через пару лет Господь послал и дочку Светланку.

В послевоенные годы, устроившись в МТС, Павел Семёныч перепахал холмы и взгорья на сотни вёрст в округе. Светланка при мамке, а Алёшка, перекинув в сумке учебники, мчался к отцу на пахоту. Тот и рад — сын к делу тянется. «Тракторист из тебя, Лёха, что надо, — подбадривал Семёныч мальчишку, — машину чуешь, это главное! А сноровка, она с годами проявится».

Пришли и сноровка, и хватка. Лёха с завязанными глазами мог разделить под орех, в пушинку, любое самое заковыристое поле. Да и служба в армии (в танкисты, по батиним стопам, напросился) дала немало мужицкой закалки.

Хуторские Силины извечно приводили жён из окрестных деревень. Пришёл срок, заженился и Алексей: с вечера начистится, наглядится, чуб зачесет и — в Козловку, в клуб.

— Ты уж гляди там, сначала головой думай, опосля другим местом! — поучала вослед мать, Александра Тихоновна.

— Ну, ты и даёшь! — отмахивался Лёха.

— Чего даёшь, чего даёшь? — не отступала напористая Тихоновна, — знаем мы вашего брата!

Как в воду матушка глядела...

Служить уходил, Машка Спиридонова — малявка малявкой, он и внимания её не достаивал. А вернувшись, появился первый раз на танцах — сразу на девчонку глаз и положил. Очень уж приметная: норовом бойкая и с виду — что надо. Статная! Платьице в оборочку, косынка по плечам розовая.

Котья, дружок закадычный, подтрунивал: «Зря не пялься! Малолетка, только из школы. Да и в техникум собралась. Такую вожжами не удержишь. Кобылка не объезженная, норовистая!»

Но так уж, видно, стало Богу угодно: приглянулся девке армеец (Лёха всё ещё в форме расхаживал: старшиной не каждый домой возвращается). Сама подошла... А как к такому не прикипеть? Сажень косая в плечах, на турнике за клубом такие фортеля выкидывал, никому не под стать.

Как-то сговорилась проказница с гармонистом, дедом Степаном, только Лёха — на порог, а она — в круг. И пошла! Да с выходкой, да с дробями. Косыночку за спиной, что касатка крылышки, раскинула, натянула, вот-вот взлетит! Плясала-порхала по пятаку, а потом остановилась против Лёхи да давай частушками заковыристыми сыпать, паренька подшкелевать. Как, мол, перебеёшь мои дробиночки?

*Как за речкой за Кромую,
Где черёмуха цвела,
Начались у нас с тобою,
Друг, сердешные дела.*

Лёху голыми руками не возьмёшь! Вихрем с места сорвался, руки — за голову, и вокруг танцорки гогаем, да вприсядку, только сапоги в перебой с девчоночьими каблучками спорят, поскрипывают. И язычок — не обрежешь:

*Взял бы я тебя на ручки,
Посадил тебя на печь —
Таких девушек красивых
Лучше дома приберечь!*

Напирает Лёха на Машутку, кружит, передыху не даёт.

А та — носик кверху, головку чуть в сторону, струна струной, аж звенит! Даже росточком повыше стала. Воссияла — маков цвет. Руками повела, раздвинула.

— А ну, шире круг, мы тут надолго разошлись.
— Держись, забияка, поглядим, кто кого!
— Гляди, да глазки не поломай! Допляшешься! — слышался голос из толпы, — присушит девка, век под её дудку плясать станешь!

А Маша не смолкала:

*На Святой неделюшке
Повесили качелюшки,
Сначала покачаешься,
Потом и повенчаешься!*

— Ну, это мы ещё посмотрим! Ишь, чего захотела!

Не плясали, а разговаривали, не разговаривали, а договаривались. И не было сомнения у глазевших: пара! Ещё какая пара! Смотреть, не отворачиваться.

И танец не закончился, а уж Маша с Алексеем понимали: запыхаются эти перегонки, выйдут они за порог клуба — и никогда не разойдутся их стёжки. В тугой узел связала их эта пляска, оттанцовывают последние холостяцкие деньки.

Июньская ночь, неспелая, нежная. Густо пропахшая доцветающей сиренью, ароматами молодой, ещё не пропылённой листвы, духом входящих в сенокосную пору луговых трав. Светло даже в такую глухую пору. Машутка с Лёхой, обойдя не раз закоулки деревушки, наконец-то добираются до крайней хаты. Вдали, сквозь тончайшую кисею тумана, проглядывают заросли черёмух, скрывающих Лёхин хутор.

— Пора, а то, глядишь, и до дома тебя допровожаю, — замечает Маша и поворачивает обратно.

— Ну, ещё чуть-чуть, — принимается уговаривать девчонку Лёха и усаживает на лавочку у Котькиного палисадника.

С Котькой Смирновым они не разлей вода. И под кручу за пескарями вместе; и в школе за одной партой; и поглазеть из лозняков на девчат, что плещутся нагишом после покосов на омутке; и повсхлипывать друг у друга на плече от лозинки Силина-старшего, не спускавшего эдаких проделок ни своему отпрыску, ни сынку друга Михаила, погибшего в далёкой Польше, на подступах к Кракову.

Но сейчас Лёха помнит, что шалопаистый товарищ его в одиночку отправился на Чупаху, в другой конец деревни, до самой зорюшки промилуется с какой-нибудь очередной любовью.

Оттого ли, что Лёха знает: вокруг — ни одной живой души, а может, оттого, что Маша, доверившись ему, забрела чёрт-те

знает куда, сердце парня выпархивает из-под гимнастёрки, не удержать.

— А как Архиповна выглянет? — косясь на окна, настораживается девчонка.

— Не бойсь, куда ей! Обезножела тётка Марья. Неделю как у дочери обретается. Котька один свирепствует. Архиповна полезла в сараюшку на сеновал — гнёзда куриные обобрать, а верхняя ступенька у лесенки возьми да и обломись. Яйца, что в фартуке придерживала, — вдрызг, и тётка помялась — нога в гипсе. Котьке, конечно, за недогляд всыпала, лесенку-то ещё дядька Михайло сработал, подгнили перекладины.

— Котьке твоему, что племутруку племенному, не до хозяйства. Кто ж заместо него девчат по углам тискать станет? Без такого ухаля с тоски поумирают.

В росном палисаднике гремит соловей. Золотые жуки-светляки фланируют в зарослях мальвы. Их безудержное цветение всегда совпадает с самыми пугливыми, самыми короткими ночами, когда на прозрачном, едва притухшем небе до мельчайших подробностей просматриваются горные вершины облаков.

— Небеса-то какие улыбчивые, — Маша кивает на бирюзовую, так и не соскользнувшую с горизонта зарю.

— За нас радуется, не тает... переживает: ночь промелькнёт... а я тебя и не поцеловал, — Алексей пытается обнять девчонку.

— Вот ещё! — фыркает девушка. Вскакивает, отбегает в заросли палисадника.

Мальва, как есть — мальва! И впрямь приворожила. А стан! Крепкий, тугой, того гляди, платьё по швам разойдётся. Не смотрит, а брызжет влажным огнём насмешливых глаз.

— Почему тебя Мальвой не назвали? Такая же стройная, такая же...

— Какая такая?

— Настоящая, — смущается Лёха.

Лунная дорожка, сходящая в палисадник, тянется к реке, вдогонку за выскользнувшей Машей. Над кустами ивняка мелькает газовая косынка, а парню чудится: невидимый ветерок расхулиганился, оборвал, подхватил перламутровые мальвовые лепестки и закружил над поймой крошечным ярким пламенем.

Убегает Машутка от Алексея и не ведает, что стремится ему навстречу... навстречу своей судьбе.

От неожиданности она резко останавливается. Котькина баня так обросла ивняком, что мало кто и помнит о её существовании. Сбегающая к реке стёжка вдруг упирается в её замшелую стену. Откуда может девчонка с дальнего урынка знать об этой ветхой баньке?.. Ноги сами привели.

Лёха, спускающийся вслед за Машей, загодя готова для себя оправдание, шепчет: «Видать, судьба... от неё не увернёшься». Знала бы ступившая на эту тропку Маша, сколько девчоночьих и Котькиных тайн покрывают брёвна допотопной баньки. Леха догадывался, но никогда не расспрашивал своего друга о сердечных похождениях.

Смекнув наконец, что забрела невесть куда, да и вообще, зашла для первого вечера с этим армейцем слишком далеко, Маша, зная, что следом спускается Алексей, сворачивает напрямки, через краснотал, но спасительную лазейку, предвидя девичью хитрость, перегораживает предусмотрительный Алексей.

— Ну, что ж забоялась? Такая смелая, а тут струхнула? — Лёха понимает: не будет напористым — навсегда упустит шанс, который предоставил, может быть, сам Господь, — упорхнёт девчонка в город, там ребята шустрые, не прозевают, вмиг окружат, мимо такой попробуй пройди.

— Ничего не струхнула, — щёки девушки охватывает нарастающий пожар.

Лёха подступает совсем близко и сгребает девчонку в охапку.

— Дурочка ты моя, успокойся. Не обижу.

Маша пытается вырваться, но где ей справится с такой силищей!

— Не дёргайся, сказал же — не обижу... Нравишься ты мне... очень... Скажешь, не люб — сам отпущу и ни в жисть не подойду.

Алексей склоняется и первый раз за вечер целует Машу в губы. От дерзкой девчонки, смело подковыривавшей его пару часов назад при всём честном народе, можно ожидать чего угодно: такая и драться кинется — не моргнёт, а уж оплеухой одарить — плёвое дело, в конце концов — может и раскричаться, голосище-то вон какой звонкий.

Но то, что девушка протянет и нежно положит дрожащие руки на его плечи, сначала робко, а потом с нарастающей страстью станет отвечать на его ласки, Алексей наверняка не мог предвидеть.

Уже зародившееся, но тщательно скрываемое чувство этой совсем ещё юной девушки вдруг прорывается, выплёскива-

ется, устремляется навстречу ошеломлённому парню, окрывает его, и он, оторвав Машу от земли, не переставая целовать, кружит вместе с нею на тесной лужайке.

— Я и сам струхнул, прямо земля с-под ног уходила, весь вечер не знал, как подступиться... уж больно озорна, — признаётся, смущаясь, Лёха.

Маша ничего не отвечает, молча обнимает его и теперь уже сама жадно целует. Долго, ненасытно, словно измучилась, дожидаясь этой ночи.

Так и стоят, крепко прижавшись друг к другу час, а может, два. Кто считал? И целуются, целуются...

Наконец, Лёха чувствует, что руки его, блуждая в шелках девичьего платья, перестают встречать препятствие, и мягкие, податливые девичьи губы, раскрывшиеся лепестки мальв, распухают от поцелуев. А груди — эти, ещё никем не тронутые, наполненные ароматами молодости и свежести цветочные бутоны, напрягаются и замирают. Алексей на мгновение, всего лишь на мгновение отстраняет Машу, чтобы только взглянуть в её горящие глаза, увидеть подтверждение, не ошибается ли в своих догадках, и тут же тонет в их омутах на веки вечные.

— Идём, — уверенным движением Алексей берёт девушку за руку.

Она не отдёргивает, не капризничает, а доверчиво ступает в отворённую парнем дверь.

С детских лет банька эта — потаённое место двух закадычных друзей. Лёха знает: протяни руку на полочку у правой притолоки — тут же нащупаешь спички да парочку свечных огарков. Но, к удивлению, Котька обустроился за время Алексеевой службы основательно. В полумраке рядом со спичечным коробком парень обнаруживает керосиновую лампу. Удивляется: «Запасливый, чёрт!»

Маша проходит к полкам, присаживается. В полумраке лица не разглядеть, свет керосинки, проникающий сквозь приоткрытую дверь предбанника, ластится на её высокой груди, перебирает перламутровыми пуговичками. «Попробуй доберись! Что кнопок на гармонии», — дивится Лёха.

— Фитилек-то притаи, — шепчет Маша пододвинувшегося парню.

— Что ж это я! погоди минутку, шас! — спохватывается тот и кидается к двери. На боку баньки, на скобке, — литовка, Лёха не раз помогал другу смахивать приречный лужок.

Через пару минут он уже возвращается с увесистой охапкой полусонных одуванчиков. Керосинка еле тлеет; войдя с

широкого лунного света, парень на ощупь пробирается к полкам, раскидывает траву. Обвыкаясь глазами, тянется к Маше, и вдруг настороженный слух отчётливо улавливает, словно сыпанул кто на прожаренные банные половицы пригоршню каляных переспелых горошин — щёлкают, подскакивают под ноги не удержавшиеся от девичьего порыва пуговицы...

— Погаси, погаси лампу-то! Ну её к лешему! — шепчет девушка.

...Луна переваливает за крону высоченного осокоря, приютившего забытую всем миром баньку. Бледный незабудковый свет просачивается сквозь отзынутую дверь.

— Ишь... подсматривает! — то ли шутит, то ли обижается Машутка.

Прикидывает наготу измятой их жаркими телами травой, словно прятается в сатин матушкиного лоскутного одеяла.

Тянет молоком свежескошенной луговины. Но к знакомому с малых лет духу июньских трав примешивается новый, неведомый ранее томно-сладостный, горьковато-солёный аромат любви. Пропитывающий насквозь, проникающий в каждую клеточку, дающий право с этой ночи ощущать себя не только женщиной, но ещё и счастливой из счастливейших. А самое главное — мамины упреждения и разговоры «об этом» с глазу на глаз остаются где-то далеко-далеко, в отлетевшем девичьем девичестве.

И ненасытные губы, и всё еще по детски нежные, незагрубевшие, покрытые мелкими прозрачными солоноватыми бисеринками сосцы, и изласканные до хруста в косточках, до последней мочушки, плечи, и наконец-то расслабившиеся крутые, с чуть приметными ямочками бедра девушки перепачканные, забрызганные терпким и горьковатым соком измятой зелени не дают покоя неугомонному Алексею.

Есть среди густых ароматов этой чудной ночи тончайший, едва уловимый, до головокружения заманчивый — запах мальвы, запах юного девчоночьего тела, впервые познавшего мгновения плотской любви. Он будоражит и влечёт, неотвязно манит и зачаровывает, вспенивает и взметает в Лёхе безудержные волны желания обладать этой потрясающей девушкой вновь и вновь, пока не обмелеют все реки, пока не иссушаться все родники его страсти.

— Это когда ж такие отрастить успела, между алгеброй и физкультурой, что ли? — подшучивает Лёха, выразительно поглядывая на раннеспелые, не по-девичьи броские Машут-

кины груди, наливными яблоками закатившиеся в сомлевшую зелень.

— Всё просвирник-секретник, мальва твоя разлюбезная... Как собралась Валюшка Тимонина замуж, так скорей — к бабке Куделихе. Та и давай взвары плоскогрудой Валентине стряпать. Валюшка-то по секрету сказывала: зальёт старая ложки три сухих корешков просвирника тремя стаканами ключевой водицы и кипятит в саду на каменке минут пятнадцать. Процедит. Пошепчет, конечно, не без этого. И пей, милая, по полстакана три раза в день до еды. А коль на ночь из того же отвара компрессы на грудь не позабудешь — так откуда что возьмётся. Валентина уж третьего выкармливает. А всё мальвочка-просвирочка, спасительница бабья. Мы, малкосня, не ведая, отчего красота девичья зреет, днями просиживали в зарослях мальвы, в куколки играли, «пуговки царские» собирали. Приладишь к распущенному венчику-юбочке бутончик-головку — и пупсик готов. Наиграемся, крошечных пышечек-просвирок, помнишь, калачики такие в пазухах листьев запрятаны, наедемся, и домой не торопимся, просвирками сыты. А то надерём их в подол, и ну представляться, во что-нибудь на них играть. Победителю — обшая куча калачиков. Я заводная, везучая, ловкая. К вечеру бывало, набью карманы сладковатыми пуговками — и домой. Мама только подтрунивает: «Самая девчоночья еда! Щёлкай, девонька, проскурки-лапышки на здоровьице! И конфет не надо!». Ириски, да и только — клейкие, склизкие, сладковатые. Вот и нашёлкалась, налакомилась на свою голову, — стесняется Маша, косясь на свои достопримечательности.

— Да что ты! Красотища-то какая! Такое достояние беречь-лелеять надобно!

И Лёха в который раз склоняется к любимой, играет тут же откликнувшимися, вздрогнувшими сосцами, губами собирает и откидывает былинки — грех скрывать за ними такое великолепиие!

Одним небесам ведомо, как и откуда возникает настоящая любовь и что приносит с собой...

Рядом же с этой девушкой Алексей вдруг почувствовал: что-то в нём напрочь изменилось, исчезла вольная бесшабашность, и он уже никогда не сможет быть с другими. Лёха словно разом определился: вот она, единственная и незаменимая, и не надо больше никого искать, всё в ней одной слилось. И чувство это поглотило парня настолько, что уже и не сомневался — Маша предписана ему судьбой. С нею хоте-

лось быть единым и в жизни, и в желаниях, и в молитвах. Всё: и этот задиристый, чуть опалённый июньскими покосами носик, и распадающаяся надвое, непокорная чёлка, и крепкие икры длиннющих ног, и исцарапанные колючками неспелого крыжовника, спешно прибирающие раскидистую косу руки — вся она, весь вид её будоражит и будит в нём живой отклик. Собирает и подтягивает его, окрыляет и призывает цвести. Алексею повезло, любовь его освятил сам Господь, своею искрой воспламенил желание служить этой женщине, жить только ею.

А Маша настолько счастлива, что пока ещё и не может осознать широту захлестнувшей её любви к Алёшке Силину.

4

Прибравшись, наспех отыскав раскатившиеся пуговицы, притворив двери баньки, оставив на её памяти тайну промелькнувшей ночи, Лёха с Машуткой сбегает в пойму.

Оросившийся расцветными туманами шелковисто-лёгкий лик неба постепенно перетушёвывается в бледно-лиловый, с едва лазоревым бахромчатым краем над восточным окоёмом, над правобережными заливными лугами.

На душе у Алексея легко и просторно. Невесомы и широки, безбрежны небеса.

Маша, прикрывая пустые петельки платья, завязывает на груди широченным бантом прихваченную (теперь уже из девичества) косынку.

— Пора, Лёшенька, мамка теперь задаст!

— Какая мамка? Ни на минуту не отпущу!

Когда влюблённые выбирают на просёлок, над округой зацветает заря. В ранней лазоревой вышине расплзаются тончайшие белесые линии. А когда Силин хутор, выглянув из-за Черёмухова овражка, оказывается как на ладони, молочные линии на знойном небе, словно на ясном морозном окне, принимаются играть — обрастать перьями и коготками, всевозможными былинками и муравками. Ближе к горизонту выстраиваются в башенки и хребты, перепутываются и снова выстраиваются в звенья. В отсвете выкатившегося жемчужного шара порхающие перистые облака отбрасывают на землю серебристый блеск. И Алексею чудится, что Маша, его Мальва, в своём шёлковом, отливающим неземным блеском платье, сошла с этих великолепных небес.

Тихоновна, спровадив Красавку в росы, ещё издали заприметила своего Алёшку. Только с кем это он?.. Ай Петра Спиридонова Машутка? Так и есть. «Ах ты, Боже мой, ить

девчужка совсем, — всё поняло, заволновалось материнское сердце. — А может, оно и к лучшему... вроде не слышать об ней ничего хульного, не разбалованная... да и ладненькая... вну-чонков таких же принесёт!»

— Здравствуй, мама... Красавку свела? — захорохорился Алексей.

— Здравствуйте, тётя Саша, — зарумянилась Машенька.

— Да как какая уж теперя «тётя»? — досмотрев пустые пуговичные петельки, покачала головой Александра Тихоновна. Разом отрезала: — Дочкой, небось, пришла? Мамкой и зови... Отоспитесь, — кивнула Алексею на сеновал, где он всегда ночевал летней порой, — опосля и потолкуем.

Только часа через три, когда сквозь шелки тесовых стен сараюшки просочился запах пирогов, Маша с Алёшкой опомнились: есть страсть как хотелось.

— Ну, в сарайке не отсидишься, родные мои, хоть и нраву крутого, но отходчивые, — успокаивал любимую Алексей, — да и меня знают: коли привёл, значит, не отступлюсь, лучше миром поладить.

А Тихоновна и не думала фордыбачиться. Пока молодёжь досыпала, умастила расшумевшегося было мужа, приняв на себя первые громы.

Наспех обрядившись в чистое, сбегала на Козловку, мол, к Валентине Сорокиной, товарке своей, поспрошать, как это та настрогалась без опары такое пышное тесто заводить, а заодно через забор потолковать и с Катериной Спиридоновой, Машуткиной матерью. Хватилась, небось, девки-то!

— Как, Катюш, поживаешь? — зашла обходным путём Тихоновна. — Картохи-то, у вас, гляжу, дружно цветут. Огурчики ранние не пошли?

— Да что ты, Шура! Только плети раскинули, недельки через две, не ране.

— Как сама?.. Как детки? — приближалась к причине своего визита Лёхина матушка.

— Поясницу было разломило, да к Куделихе Машутку спровадила, та какой-то мази злющей... чай на тараканах да пиявках насуропила, отлегло... А ребятишки... что им поде-ляется? Дрыхнут в светлице... Пока под мамкиным крылом, отсыпаются.

— Все ли под крылом-то? — улынулась Тихоновна. — Может, кого недоглядела, наседка?

Катерина насторожилась, резко двинулась к хате. Откинула занавеску распахнутого окна. Заглянула внутрь и в недоумении оглянулась.

— Ты, Шура, не ходи колесом, давай напрямки.

— А я уж битый час пытаюсь намекнуть, да всё не получается: сватов на Петров день встречайте, у нас дочка-то ваша. Так-то вот: была ваша, стала наша, — хихикнула Тихоновна, но, сжалившись над остолбеневшей, с сердцем добавила, — да не кручинься ты, Кать, — Алёшка у меня стоворчивый, жить станут ладно, да и добрый он, комара не пришлёт, а уж дочку твою, коли сам привёл, пальцем не тронет... Да и мы с Пашей супротив их счастья не станем... Ну, так готовься к воскресенью-то, — с тем и отбыла.

А Катерина ещё долго не могла сдвинуться с места. Опомнившись, рванула в Лисий ложок, огорошить мужа, отправившегося спозаранку на косовицу. За неблизкий путь успела и погрозиться, пускай, мол, только явится гулёна; и напричиталась вдоволь, а уж когда до своей делянки добра-лась, весь пыл сошёл.

«Радость-то какая, Вася! Машенька с Лексеем Силиным поладили. Шура намекнула, на Петровки сватов, мол, дождитесь, — и, не давая опомниться Василию, заключила, — ну и ладно... ну и хорошо... парень-то он знатный. Дай-то Бог!»

А Тихоновна в это время потчевала будущую невестку пирогами со щавелем. Алёшка понимал, коли мамка пироги затеяла, значит, в духе (к тесту без настроения не притрагивается), а значит, всё у них с Машей будет хорошо: и отец перестанет сердчать «за скороспелость решения», и предстоящее сватовство, как по маслу пройдёт, и, если подсуется, глядишь, до Успенского поста со свадьбой управятся. И заживут они с Мальвой!..

И зажили б... если бы аккуратно после уборочной на вспашке зяби в Кривой балке не напоролся бы Алёшка Силин на столько лет дождавшийся своего часу противотанковый снаряд...

Но Господь не оставил молодую вдову без милости, обласкал, и на Алексея Вешнего Мальва благополучно разрешилась сыном Лёшенькой — кровинка к кровинке в папку.

...Светало. Бабка Мальва, так и не сомкнувшая за ночь глаз, раздёрнула кухонные занавески. Вдоль улицы, со стороны Потаповского двора, шли припозднившиеся пары. Свадьба только-только начала затихать.

ДОМА

Малая родина — это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения.

Е.И. Носов

1

В мягко сомлевшем, предзакатном солнышке, а может, из-за цветущих подорожников, задичалый просёлок становился в этот час розово-пенным, топлёно-молочным. Ступать по нему, по девственному, зефирному облаку, нога не осмеливалась. Куда привычней шагалось приобоченной стёжкой, меж высоченных, обрызганных мёдом и золотом зарослей донника, переплетённых луговой повитью, с вездесущими куртинами лиловых султанчиков кипрейника.

В вышине, в легчайших потоках июльских воздушов, парил величественный стрепет. Старожил. Сколько себя помню, столько помню и его, царственного владетеля игинских полей.

Обогнув разомлевшие под палящими лучами валуны, прогревшие в знойких июльских погодах свои увальни-туши и источавшие на вечерней заре ласковый жар, просёлок похозяйски вступил на опушку Хильмечков, домовито, не спеша, точь-в-точь как ступает, возвращаясь с работы, мужик на прикрылечный прохладный и влажный от расплёсканной на нём суetyающейся хозяйкой ключевой водицы порожек. А за просёлком шнырнула, словно боящаяся заблудиться в широких покосах собачонка, косматая от переспелых трав стёжка.

Если на краю бора ещё слышались птичьи посвисты и перепорхи, то глушь уже окутывала дрёма. Веки могучих сосен почти смежились. Сумеречный свет едва-едва прокрадывался меж красно-бурых стволов, лениво опудривая землю то ли мучнистой пылью отцветающего перестоявшего разнотравья, то ли первой зоревой осыпью купальской росы.

Тончайший предвечерний свет этот всегда врачевал мою душу, проникал в её самые потаённые закоулки, всклень наполняя их целительным умиротворением, покоем и внутренним ладом, который наступает обычно после беседы с духовником или приходит во время долгожданного общения с очень дорогими сердцу людьми.

В эти минуты озаряешься такой добротой и нежностью, что осознание радости простого земного бытия перехлёстывает тебя через края, расплёскиваясь на ближайшую округу, примыкающую к Мишкиной горе, на мою родину: на этот истоптанный вдоль и поперёк моими земляками в поисках

маслят и куманики, погружающийся в трепетную тишину бор; на выстелившийся над ним мелкими цветками млечно-го земляничника Небесный просёлок (кажется, сделай лишь шаг — и ступишь на его звёздную россыпь); на звуки, доносящиеся из отходящей ко сну крохотной, сохранившей несколько дворов деревушки.

Когда-то здесь, на Мишкиной горе, сотни изб перемаргивались до зари своими оконцами. Думалось ли?.. Время, прокатившиеся по земле ураганы, да и сами люди не пощадили обжитого столькими веками места. Но от этого родина для меня не перестала быть родиной. Приходишь ли ей поклониться или покидаешь её навсегда, истинная святыня не меркнет ведь никогда. Она, невзирая ни на какие обстоятельства, извечно лучит и лучит свой тихий и неповторимый свет... И не велик он, свет моей Мишкиной горы, и не ярок, но, словно пламя Божьей лампадки, чист и негасим.

И подумалось вдруг: вот и свет окошек отчей хаты тоже отовсюду вижу я и чую его притягательное тепло и неизбежный зов, даже сквозь великие вёрсты, как сейчас, сквозь окраинный молодой соснячок бора.

От отцовской усадьбы слышится звонкий приветный лай. Это Дружок, высмотрев меня издали, от самых Хильмечков, срывается навстречу, сминая волглые травы, вышарахивая из них сонных, очумелых перепёлок. С залиистой радостью кидается мне на грудь, сбивает с ног.

А в небе, высоко-высоко над нами, орлит дивная птица, уходит в сторону Ярочкиной ложины. Бежим с Дружком за ней, наперегонки. До самой изгороди, до неохватных шаров приоколичных раки. Воткнутые отцом лет сорок назад колышки вымахали в гигантские деревья, раскатились вдоль просёлка на въезде в Игино.

А там, сквозь червленое последним закатным лучом серебро высоченных тополей, обрамляющих родительскую усадьбу, просматривается вылинялая, но всё ещё видная за версту красная крыша нашей пятистенки.

Минуя утренний укос, успевший просохнуть за долгий летний день и к вечеру впритруску собранный в валки, просёлок вкатился в деревушку, а пришпиленная к нему стёжка, ничуть не заморачиваясь, рванула напрямки — вихлянула и, нырнув в шалфейное море, выскользнула на краю бахчи, запетляла меж цветущих картофельных гряд и веснушчатых зонтиков укропа.

Пройти мимо поляны шалфейника не достало мочи. Когда-то отец подтащил на её край поваленный ноябрьскими

ветродуями тополь, опилил его и теперь, после ухода мамы, в летние вечера частенько засиживается на этом бревне. Пристроилась на нём передохнуть и я. Завспомина-алось...

Когда цветы и травы входили в силу, в июле, под Ивана Купалу, и в августе, на Пантелеймона Целителя, мама собирала на Мишкиной горе охапки зверобоя и чабреца, душицы и мяты. И зимы напролёт семейство наше упивалось её вкусными чаями. К шалфею у мамы отношение было особое. То ли верила она в его силу великую, то ли нравились ей его крошечные, неброские, фиолетовые цветки-«петушки», только пуками шалфейника в детстве моём было завешано у нас всё крыльцо.

Сиреневая шалфейная поляна с тех далёких времён разрослась, откуда-то среди «петушков» объявились лупастые ромашки, рассыпались пшёнкою таволги, вызвенелись колокольцы — собирай букеты, плети венки! Да некому...

Вечер истаял до последней капельки. Лишь цвигикали цикады да в полверсте всё ещё не мог угомониться на заброшенных торфяниках подкативший под самый угор, просрощий ряской, небольшой, с картузок, пруд-карасевник. На все лады орала на нём, прославляя свои камышовые заросли, горластые лягушки. Правый берег, Кировский, выступал в Ярочкин лог, а левый, голубой от нескончаемых зарослей незабудок, считался испокон веков нашим, Игинским.

Клин, разделявший отцовскую усадьбу и этот прудок, пахали исстари тоже Игинские мужики. На этом-то, некогда хлебном, а теперь поросшем молодым березняком поле и обосновался мой стрепет, объявлявшийся, как мне казалось, над просёлком всякий раз, как только я выходила за околицу. Вот и сейчас, покружив над поляной, снизившись до предела, он почти чиркнул крылом на прощание о склонившиеся в дреме цветы, удалился на покой.

От пруда вдоль низины давно курились туманы; поднимаясь всё выше и выше по угору, они, наконец-таки, скрыли и бор, и околицу, и уснувшую шалфейную поляну.

Уютом и покоем поманили окошки отцовской избы. Пора!

2

В деревне сидеть без дела — не разбалованы. Отец, дожидаясь нашего возвращения, накрыл стол суровым настольником, уже и картошки ранней наскоблил, и слазил в погреб, а нас всё нет и нет. Чтобы не терять время попусту, пристроившись на порожке, он, посматривая то и дело в сторону

леска, «на гулянках» принялся нанизывать на суровую нитку тонко накрамсанные подберёзовики, развешивал их сырые, тяжёлые гирлянды на гвозди, вбитые вдоль крылечных стен.

Со вчерашнего обеда, с самого моего приезда, отца распирало чувство радости, и он, стесняясь почему-то его обнаружить, просто говорил и говорил со мной без умолку. Вот и теперь, весь вечер, покуда я помогала ему украшать крыльцо отволглými снизками, а потом собирала на стол, он не давал мне вставить в его балаканье ни слова.

— Без солнца солнцем осветила, — было отцовским заповом. — Дай хоть наговорюсь с тобой досыта, а то Дружок совсем неслухом стал. Я ему про то, про сё, в некотором царстве, в некотором государстве, а он — шнырь и на боковую, — останавливал меня старик каждый раз, как только я открывала рот.

Я покорно смолкала. А отец говорил и говорил. Взхлёб, обо всём подряд.

...Отчётливо помнится тот спелый июньский вечер на Мишкиной горе. Через распахнутые окна из палисада слышался неужённый стрёкот цикад, с огородных гряд тянуло укропом и огуречником.

Наконец плетушка опустела — с грибами было покончено. Щёлк — брызнул свет, и Мишкина гора озарилась им из шести окон нашего небольшого, затерянного в среднерусской ночи дома.

На свет сквозь реденькие тюли слетались бархатно-серые, тяжёлые бражницы, кружили у плафона, под самым потолком. Ветки старой антоновки мягко тёрлись листвою о стёкла. В мальвах ещё громче надрывались цикады.

Казалось: нет и не может быть в мире другого иного места, где так же отраднo, где так же, как здесь, отступят от моей души заботы и утолятся мои печали.

За плечами отца большая жизнь: смолоду хлебнул лиха, а выучившись, наперекор всем страстям, благодаря лишь своему упорству, учительствовал, потом взвалил на себя неподъёмные тяготы почти развалившегося колхозного хозяйства. Но вот уже более десятка лет все хлопоты его сводятся едва ли не к починке-подлатке старенького нашего домишки, догляду, пересчёту пчёл на притулившейся под разлапистыми яблоньками крошечной пасеке, уходу за бакшой, где всё, как и полагается, своёское, под рукой, — и лучок, и свеколка, и огурчик-помидорчик.

Хозяйство у старика моего невеликое. Но на крестьянском подворье работа всегда найдётся. Вот и топчется он с ранней рани до вечерней зари, всё дело себе пыгает. То накопает по весне в Хильмечках молоденького соснячку и пристроит его обживать по кромке Мишкиной горы, то возьмётся по её склону дубовые порожки к роднику налаживать. Да мало ли какой непорядок доглядит пытливый мужицкий глаз!

— Вот и ещё день отлетел. — Отрывая листок от численника, усталый, но довольный несчётной кучей переворошённых дел, отец усаживается за стол на своё излюбленное место, у допотопного буфета, и, кинув на колени большие кулаки, тихо добавляет, — Спасибо тебе, Господи!

Сиротствуя с малых лет, не привыкши верить ни в какую иную силу, кроме своей, у него и на Бога не было надежи, и, как казалось мне, к православию был он совершенно равнодушен. Правда, с годами, нет-нет да сам затевал отец долгие разговоры, порой и споры, о «религии, о вере». Видать, мыкалась душа его, пыталась сыскать к концу жизни приют благодатный. Может, оттого и на колокола Сергиевской церкви не задумываясь подал старик мой денежку, и потом, ничуть не смущаясь, будучи непоколебимым коммунистом, явился на освящение храма.

И теперь, заметила я, всё чаще слышу от него: «Спасибо, Господи!» или «Прости, Господи!» Уже от этих слов становится на душе моей тепло. Чтобы понять эту малую мою радость, надо знать моего отца. Повлиять на него в таком важном деле не представляется никакой возможности. Он до всего доходил сам. Сам, своей непроторённой тропкой идёт он, видать, и к Богу.

Отчего, и не ведаю, только всегда, возвращаясь в родительский дом, у меня возникает одно и то же неукротимое желание, будь то самое жаркое лето, и уж, конечно, в зимнюю стужу: растопить, как бывало в детстве, печку, покоротать время в разговорах ни о чём, под потрескивание полешек, в отблесках огня, до полуночи, а то и до петухов, у родительского очага. Есть несколько вещей, предметов, знаю их наперечёт, которые сразу возникают перед моими глазами при воспоминании о родине и отчем доме. У кого-то, может быть, как повелось, это наши дивные берёзовые рощи. А у меня, поди ж ты! — одно из самых дорогих воспоминаний — распростая русская печка.

Зная мою слабость, отец загодя подготовился, заправил печку щепой и поленьями. Охалка берёзовых дровишек бе-

лоснежной горкой возвышалась у её подножия, дожидаясь своего часу. Чирк — скукожилась береста, печка расправила душу, вздохнула, и огонь мгновенно охватил сухое до звона дерево. Заплясал, загудел в дымоходе.

Старик мой — без похвальбы — с завязанными глазами может сладить любую грубку, печку, а уж себе-то, знамо дело, — расстарался. Огонь загулял — красотища! И домишко наш ожил.

В чисто подметённой, в меру протопленной хате на столе парила, обсыхая с развару, ранняя картошка, курятина, рядом дышали чесноком и хреном первые малосольные огурчики, присыпанные укропом и луком, в миске сопливились с фуфаечную пуговку, не крупнее, маслята, собранные нами с Дружком ещё вчера по краешку Ярочкина леса.

Отблески печного огня, наполняя дом покоем и уютом, ласковыми рыжими котятками скакали по половикам и занавескам, вспрыгивали на табуретки, заскакивали на подоконники.

Светлой печалью всплыли воспоминания о том, как прощалась, уезжая на жительство в город к средней своей дочери, бабушка Григорьевна. Обойдя на прощание избу, она наконец подступила к печи. Обняла её, и уж причитала, причитала по ней... мол, как же я без тебя, родненькая, на чужбине-то?

Один за другим гаснут очаги в игинских избах... и кричи, не кричи, остывает душа моей тихой безответной родины. А без неё, без Мишкиной горы, хоть и живём мы с ней давным-давно порознь, нет, видать, мне ни душевного лада, ни счастья.

За ними и возвращаюсь я сюда снова и снова. А ещё — чтобы разжечь огонь в родимом очаге, чтобы подышать смоляными воздухами Хильмечков, чтобы испить студёной, аж зубы заломит, водицы из знакомого с малых лет игинского родника. А без всего этого, до боли родного и милого, как жить?

И куда бы ни забросила меня судьба, я знаю наверняка, меня ждут, меня помнят. И эти, разбушевавшиеся у крыльца «золотые шары», и у забора задумчивые, высоченные липы, и сбегаящая вдоль суглинистого склона к ручью Жёлтому затерянная в анисовых зонтиках юркая ящерка-стёжка, и... да вся моя родимая земля. С её былинными деревьями Закаменной, с поросшей чудными купавами и непроходимыми тальниками Кромую-рекою, с заповедно-берендеевым Савиным урочищем и ещё много, много с чем.

И знаю я наверняка: пока у меня есть Мишкин бугор, мне есть куда возвращаться, а потому — ничего меня не страшит — у меня есть родина, есть великая опора.

Догорают дровишки, бордовые уголья то гаснут, то на мгновение вспыхивают, то, затухая снова, осыпаются, бледнеют. Таинственно-вечное свечение звёзд, июльская ночь, объявляющая Мишкину гору, наконец остепеняет занудных цикад. Или у меня, размеренной теплом и уютom, к полуночи приотпляется слух?

Вот так бы плыть и плыть в полудрёме, то прислушиваясь к отцовским былям-небылицам, то давая волю собственным мыслям, сквозь время, сквозь эту чудную летнюю ночь... причаливая то к лазурному, осиянному маминой и бабушкиной любовью и заботой берегу детства, то к берегу юности, с разговорами с отцом по душам обо всём на свете: и о том, что рядом, чем полнится душа человека, живущего землёй и на земле, и о том, что предстоит изведать в дальних краях, испытывая в разлуках своё сердце на привязанность к породившим и вскормившим меня местам, на умение сохранять к ним любовь, невзирая на время и расстояние.

3

Как ни пытайся, за отцом не утонишься. Вроде и проснулась раньше некуда — солнышко только-только показало краешек своей короны за глинистым погостом, за дрёмными Копытцами. Ан нетушки — старика уже перед зарёй след простыл, по-молодому ударился в бег! Может, рванул на «тот конец», в Кирово?

Выхожу на крыльцо и отправляюсь на его поиски: через двор, по маковке горы, стёжкой спускаюсь по склону в межгорье. Тёмно-зелёный след на сивой от росы траве выводит меня в низину, к подножию Мишкиной горы, к роднику, к ручью Жёлтому. Раздвигаю прутья краснотала и только тут, наконец-таки, обнаруживаю отца: хоть и медвяная росная прохлада обжигает тело, босого, подкатавшего штаны, забравшегося по колено в воду и вытаскивающего на берег, в рогозные кусты, поваленные бобрами стволы раkitника, ветки и листовой мусор.

— Развелось этой дичи у нас несусветно! Вишь ты, всё подгорье перекрыли, дыхнуть, свежей водицы испить Жёлтому не дают. Не ручей, а самое что ни на есть болото! — путаясь в бородастых прядях илистой тины, возмущался старик на заселивших наши места лет пять назад и расплодившихся не на шутку непоседливых работяг.

И действительно: куда ни глянь, вдоль русла ручья — завалы, хатки и нагромождения. Изредка слышатся размеренные водяные всплески. Порухены громадные осокори, не верится даже, что небольшой зверёк, будь он хоть сколько

проворен, способен подвалить, словно добротная бензопила, неохватные стволы прибрежных деревьев. Но приглядишься и поверишь — пила прошлась бы ровнёхонько, а тут — торчащие из воды комли подточены резцами неумных бобрищ, заострены, словно частокол.

Рассвет исходил лаской, истончался. Проявляясь всё настойчивее, налаживался молодой день: лизнул алым светом метёлки камышей, чавкнул, подлетел легчайшим ветерком под болотные туманы, слившиеся с синевой раннего утра и принявшие окраску разбавленных водой чернил, и понёс их, подгоняя, словно табун заблудившихся овец, куда-то в Гороня, по лосиным тропам, за дальние луговины.

Очнулись и хором принялись восхвалять пришествие нового дня невидимые птицы. Из зарослей тальника, подкрякнув, дикая утица вывела на середину поросшей ряской, остановленной бобрами воды пяток уже подросших, но всё ещё отличавшихся размером от матушки, боящихся любого шороха утят. На все лады, радостно и беззаботно, щebetали синицы, перечивкивались воробьи. Сквозь этот беспечный, счастливый гам с опушки Хильмечков вдруг прорвалось, словно вдовье приглушённое рыдание, печальное и долгое кукуканье.

Из глиняных нор с крутояра сверкнули стрижи. И заносились, зачиркали над округой, кроя вдоль и поперёк миткальные, пропахшие осокой и валерьяником воздуха.

Жаль, соловья уже не услышать. Здесь, в Игино, удивительные, какие-то неумные соловьи, искусно вычмокивающие такое количество коленцев, что не стыд потягаться и с курскими. Отзвенели, отхлебнув июльских рос, наши игинские певуны. Так уж и пора — Петровки на носу!

Досыта навоевавшись с бобрами, отец наконец-то выбрался из воды, откатал штанины, надвинул любимые, растоптанные на просёлке сандалии, и мы совсем было засобирались до дому, как старик вдруг всплеснул руками: «Что ж это я? Хотел тебе кое-что показать, да закрутился с этим зверьём. Пойдём-ка, на коммунизм полюбуемся. А то ведь, чую, ни мне, ни тебе, да и Диме твоему, видать, дожить до него не посчастливится».

И, цепляясь за бурьянины, заткнув за пазуху кепку, старик закарabalся по глинистому склону на самую верхотуру, повёл меня к одинокой грушенке-дичке, знакомой мне с раннего детства, да и всей нашеньской ребятне, своими мелкими, но, если потерпеть до октября, когда улежатся в палой листве, вкусными плодами. Смолоду у отца привычка: рассеивать повсюду семена яблوك и груш, косточки слив и

вишен. Видать, и это дерево — его рук дело, иначе откуда бы оно и взялось в таком отдалённом от деревенских садов месте.

Ещё издали, на подходе к грушенке, смекнула я, в чём дело. Над деревом стоял спокойный монотонный гул.

«Всё ясно! — подумалось мне, — отец обнаружил пчелиный рой, драпанувший с чьей-то пасеки и присевший передохнуть».

— Не-е! Ты полюбуйся, полюбуйся! Свободный народ! Надо же, присмотрели себе дупло, обустроились и поживают. А и правда, чем не колодина? — читая мои мысли, опередил отец.

— А при чём тут коммунизм? — подивилась я.

— Как при чём? Что ж тут непонятного? Вот ты сама подумай: строили мы, строили светлое коммунистическое общество, и наконец, что и успели было наладить, сломали. А самое главное, никто не несёт за то порушенное никакого ответа.

— При чём же тут пчёлы?

— А при том — в отличие от нас, людей, пчёлы отличаются высокой организованностью. Каждое насекомое чётко знает свою работу и обязанность. Среди них есть и медоносы, и рабочие, и матка, — отец сел на своего конька, — у пчелиного общества такого краха, как у нас, вовек не произойдёт. Ведь всё до мелочей, нам в пример, продумано: сформировано крепкое чувство семьи, коллективное проживание, групповая добыча пищи, заготовка её впрок, забота о потомстве, защита матки, наконец, как я уже говорил, разделение труда. Ну, чем тебе не коммунизм?

— Сдаюсь! Сдаюсь! — улыбнулась я на доводы отца, рассматривая удивительное пчелиное жилище на расстоянии, слышала: дикари такие злющие, не дай Бог! Заедят, защищая свою коммуну.

Перекусив на скорую руку и прихватив кое-что из съестного на потом: разрезанные вдоль и натёртые солью пупырчатые огурчики, пяток утомленных, духовитых яичек, густо обсыпанные чесноком и перцем, с щедрой прорезью кусочки сала, — наостраемся в Плоцкий лесок. За ягодой.

Раньше-то лесной малины в наших местах вовсе не водилось. А вот поди ж ты! Лет, почитай, с десяток, как заполонила она окрестные урочища и боры, кустик за кустиком, и красная, и жёлтая — расплодилось, разгулялась от оврага к оврагу. Видать, птицы из Дмитровских лесов занесли. Ведь до малинников Дмитровских им — пару-тройку перелётов. А там ягодки этой вкуснящей — пропасть!

И вот мы топаем Глиняной дорогой. Всё вверх и вверх, до самых росстаней. Мимо сизых, пошуркивающих на утреннем ветерке, диких овсов, мимо всё ещё заспанного, утонувшего в росных кукушкиных слёзках подсосенника. По обочине нам навстречу катятся жёлтые-прежелтые, аж до рези в глазах, шары сергибуса, насквозь пропитанные солнцем и восхитительным духом июльского раздолья.

Попробуй откажись от такого лакомства! Срываю молодые, не успевшие выбросить соцветия, ломкие побеги. Барашками снимаю с них нежную, прозрачно-малахитовую кожу. И, вспомнив детские походы за диким луком, щавелем и сергибусом по игинским горам и долам, с удовольствием нахрустываю сладкий, сочный стебелёк.

А войдя в Плоцкую лощину (лес, по правде говоря, в ней никудышный — заборник да прясельник), под завяз заполонённую малинником, так увлеклись, что не заметили, как разбрелись с отцом в разные стороны. Аукай, не аукай — не докричишься, не дозовёшься — растворились, окунувшись в непролазные, непроходимые пахучие дебри. Заплутали в малинниковых чащобинах, почуяв себя единым целым с этим затерянным в центре Орловщины миром, с этими полянами, осиянными розоватыми берёзами, с сопроводившим нас от околицы до самого леса хозяином нашеньских окрестностей — гордым красавцем стрепетом, да и с самими, непостижимо высокими, фиалковыми игинскими небесами.

Ягода — одна другой крупнее. И тьма-тьмущая! Но подготовились мы основательно, корзины, а у нас их аж по две, лёгонькие, из тончайшего тальника, наполняются на глазах.

Увлекательное это дело — собирать малину. В погоне за самой спелой, за самой лучшей можно забрести Бог знает куда. Так и ненароком заблудиться ничего не стоит.

Берёшь ягоду за ягодкой... уже ни времени не ощущаешь, ни места. И душа в этом сладком раю, наконец-то, от забот, от дум тяжёлых отдыхает, ведь за доброй ягодой, как у нас говорят, и сам себя не помнишь, в детство впадаешь.

Почему так бывает? А всё очень просто — в окружении Вечной Природы в голову не может прийти и мысли, что сам ты не вечен, что жизнь твоя сравнима с мгновением, и верится: коли ты часть этого Великого мира, то и сам ты пришёл в него навсегда. И всё в твоей жизни обязательно наладится.

Сладкие воздушные струйки над лощиной струятся едва-едва. Лениво перепархивают какие-то забавные пичуги, наверно, малиновки, иным здесь и не место. С луга, с низины доносится протяжное мычание. Это гнездиловские пастухи украдкой с

утреца травят нашу луговину. Раньше бы, при колхозе, не осмелились, а теперь — вольному воля.

Щёлканье кнута и заливчатский свист подпаска возвращают меня в реальный мир, и я наконец-то замечаю, что корзины — полны-полнѣхоньки. Теперь можно и горсточкой-другой полакомиться, на посошок. Привычка у меня такая — пока не наполню посудину, ни одной ягодки в рот не кину.

Знаю, отца теперь не сыскать. В свои восемьдесят с хвостиком, пока я топталась на пяточке в Плоцком, он в поисках самой наикрупнейшей ягоды, конечно, успел побывать и в Савином логу, и в Ярочкином, и в Закамнях. Наколеси-ил! Всѣ надеялся: в следующем перелеске малина куда отменнее той, что уже повстречал.

На обратном пути, когда уже и забыла от усталости, куда и зачем шагаю, выйдя к росстаням, обнаруживаю моего старика, спящего в овсяннице под корявой, изломанной грозамми, лесковкой. Соломенная шляпа его — от назойливых мух и слепней — сдвинута на лицо, тут же, обочь, — корзина ягод: — вперемешку всё, что попадалось: и запоздалая, видать, из самой глуши, тёмно-бордовая земляника, и уже в подсушенных чашелистиках луговая клубника, её у нас в Горонях, по откосам, видимо-невидимо, не обошлось, конечно, и без малины, только по яголке видно — розоватая, не как в Плоцком — длинноносая, а ровная, кругленькая, знать, добрался-таки отец и до своей заветной куртинки в Закамнях.

Другая корзина — поди ж ты! — полным-полна молоденьких сыроежек. Грибок этот — ломкий, до дома поди донеси. Обычно, хоть и сладка сыроежка, у нас её не берут, в крошево изломается и на жарѣху не набрать. Но на этот раз отец не устоял, соблазнился: молоденькими синими, розовыми, зелёными, белыми, какими-то серо-буро-малиновыми однодневками сыроежатами переполнил корзину, борта её даже пришлось нарастить листьями папоротника. Красота, да и только! Если не присматриваться, — грибочки настолько ладненькие — почудится: в корзине пасхальные крашенки.

Отец просыпается и, загадочно улыбаясь, вынимает из-за ствола яблоньки пронзительный, синий-пресиний букет лесных колокольцев. Знает, что с детства обожаю эти самые чудные создания игинских лесов. Крупные, под стать садовым, порою встречаются и белые, они буйствуют в наших лесах испокон веков, славя своим великолепием землю среднерусскую, вызванивая своими бубенцами её тихие, скромные напевы.

При всей суровости крестьянской жизни, отец на удивление мужского населения Игино всегда выкраивал время на

«красоту» — дома этим занималась мама: подоконники заставляла горшками с бальзаминами и геранями, фиалками и плющами, а в палисаде у отца с первых проталин до октябрьской пороши бушевали тюльпаны, пионы, жасмины, сирени, флоксы и Бог ведаёт какая ещё замечательная растительность, не говоря уже о вездесущих зарослях мальв, с которыми не надо носиться как с писаной торбой — радужным разноцветьем осыпают они самосевом самые отдалённые уголки нашего сада.

Всё-таки молодец мой старик! Такой выносливости и жизнелюбию можно только позавидовать! Вместо того чтобы отправиться домой кратчайшим просёлком, отец потащил меня, не тяготясь снопом зверобоя, стянутым тугим перевязлом, по бурьянному краю Хильмечков. И всё только ради того, чтобы показать место, окоп, где в девятнадцатом красные бились с деникинцами, где он не раз находил и штыки, и патроны времён Гражданской войны.

Пробегав по лесам несколько часов кряду (а какой он, говорят, в молодости был, какая удаль!), старик может без передыху толковать о временах былых, от них переключаться на нынешние, снова возвращаться, сранивать, предполагать, размышлять о том, что ждёт нас в недалёком будущем, прикидывать на пять десятилетий вперёд. Мол, не может того быть, чтобы эдакая махина, край наш Орловский, похерился на веки вечные. Придёт час, не знаю, когда то случится, но обязательно, как птица Феникс, дождётся и он своего рассвета. Рано ли, поздно, объявится для землицы нашей мудрый оратай, возродится из пепла глубинная российская деревня.

Что мы за люди-человечишки такие?! Земля не скупится, щедро одаривает нас самыми лучшими своими дарами, а мы, не умея ими распорядиться, не дорожим, попользуемся — и в отбросы. Страшно подумать, — сотни гектаров пахотной земли — в отбросы, в бурьян! Можно по-разному относиться к Сталину, но, думается мне, при нём о таком обхождении с землёй и помыслить было невозможно, за такое, мягко сказать, бесхозяйственное отношение к ней, наверно, как минимум, светила бы Сибирь.

В крови у мужика дума о поже... Века владел землёю пахарь, а она владела им. Извечна на неё и надежда. Крестьянину без земли — никуда...

Судя по положению дел в нашей округе, навряд ли отцу на его веку посчастливится дожидаться заветного часа, когда снова, как встарь его пращурами, раскорчует от березняка дородная рожайка — игинское поле, пойдут гулять под ветром ржаные-пшеничные волны.

Но вера старого хлебопашца незыблема, и мне она не позволяет даже на миг поколебаться в том, что время перемен не заставит себя ждать, потому что иначе человеку и вовсе не сдюжить, без надежды никак нельзя, сама жизнь есть извечная надежда, не стань надежды, что и делать-то человеку на земле?

А неугомонный старик уже ныряет в приопушечный соняк, тащит меня взглянуть на «муравьиную деревню». И впрямь, в дремучей папороти, словно по шнурке, в два рядка, выстроились две улочки: старые, высоченные муравейники, с налаженным, упорядоченным бытом, и хатки пониже — видать, новостройки, на которых всё идёт чередом — суетится, хлопочет, ни минуты покоя, мелкий лесной люд.

— Тоже жизнь — свои надежды, свои заботы... Поколение за поколением... всё спешат, торопыги, — отец опускает былинку на кишасий шустрыми жильцами муравейник, и те облепливают её, оседлав, тащат куда-то это «бревнище», пытаются его тут же приладить, пустить в дело, на подлатку своей хатёнки. — Жистюшка ихняя — почитай, мгновение от нашей, воробыный порск, а вот, поди ж ты, тоже по-своему стараются, карабкаются. Ведь самое лёгкое — умереть, а вот выстоять, измудриться выжить — куда посложнее будет! И вообще — дело ведь не в том, сколько лет, десятилетий проживёшь, а в том — как... Крути-верти, а правы древние мудрецы: жизнь долга, если она полна. И измерять ее поступками, а не временем.

С раннего детства, сначала неосознанно, а с возрастом — с пониманием, наблюдала я, присматриваясь, дивилась умению и жизненной стойкости отца, его крестьянской, житейской мудрости. Как же и сейчас, в пору моей зрелости, нуждаюсь я в таких вот неторопких беседах с ним об обыденном, каждодневном и вместе с тем совершенно необходимом, наиважнейшем.

Отлучаясь надолго, день ото дня начинаю испытывать голод и тоску по общению со своим стариком. Надо же! Имея немалый жизненный опыт, до сих пор не обхожусь без всей той премудрости, что успел он накопить за свои восемь десятков, что передалось и сохранилось в его цепкой памяти от пращуров нашего рода-племени.

Без этих драгоценных выжимок, многовекового опыта, на котором выстроилась жизнь моего отца и людей его поколения, кажется, и мне бы не сдюжить. И я снова и снова, изголодавшись, возвращаюсь на Мишкину гору, к родимому порогу, чтобы укрепиться духом, подпитаться, как когда-то

в далёком младенчестве, материнским молоком, воздухом моей позабытой правителями родины, настоящим на великом трудолюбии и чести, несгибаемости и неопровержимой правоте.

4

Вот ведь как порою получается? Бродит человек по свету, всё ищет, чем бы пробиться, по пословице, где лучше. И то ему — не то, и это — не это. Намыкается, прежде чем докумекает, что далеко и ходить-то было незачем. Что лучше выколосившегося спелыми травами Плоцкого луга? Этого, в росных подорожниках и лютиках Глиняного просёлка, горьковато-кислого, но полюбившегося ещё в детские годы вкуса приобоченной лесковки? Разве сыщется что-нибудь желаннее щедро отхваченного выевшимся, с резной деревянной ручкой, ножиком ржаного ломтя от бабушкиной краюхи, слобренного постным маслом и крупного помола солью? Или в горнице и сенцах — слаще духа молодых берёзовых ветвей в ясное Троицыно утро, а к вечерней заре — отраднее перегуда и вжиканья майских хрущей на подгорье, в только что выкистившихся черёмуховых зарослях?

Заботливое неумолчное квохтанье клуши Рябки, около неё — журчащий ручеёк писклят, песня второй с левого боку крылечной половицы, негасимое белое полымя ночных мотыльков у амбарного фонаря, высланное пересохшей пылью бездонное нутро материнского «приданого» сундука, звенящие мелким бисером, поросшие кукушкиными слёзками поляны в Ярочкином лугу, вкус и аромат молодого снега, а с ним, по первопутку, и морозная алость дикой ягодушки калины из Савина урочища, ловля голыми руками по новолетию в парном ручье Жёлтом вихлястых голецов...

У каждого в запасе, если хорошенько покопаться, сыщется сотня-другая подобных, простых, но таких родных и дорогих моментов, вещей, запахов, вкусов и ощущений — истинно бесценных сокровищ, при воспоминании о которых тает сердце, а в душу проливается такое тепло, такой свет, что однажды до дрожи окатывает, наконец-таки, понимание: вот оно — и не надо было бегать по свету, наматывать вёрсты, не так уж много человеку и надо-то — с самых пелёнок всё, что тебе необходимо в жизни, что делает тебя наисчастливейшим на свете человеком, и было оно с тобой рядышком, только ты почему-то этого не замечал, совершенно не ценил.

Правда, переоценка эта происходит лишь после того, как помыкаешься по чужим краям, чужим дорогам, чужим жилищам, когда пресытишься и устанешь от «достижений ци-

визации». Вот тогда-то для тебя и настанет момент истины, тогда-то вдруг осознаешь, что, оказывается, запах цветущего укропа или подсолнечника с отцовской бахчи в тысячу раз дороже аромата охапки всех вместе взятых голландских роз, подаренных тебе за все годы жизни. И ни одна прогулка в самом комфортабельном автомобиле по глянцу превосходной автострады не стоит поездки на колтыхающей телеге сквозь розовую марь и ядреный туманец, сквозь места привольные, в поросшие вековыми дубами и лещинником наши сенокосные Гороня.

А последние годы, дома, в Игино, со мной стали происходить вообще какие-то странные странности: вдруг ни с того ни с сего стала я теряться во времени, точнее, совсем о нём забывать: какой день, какой год, какой век — безразлично. Просто погружаюсь, окунаюсь, ухожу с головой в окружающий меня, покинутый цивилизацией, обретший свою девственность, мир.

Живу почти натуральным хозяйством и горя не знаю. И, как ни странно, совершенно не ощущаю себя несчастной из-за отсутствия интернета и прессы, благо библиотека в родительском доме всегда была достойная. И, что самое главное, — есть множество моих любимых авторов, которых я могу перечитывать бесконечно, дивиться очередным своим находкам и открытиям на их страницах.

Ласточата пищали в лепной хатке над нашим кухонным окошком, то занудно пели осы над шлёпнувшимися, разбившимися в крошево ранними грушовками, тянуло мёдом от солнечно-рыжих календул, то сквозь тюлевую дырчатую кипень виделось, как осыпались маковым перламутром на кроны сада ласковые лепестки летнего заката... А может, рассвета... Время растворилось во мне, а я — во времени.

Правда, это не мешало мне помнить, что отец рядом: осыпает ли золой от глумящихся гусениц капусту, обметает ли метлой затканые пыльной паутиной с застрявшими в ней сухими мухами подслеповатые оконца сарая, ладит ли покосившуюся калитку, пытается ли отвадить промышлявшего в куриных гнёздах каналью-кота. И всё разговаривает, разговаривает: со мной, развешивающей на протянутой вдоль сада верёвке располосканное на омутке бельё, со вконец обнаглевшими пакостницами-гусеницами, продырявившими насквозь озимые кочаны, с потерявшей всяческую память, совсем прогнившей калиткой, с хоть и посаженным под корзину отбывать наказание за неумный прожорливый нрав, но дерзко артачившимся котом Дармоедом, требующим выпустить его на волю вольную.

Когда старик мой предаётся своему любимому занятию — обрядившись в сетку, ныряет с дымарём под яблоньки и забывается в кругу своих зундящих друзей, которые к полу-дню, ярясь и сатанея, не дают проходу по подворью никакой живности, мне, наконец-то, выдаётся минутка, не обижая отца, побыть одной, я ухожу бродить в поля...

А однажды откуда-то наехали незваные гости, уже ушедшее в отставку, но всё ещё помнящее отцовское хлебосо-льство, привыкшее погулять на дармовщинку, какое-то район-ное начальство. И отец засуетился, он радуется любому, за-глянувшему на его хутор. Угощал новолетним мёдом, огороди-ной и сатовиной. Не обошлось и без свойской сливовицы.

Нагостевавшись, наточивши балясы, отяжелев донельзя, залётные отъехали, и мой старик, размягчившись, только тут дал слабину: заговорил о покойнице-маме, привсхлипнул, не просил, а требовал похоронить его, как преставится, на Мишкином бугре, потому как «с корня своего» он, даже мёр-твый, не делает и шагу.

В этот вечер не спалось, хоть тресни. Угомонились далеко за полночь — старик, расчувствовавшись (ещё умеет пла-кать), стал куда разговорчивей, и в сотый раз пришлось мне терпеливо выслушать, хоть и память отца не подводит по сю пору, но уже со всё новыми, порой совершенно противоречи-выми оговорками и добавлениями, житие ушедших и где-то, за пределами нашей деревушки, ещё здравствующих мало-численных моих земляков.

За чаем, не из какой-то там сенной трухи, из игинских трав, можно просидеть и несколько суток, а не то что корот-кую июльскую ночь. В нашем, окружённом густым туман-ном, доме, под неспешное тиканье ходиков сквозь рассказы старика, знающего всю подноготную про здешние старые годы, меж тем прокатилась история не одного поколения рус-ского двужильного крестьянства. Не по одной жизни он про-шёлся: сменялись, мчали, словно с горы на салазках, века, шумели, громыхали войны, рождались, пищали дети, игра-лись с размахом свадьбы, тихо отходили в мир иной игинс-кие мужики и бабы, разъезжались по всему белу свету, не-смотря на дедовские завещания, потерявшие крестьянское терпение дети — не собрать уже ни на Пасху, ни на Радунцу, ни в Родительскую субботу.

К утру расслабившийся, позабывший границы своим чув-ствам отец угомонился, видать, наконец-таки, набил оско-мину, сладил с тем, что долгие годы в нём накапливалось, выговорился. А я, с переполненной его былями и небылица-

ми душой, глаз уже сомкнуть не смогла. Кликнула Дружка, готового по велению своего авантюрного, бродяжьего нрава в любую минуту ринуться навстречу закалиточным приключениям и похождениям. И мы, скатившись в пойму ручья Жёлтого, по ранней прохладце поднялись к его поросшему белоусом, осокой и стрелолистом истоку, ушли аж к Закамням.

А там, вскарабкавшись на косогор, заполонённый вошедшими в расцвет своей жизни рыжебёдрыми соснами, обустроились на одном из самых красивущих нашенских местечек: внизу поблёскивает, пожуркивает в омшелых валунах Жёлтый, из строевого сосняка тянет не опёкшимися на солнышке, не обрюзшими ещё, сочными маслятами, а дали, до самой Кромы, до ещё закутанных в дымку Гавриловских садов. А на противоположном угоре, за ольшаником и вербачом, — рощица. Берёзовая-а! Увенчанная золотыми, пронизанными солнцем шатрами, словно церква куполами.

Частьенко на выставках картин у дочери спрашивают, мол, где это она отыскала для своих пейзажей такие красоты. «И ходить-то далеко не надо, — улыбается Аня, — места — исконно русские, Орловщина, моя родина».

Отойдя порядочно от деревушки, обустроившись на подваленной вешними ветродуйными грозами берёзе, — вся округа на ладони — просидела я, глядя на разгорающийся день, почти до полудня. Но даже под лучами восходящего солнца невозможно было согреться, мелко знобило. То ли из-за отцовских воспоминаний, из-за поминутно сменяющихся, один за другим, образов игинских мужиков с их домочадцами, с их крестьянскими судьбами, а может быть, от невыносимости ощущения, мысленного и созерцательного, обезлюдивания, опустошения этого одного из живописнейших уголков России, которым бы гордиться и гордиться, лелеять и холить его земли, беречь его пахаря. Как не возникнуть на сердце полыннной горечи?

И вдруг я снова обрела время, словно из какого-то провала чётко выплыло: лето 2015... Если уже сейчас на многие вёрсты — ни души... Волком взвоешь! Что же будет с моей землёй дальше?.. Не чужак и приبلуда на этой земле, потому и захлестнули мучительно-неизъяснимые горе и обида — ничего и никого уже не воротить, время набирает ход, устремляется вперёд, и только вперёд, ни тормознуть, ни, тем более, остановить.

Ещё десяток лет — и прощевай! Осыплются прахом, как сгорают к Покрову игинские леса, стены последних хуторских домишек, порастут дурман-травой да глухой крапивой,

словно никогда ни хуторка Игино, ни самого села Кирово Городища и вовсе не бывало. Запропало Божье место!

На подступах к Копытцам заворковало, небо там, вдали, стало набухать, и из ясно-фиалкового обернулось в сизо-сливовое. Облака, словно диковинные голодные звери, принялись перелаиваться и ринулись наползать на Игино. Дружок держит ухо всегда остро, не кутёнок молочный, — пригасил радость, зачуяв неладное, первый рванул без пути с откоса, гроза для него, уже проверено, — самое разнелюбое дело, такое, что просто не приведи Господь.

Хлёсткие капли не остудили разгорячённых мыслей моих, а наоборот, подтолкнули, дали волю накопившимся слезам. Порывы ветра и ливень перекрывали мои рыдания. О канувшей в Лету русской деревне, о по горло засыпанном роднике, о роде-племени моём, о себе ли, о потомках ли надрывалась моя исхворавшаяся душа?

5

На крыльце стоял густой запах вошины. Отец, как ни в чём не бывало, неторопко, без суеты, со знанием дела (на руку ещё крепок, движения отглажены и отшлифованы временем), отодвинув к краю стола мамины бальзамины, готовил свежие рамки (первые, как обычно, к Престолу, Сергову дню, откачали). Несколько пчёл спокойно-натруженно ползали по стёклам, мирно кружили под потолком. Казалось, старик настолько увлечён своим любимым занятием, что вовсе не слышит разбушевавшейся природы, всё у него идёт обыденным чередом.

Отцовский душевный покой и прямота сердца, да ещё — домашний лад опять сделал своё дело: через пару минут, переодевшись в сухое, я уже отходила под его спокойным, ясным взглядом, слушала его мягкое журение, мол, надо же было в такую даль забраться, ай забыла: на носу Ильинки, без сапог и плаща — со двора ни ногой.

Конечно, от него не ускользнули мои покрасневшие глаза, припухший нос, но старик мой, хоть и охочий на речи, настолько мудр, что, когда надо, чтобы не попасть впросак, может себе позволить не задавать лишних вопросов, не лезть ко мне в душу.

А о чём расспрашивать-то? Давно и всё насквозь отец обо мне понимает и знает. И не только обо мне. Порою кажется, что с годами ему всё больше постижимы не каждому ведомые откровения. Обладая большим багажом знаний, имея за спиной нелёгкий крестьянский опыт, на склоне лет — восемьде-

сят первый на Рождество разменял — хранит он в своём уме и сердце что-то такое, чего мне пока не постичь, до чего я ещё не дошла, а может, и вовсе не осилю до этого, наиважнейшего, дотянуться. А так хотелось бы! Мне было его уверенности! Чтобы и мои дети рядом со мной обретали равновесие, чувствовали во мне опору и надежду. Можно сказать и так. Но самое главное — чтобы во мне копилась год от года, не проскользнула мимо моей души мудрость моих пращуров, чтобы по силам было мне не растерять её и передать своим детям.

Последние порывы дождя задохнулись, сшуркнули по макушкам клёнов, скатились в пойму, затарабанили по Свободновскому полю, накинулись на притихшую деревеньку Выдумку. А прямо над игинским полем зацепившись, словно за гвоздик, за солнечный лучик, повис расшитый пёстрыми мулине* рушник. Один конец его утирал промокший до ниточки Ярочкин лесок, другой канул самотёком где-то на росстанях.

С улицы пахло метиолой, цвигикали ласточки. От земли поднимался пар, искрились умытые кусты и травы.

Увлекаясь какой-нибудь работой, отец любит напевать, скорее, намурлыкивать себе под нос. Вот и сейчас, чтобы не дай Бог не соблазниться запытать меня вопросами, он завёл свою «Самару-городок». Всем своим видом старик показывал: хватит-де кукситься, словно выпила вчерашний чай, надо жить! Жить взахлёб! Делать обыденные вещи: радоваться окончанию ненастья, позвонить детям, дозваться, наконец, их в гости, перечитать для отрады души ещё разок новоскую «Луговую овсяницу», закончить начатую повесть. Да мало ли дел накопилось и ещё соберётся впереди?!

С крыши сбегали последние струйки, рассыпались, бились в мелкие склянки об утрамбованную стёжку, о прикрылечный каменный порожек. Но в воздухе не ощущалось сырости. Высветлилось за окнами, просветлело на душе, снова коснулась окаменелого сердца моего благодать Божья. Вызолотилась необычно лёгкая тишина, только в лужах радостно чупахались мокрые воробьи и голуби.

Повязав миткальную косынку, выпорхнула с крыльца, увитого завитушками дикого винограда и лиловыми венчиками повители, прошлёпала в резиновых полсапожках по шумному потоку, несущемуся через наш двор с маковки Мишкиной горы мимо уже воспрявших от ливня тёмно-зелёных шаров задичалых гортензий, за расшагаканные вет-

* Мулине (фр.) — пряжа для рукоделия (ред.).

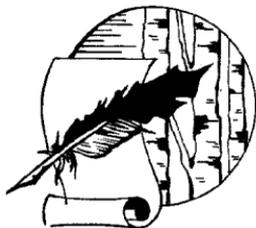
ром ворота. Сдёрнула с верёвок растерзанное ливнем, обвисшее — тряпка тряпкой — бельё. Некогда в кулак зевать, охать да в затылке чесать — срочно переполоскать!

И ещё — перемыть полы и окна, наварить зелёных щей (под угором приметила: отавой молодой щавель облистился), затеять из «вальцовки» к Спасу яблочные пироги.

И вообще — после уборки картошки, по бабьему летцу, пока будут вставать погожие зори, перетряхнуть узелки с житейским добром, поменять бы обои, подмазать надтреснутый печной зев, подкрасить потускневшие резные наличники и рамы... Наконец, отослать сыну, укатившему два месяца назад во Вьетнам, недавно написанное письмо:

*Летаешь по белому свету
И сам не знаешь, что ищешь.
А в Кирово — Царское лето,
В прадедовом Городище.
А в Кирово — вновь сентябрины,
И градом — тёрень по крышам,
И горечью спелой полыни
Просёлочный ветер вышит.
Ах, брось ты забаву эту —
Искать где-то за морем долю.
Дороже, поверь мне, нету
Рожавшего хлебушек поля.
Приедешь и по теплыни
На сене в сенях заночуешь.
Здесь, на мужицкой перине,
Всю память землицы почуешь.*

*Подшалком полночным, сурьяным,
Укроет затихшая ночь,
И птица-тревога в бурьянах
Вскричит, басурманская дочь.
Столетия помчатся, засвищут,
И в сон переплавится бьель:
Горит над Кромой Городище,
И кровью кропится ковыль.
А ворог — несметною тучей,
И края-конца не видать!
О, сын! Несгибаемый русич!
Тебе ли к седлу привыкать?..*

Михаил ЛОКОЩЕНКО

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

НЕБЕСНЫЕ СТРАННИЦЫ

Из ниоткуда в никуда,
Скользя по краю вечной Леты,
Летят уставшие кометы
И исчезают без следа.

Лишь краткий миг они видны —
Когда проносятся гурьбою
В полночном небе над тобою,
Под ликом плачущей Луны.

И будет новый дан отсчёт
Судьбе, и времени, и срокам,
И жизнь в скитанье одиноком
Рекою дальше потечёт.

Лишь через сотни долгих лет
Одна из них опять вернётся —
И твой потомок улыбнётся,
Увидев в небе яркий след.

25 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА

В тот чёрный день зимы, когда спустили флаг,
Бессильны были мы, царил кромешный мрак.

Покорно на убой родная шла земля,
Глупцы тогда гурьбой толпились у Кремля.

Ты помнишь, как они, ликуя и смеясь,
В безумные те дни наш флаг топтали в грязь!

Подонок пьяный ржал в похмелье, как в дыму,
А красный флаг лежал, не нужный никому.

Боль выпита до дна. Лишь на гербе монет —
Убитая страна, которой больше нет.

ПЕРСОНАЖ

Герой послушно шёл по книге —
На пепелище нюхал дым,
Носил тяжёлые вериги,
Стал измождённым и седым.

В сыром бараке мёрз ночами,
Долбил лопатой вечный лёд,
И был фунт лиха за плечами,
Но автор звал идти вперёд.

Ты подожди ещё немного! —
Просил писатель. — Потерпи!
И надо было из острога
Бежать по выжженной степи.

Потом пришлось герою красться
И не показывать лица...
Он верил — всё ему воздастся,
И ждал счастливого конца.

Шла за страницей страница —
Мелькали сёла, города.
Ему хотелось за границу,
Но не пустили бы туда.

Герой устал уже скрываться,
Он заболел и отошал,
И даже стало забываться,
Что автор счастье обещал...

В больнице дождь стучал по крыше
И было не на что смотреть,
Как вдруг раздался голос свыше:
Теперь ты должен умереть!

Как умереть, когда так много
Ещё незавершённых дел?!
А та девица-недотрога?
Ты познакомить нас хотел!

А не родившиеся дети
И моря тёплого прибой?
Но автор весело ответил:
Всё это будет не с тобой!

Так в книжном выдуманном мире
Сразил героя злой обман.
И в тишине, в своей квартире
Писатель дописал роман.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Над старой каменной стеной
Сиял нам свет звезды вечерней,
Как вдруг за службою вечерней
Ворвался ветер ледяной.

Под звон разбитого стекла
Звезда качнулась и погасла,
И по лампадке капля масла
Слезой прозрачною стекла.

ПЕШКИ

Когда на шахматном просторе
В борьбе намечен перелом,
Когда фигурам нашим — горе,
И нас теснят со всех сторон,

Когда чудес уже не будет,
И всё почти предрешено,
Мы, пешки, маленькие люди,
Должны держаться всё равно!

Когда трубят тревогу трубы
И тень чернее от лица,
Дай Бог нам крепче стиснуть зубы,
Чтоб не сломаться до конца

И продержаться до рассвета
На клетках шахматных полей.
Ведь пешки не меняют цвета!
И не бросают королей.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Где ты, ангел-хранитель?
Потерялся, исчез...
Разве порваны нити
До высоких небес?

Ты ведь многое значишь,
Но тебя не найти...
Почему ты не плачешь,
Что я сбился с пути?

Почему не поможешь
Побороть миражи?
Может быть, ты не можешь?
Ну, хотя бы скажи...

ПУСТОТА

Пустота возникнет ниоткуда
Маленьким, бесцветным пузырьком —
Явится невиданное чудо
И начнёт расти как снежный ком.

Будет пустота сначала точкой —
Крошечной, не видной в микроскоп,
А потом распухнет круглой бочкой,
Собранной без обруча и скоб.

Где-то в глубине больного тела,
Рост его примерив на себя,
Пустота свой танец завертела
И кружится, плоть твою губя.

Клетки все живые поедая,
Пустота танцует и поёт,
И больное тело, увядая,
По куску себя ей отдаёт.

Где твои былые дни и ночи
И забытых чувств горячий жар?
Ты теперь — пустая оболочка,
Полая, как выкачанный шар.

КОНЕЦ СПЕКТАКЛЯ

Спектакль окончен, сложены кулисы,
На сцене опустевшей гаснет свет —
Бредут домой уставшие актрисы,
И перевоплощенья больше нет.

Старинные кокошники и лапти
Ночуют в реквизитных сундуках,
И зрительские слёзы в третьем акте
Давно уже засохли на щеках.

А дома ждут обычные заботы,
О чём не пишут в пьесах никогда —
Как растянуть получку до субботы,
И будет ли горячая вода.

Останется ли в памяти кого-то
Игра в чужую жизнь, в чужую смерть?
Какая это странная работа —
Страстями колебать земную твердь.

АВТОБУС

На зов огней манящих, ложных
Всю жизнь нелёгкая несёт,
И на колдобинах дорожных
Нас то качает, то трясёт.

И ты сидишь вполоборота
У пассажиров на виду.
Водитель! Здесь, за поворотом,
Останови! Я тут сойду.

Как безразличны эти лица,
С кем разделил ты долгий путь.
И надо всем бы поклониться
И подарить им что-нибудь,

Махнуть рукою на прощанье
И улыбнуться уходя,
В ответ услышав лишь молчанье
Под шум холодного дождя.

Как позабытое виденье,
Автобус вдаль навек уйдёт...
Твоё согретое сиденье
Нетерпеливо кто-то ждёт.

ФИКУС

Комнатушка — как клетушка
Серая, немытая.
Здесь жила одна старушка,
Богом позабытая.

На осколках прежних дней
Счастья нет ни крошечки,
Был лишь фикус вместе с ней —
Свет в её окошечке.

Всё звала его, любуясь, —
Миленький дружок.
Покупала, не торгуясь,
Для него горшочек.

Открывала часто душу,
Что-то вспоминая,
И внимательно он слушал,
Не перебивая.

Были беды и победы,
Все — в положенный им срок,
Были дети, всё на свете,
А остался — лишь цветок.

И, дойдя до крайней точки,
Заболев в последний раз,
Всё смотрела на листочки,
Что так радовали глаз.

Радость призрачна и зыбка,
А последняя — вдвойне:

Только — тихая улыбка
И дружок на окне...

Дни прошли, пошли недели,
Как в пустыне, без воды.
Листья медленно желтели,
Словно вестники беды.

А потом они устали,
Да и жить уж ни к чему:
Молча падать листья стали —
Снизу вверх по одному.

На постели, высыхая,
Тело мёртвое лежит.
Рядом палочка сухая
Его тихо сторожит.

Одиночество любое —
Словно призрак без лица.
Кто-то должен быть с тобою
И остаться до конца.

г. Москва

Ольга КОЗЛОВЦЕВА

ЗАБЫТЫЙ СЛЕД

* * *

Я из той деревни родом,
Где окно в окно дома
И река за огородом,
Как в награду, всем дана.
Где во ржи среди колосьев
Заблудились васильки,
И куда всё время в гости
Приглашают земляки.
Там, за низеньким порогом,
Расстояний скину груз.
Я из той деревни родом,
Где живет доселе Русь.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

За бесценюк свой дом отдали,
Не смогли мы его сберечь.
Наклонилась сирень в печали,
И цветной полушалок — с плеч.
Но с огнем воевали щепки,
Не хотел догорать сундук.
Мы искали себе прощенья,
Топора провожая стук.
И не стали мы жить богаче,
Только память открыла суд.
А березы обиду прячут
И меня на свидание ждут.
Во дворе и темно, и пусто.
Одинокий фонарь притих

И следит за дорогой грустно
В ожиданье шагов моих.
Сколотить бы сундук дубовый
Да насыпать туда монет.
Мне купить бы свой домик снова
Да найти там забытый след.

В СЕЛЕНЬЯХ РУССКИХ

В селеньях русских и поныне
Живут Иваны и Марии
Среди нужды и состраданья
Хранят народные преданья.

За модой не бегут вдогонку,
Пьют молоко и самогонку,
Поют и плачут под гармошку,
Пытают счастье понемножку.

Встречают с петухами весны,
Шагами измеряют версты,
Пасут коров, растят пшеницу
И не мечтают о столице.

Живут открыто без интрижек,
Чтут стариков, плодят детишек,
Жалеют кошку и собаку,
По мелочам не лезут в драку.

Обид не помнят, верят в сказку,
И куличи пекут на Пасху.

РЯЖЕНКИ

С косичками, с кудряшками,
Румянец на щеках,
Идут девчонки ряжские
На тонких каблучках.
Проходим улыбаются,
Им весело до слез.
Никак не получается
Ответить на вопрос

Простой, но удивительный,
Волнующий девчат:
Коль ряжские мы жители,
То как нас величать?
Москвички и рязаночки
Давно известны всем,
А жительницы ряжские
Запутались совсем.
Выходит, что мы ряженки!
Звенит девичий смех.
Накрашены, наряжены,
На свете лучше всех!

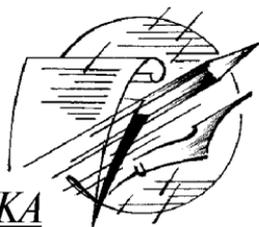
г. Ряжск Рязанской обл.

НАИВНЫЙ ПАТРИОТИЗМ

Самое простое определение патриотизма — это любовь к Родине. Кто хочет блага своей стране и своему народу, тот и есть патриот. И не так уж и важно, что такой человек говорит о патриотизме, причисляет он себя к патриотам или нет — объективно, он является патриотом, потому что переживает и болеет за судьбу своей Родины и своего народа.

Но так как любое общество весьма неоднородно по интеллектуальному развитию своих членов, то и понимание патриотизма очень разнится от человека к человеку. Патриотизм разумного интеллектуально развитого человека, человека хорошо образованного и хорошо осведомлённого, естественно, сильно отличается от патриотизма человека невежественного.

Конечно, и это вполне естественно, что и интеллектуальный человек, и человек интеллектуально слабо развитый могут одинаково страстно любить свою Родину. Однако любовь к Родине, основанная на знаниях, неизмеримо ценнее для страны, чем любовь невежды. Почему? Да потому, что любой умник может «надуть в уши» неучу всё, что угодно,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

извратив любые факты, и разрушить, таким образом, его наивный патриотизм.

Не стали ли Советский Союз жертвой таких умников, которые «надули в уши» всем советским людям извращённые взгляды на родную страну, обозвав их при этом совками? И не был ли наш советский патриотизм — патриотизм почти всех советских людей — наивным, раз мы так просто согласились с потерей своей Родины?

Да, подавляющее большинство советских людей голосовало за сохранение обновлённого Советского Союза, но раз никто из нас не встал с оружием в руках на защиту Советской власти — какой же тогда был у нас патриотизм? Наивный! Не патриотизм вовсе, а так — ни то, ни сё.

Мы позволили себе усомниться в правоте нашей Родины — пошли на поводу у тех, кто «открывал нам глаза» на историю нашей страны. И наш советский патриотизм буквально испарился под напором «новых фактов», умело подброшенных нам политическими манипуляторами. Советский патриотизм оказался патриотизмом наивным, формальным, невежественным. Патриотизмом, не способным отличить правду от лжи, не способным сохранить родную страну от распада.

Да, советские люди создали самое мощное государство в мире. Да, советский патриотизм был действительно когда-то самым настоящим боевым патриотизмом, сумевшим отстоять нашу страну в самой страшной войне в истории человечества. Но со второй половины XX века советский патриотизм стал изменяться, превращаясь в пустую формальность, — он деградировал вместе с деградацией общественных наук в СССР, вместе с деградацией гуманитарного образования. И со временем советский патриотизм стал патриотизмом наивным, основанным не на подлинных знаниях и убеждениях, а на звонких лозунгах и на пустом словоблудии.

Советский патриотизм, строго говоря, всегда был во многом наивным, но он выручал страну до тех пор, пока идеологическая борьба велась учёными-идеологами на страницах научных журналов и толстых книг. Но как только идеологическая борьба посредством средств массовой информации со второй половины XX века выплеснулась на головы обывателей, советский наивный патриотизм стал объектом тотальной агрессии со стороны западного либерализма. Западная либеральная пропаганда всеми возможными способами стала пытаться влиять на убеждения, вкусы и настроения жителей стран «социалистического блока». Через печать, радио, телевидение, музыку, моду, развлечения, кинофильмы,

рекламу шло активное воздействие на культуру стран социализма. А так как в Советском Союзе перестали заниматься развитием коммунистической идеологии со времени правления Хрущёва, превратив её в догму, наивный патриотизм советских людей стал постепенно наполняться ценностями западного либерализма. И наивные советские патриоты под напором нахлынувших на них со стороны Запада «взглядов» со временем настолько потеряли жизненные ориентиры, что стали инертными наблюдателями развала своей великой страны.

Наивные представления о месте и роли идеологии у высших партийных руководителей в послесталинский период советской истории привели к перерождению верхушки коммунистической партии в мелкобуржуазном духе. Партийные бонзы были настолько далеки от идеологических вопросов, что совершенно перестали понимать суть марксизма. Например, они представляли себе коммунизм крайне примитивно — как аналог американского «общества всеобщего потребления». Неудивительно, что витрина европейского мира стала казаться таким коммунистам «почти что коммунизмом». О какой марксистской идеологии можно говорить, когда советская коммунистическая элита всерьёз восхищалась «шведским коммунизмом»? Так что ликвидация Советского Союза произошла сначала в сознании высшего партийного руководства. Именно наивный патриотизм коммунистической элиты Советского Союза оказался первой жертвой западной либеральной пропаганды, превратившись в неразумный патриотизм, который прямо повёл СССР к распаду.

Патриотизм, сформированный на неправильной идеологической основе, никогда не защитит страну от информационной агрессии со стороны её врагов, внешних и внутренних. Что и произошло в СССР в период перестройки и гласности. Можно сколько угодно бить себя в грудь, крича о своём патриотизме, но если знания человека ничтожны, любой умелый манипулятор сможет переубедить его, навязать ему противные его Родине взгляды.

Наивный патриотизм основан скорее на чувствах, на слепой вере, а не на глубоких знаниях истории, политики, экономики. Это патриотизм абсолютного большинства населения любой страны. И такой патриотизм вполне достаточен для успешной жизни страны, но только в условиях мира с соседями по планете, когда никто из них не замышляет ничего плохого. И наивный патриотизм был совершенно достаточен для существования стран на протяжении большей части истории человечества.

Всё стало меняться в XX веке с развитием средств массовой коммуникации. И после того, как средства массовой информации стали активно влиять на взгляды огромных людских масс, в мире развернулась широкая идеологическая борьба за умы. И теперь, в XXI веке, в условиях гибридных войн, патриотизм стал объектом нападения точно так же, как, например, экономическая инфраструктура. Любую страну теперь можно разрушить не только с помощью военных средств, а просто внушив гражданам противной стороны соответствующие идеи. Можно теперь так воздействовать на их наивный патриотизм, чтобы они сами захотели разрушить свою собственную страну. Не так ли было покончено с Советским Союзом?

Кто в ответе за наивный патриотизм? Конечно же, государство, которое должно стоять на страже интересов страны, которое должно заботиться о благополучии своих граждан. То есть, государство должно заниматься формированием у людей разумной патриотической позиции, если заинтересовано в самосохранении. Если система образования страны занимается только «образованием» — передачей знаний подрастающему поколению, но не учит отличать истину от лжи в историческом опыте человечества, патриотизм выпускников школ не может не быть наивным. И рано или поздно такое государство становится жертвой умелых манипуляторов историческими и политическими фактами.

Система среднего образования страны должна, во-первых, формировать настоящий (разумный) патриотизм у всех без исключения молодых людей, и только во-вторых — готовить их к профессиональной деятельности. Ведь если не уделять должного внимания формированию разумного патриотизма, будет формироваться патриотизм наивный, который легко можно превратить в патриотизм либеральный, разрушающий родную страну. И тогда государство гибнет, раздираемое гражданской войной. И кого волнует тогда уровень образования режущих друг друга граждан? Кому тогда какое дело до того, хорошие они специалисты или нет? На поле боя все едины — и неучи, и спецы!

Если система государственного образования не занимается воспитанием разумного патриотизма, этим воспитанием занимается либерализм. И тогда государство обречено на развал и уничтожение, как Ливия или как Украина.

Являются ли российские либералы патриотами России? Конечно, являются! Даже несмотря на то, что отрешиваются от этого понятия. Либералы — действительно патриоты своей страны, так как говорят всегда, что хотят блага для

России, хотят видеть её в составе «цивилизованных стран», хотят «лучшей жизни для народа». Они искренне и горячо любят свою Родину и не жалея себя готовы бороться за то, чтобы избавиться её от коррупции, произвола чиновников, от ксенофобии и невежества. Они борются за то, чтобы родная страна стала, наконец, «нормальным европейским государством», правовым и демократическим. Чтобы она «не противопоставляла себя всему миру», а немедленно помирилась бы с Европой и Америкой, признав свою неправоту и их критику.

Почему же такая позиция вызывает сейчас резкое отторжение у населения России? Разве можно быть против мирных и добрых отношений со всеми «цивилизованными странами»? Разве любой нормальный человек будет выступать за коррупцию и чиновничий произвол, за невежество и ксенофобию? Конечно же, нет! Любая нормальная страна, желающая благополучно жить в мире со своими соседями должна, казалось бы, поддерживать таких патриотов, как российский либерал. Почему же этого не происходит?

А не происходит этого потому, что, слава Богу, россияне кое-чему научились, потеряв, правда, в этой учёбе Советский Союз. А получили мы свой горький опыт, когда поверили прекраснодушным коммунистическим либералам, поведавшим однажды советскому народу, что «так жить нельзя». Нам сказали, что надо бы жить лучше; что надо бы провести перестройку, чтобы «начать» жить лучше. Нам, советским людям, сказали наши коммунистические либералы, что «нужно вернуться к Ленину» и очистить государство от Сталина, коррупции, лжи и невежества.

И советский народ поверил краснобаям из ЦК КПСС. Ну как же не поверить, если всегда в СССР существовала только одна правильная точка зрения — партийная? Советский народ полностью доверял коммунистической партии, её лидерам, не подозревая о том, что «партия народа» способно обманывать население страны. Нас долго и жёстко учили, что партия коммунистов всегда честна перед своим народом. Разве могли наивные советские люди подозревать, что именно коммунистическая партия выродилась настолько, что выступит главным обманщиком?

Разве могли мы подозревать, что интеллектуальная импотенция в руководстве партии достигла такого уровня, что даже Генеральный секретарь ЦК КПСС превратился в главного сторонника либерализма, стал основным разрушителем «страны развитого социализма»? Что там современные российские либералы, когда сам Михаил Сергеевич спал и ви-

дел «перестроенный» Советский Союз «лучшим другом Америки и Европы!»

Но либеральные представления, какими заразилось поспеенно население СССР, начиная с членов Политбюро, оказались лживыми, так как привели, в конце концов, не к благоденствию, а к разрушению страны. Население России, потеряв СССР, получило жестокую прививку от либерализма, ясно осознав либерализм как идеологию разрушения. И пока жива в российском народе память о величайшей трагедии уничтожения великой страны, либерализм в России не пройдёт! Пока будет жива память об этом...

Российские современные либералы не понимают (или не хотят понимать), что их стремление европеизировать Россию, сделать её «нормальной европейской страной», ведёт к её распаду и уничтожению. Поэтому патриотизм российских либералов, искренне желающих блага России, есть патриотизм неразумный, на самом деле разрушающий страну до основания. Ведь подлинный патриотизм никогда не предполагает распада и разорения страны, обнищания народа.

Да, т.н. либералы любят Россию, «но странную любовью». Они изо всех сил тянут страну в Европу, соглашаются со всей критикой России западными идеологами, идут на всяческие уступки атлантическим «друзьям России». Но они в большинстве своем не способны понять, что все их попытки осчастливить Россию, сблизая её с Западом, служат одной цели — ее уничтожению. Цель Запада на протяжении многих столетий — ликвидация России, хранительницы православного сознания, которое в корне противоречит европейской либеральной картине мира.

И российские либералы всех веков Нового времени упрямо шли по пути кровавого слома центральной власти в стране. Заражённые либерализмом русские дворяне в 1825 году, народовольцы 1881 года, эсдеки первой «русской» революции, февральские интеллигенты и октябрьские большевики (пролетарские либералы) 1917 года — все они были патриотами России, все они хотели счастья России, но шли к этому счастью через преступления, кровь и разрушение страны.

Тупость либерального патриотизма в том, что либералы видят только «простые решения» — «разрушим до основания, а затем...» При этом либералы не хотят «просто» ежедневно честно и упорно работать на благо Родины. «Но ведь это же так тоскливо!» — кипит их возмущённый разум.

«Лишние люди» заплонили Россию уже в XIX веке — те, кто отказывался просто и честно работать на её благо, поскольку европейский либерализм внушил этим молодым

людям, что России служить нельзя, потому что, мол, «прислуживаться тошно». Как будто в Европе подхалимства не существует вовсе и лизоблюды в Европе отсутствуют! Превратные представления о России, генерируемые европейским либерализмом, калечат умы наивной молодёжи во все времена, делая её враждебной родной стране.

И здесь мы подходим к главным вопросам нашего времени: почему и как происходит перерождение неглупых, в общем-то, людей во врагов собственной страны? Почему либеральные взгляды продолжают калечить людское сознание, и до каких пор это будет продолжаться? Почему люди становятся жертвами западной либеральной идеологии, принимающими на веру всё то, что она им внушает?

Молодая душа очень чувствительна к малейшей несправедливости. А молодые люди остро чувствуют несправедливость. И если в этот период молодой человек с наивным патриотизмом, знакомится с либеральными идеями, он, не имея возможности узнать правду, может стать их сторонником. И если школа не даёт детям должного понимания сложности мира, тогда «простые решения» либерализма овладевают неокрепшими умами.

Ничто так не будоражит неокрепшие умы и души, как «беспроигрышные темы» либерализма: коррупция, честные выборы, экология, а теперь ещё и «чистота спорта». И в качестве решения всех проблем либералы дают один-единственный ответ — «свержение диктатуры».

Что бы ни говорили либералы, что бы они ни делали, чем бы ни занимались, речь всегда идёт о разрушении России, поскольку либерализм в корне противен православным духовно-нравственным ценностям русской ментальности.

Либерализм за 500 лет Нового времени, начиная с эпохи Возрождения, подчинил своему влиянию почти всю планету и привёл мир к современному системному кризису. Если ничего не противопоставить либеральной идеологии, она и будет со временем определять новые нравственные ценности у населения страны, которые приведут к распаду России. И если мы хотим сохранения и развития России, то главным вопросом современной повестки дня становятся вопросы идеологические — без разработки собственной идеологии развития наша страна неминуемо развалится под напором либерализма.

Подлинный (разумный) патриотизм возможен только на базе альтернативной либерализму идеологии, сформированной на основе российских исторических православных, духовно-нравственных ценностей. Без разработки такой идео-

логии любой патриотизм будет в большей или меньшей степени наивным, падким на «ценности свободного мира», склонным к заигрыванию с либерализмом.

И вот здесь обозначается главная проблема разумного патриотизма: настоящий патриот, убеждённый в своей правоте, готовый отдать жизнь за свою страну, должен знать правду, должен понимать, когда на его Родину клеветают, должен уметь отличать правду от лжи, должен уметь различать клевету и критику. Вот и получается, что без твёрдых знаний мировой истории, мировой политики подлинный патриотизм невозможен. Без твёрдых и обширных знаний о мире патриотизм всегда есть патриотизм наивный, ущербный.

Нельзя теперь государству не заботиться о патриотическом воспитании подрастающих поколений, поскольку наивный патриотизм не имеет логического обоснования. Наивный патриотизм не основан на знаниях, поэтому становится объектом различных либеральных спекуляций, имеющих целью сделать его патриотизмом безграмотным, разрушающим свою страну под предлогом борьбы за демократию и прогресс.

Система образования страны, опираясь на русскую идеологию, должна будет взять на себя ответственность по формированию у молодёжи подлинного (разумного) патриотизма. Только таким путём можно защитить Россию от скатывания в либеральный капкан. Только так можно сохранить страну от распада и уничтожения. Только так можно уверенно строить успешное будущее России.

Вот почему невозможно переоценить значение идеологической проблематики в современных условиях — **без собственной русской идеологии успешное сохранение и развитие страны весьма проблематично.**

Однако разумный патриотизм, действенный и активный, полезный и необходимый для успешного развития страны, встречается не так уж часто, к сожалению. Для этого человек сам должен приложить некоторые усилия в познании различных сторон жизни общества и государства. Вот почему система образования должна давать молодым людям широкие разнообразные знания, чтобы люди не были профанами, которыми можно легко манипулировать. И делать это необходимо на основе альтернативной либерализму идеологии развития так, чтобы наивный патриотизм, наполняясь знаниями о мире, о стране и основываясь на ценностях русского мира, становился подлинным разумным патриотизмом.

ПРЕДВЕСТИЕ БУРИ

РАССКАЗ

1
Великое княжество Финляндское... Прямо под боком столицы огромной империи расположилось почти независимое государство со своими законами, устройством, валютой, обычаями, порядками и даже со своим правом не выдавать России преступников. Поэтому здесь любили укрываться те, кто не ладил с властью, — от эсеров-террористов, убегавших в Финляндию после очередного покушения, до депутатов Государственной Думы. «Думы народного гнева», как её прозвали с чьей-то лёгкой руки. 9 июля император распустил её своим манифестом, но не так просто оказалось покончить с народным гневом. Недовольные депутаты прямиком отправились в Великое княжество Финляндское — и из Выборга призвали народ к гражданскому неповиновению: не платить налогов и не идти на военную службу. Они бросили вызов государству, после чего, к счастью для государства, разъехались по курортам и дачам. Так было принято в их годовом жизненном цикле, а у некоторых и дачи стояли рядышком — в Великом княжестве Финляндском, среди озёр, сосен, близ мелкого северного залива и прибрежных дюн...

Июль — мёртвый сезон. Только не в 1906 году.

ПРОЗА

Ну, наконец-то он может спокойно провести с семьёй несколько недель в этом городке на берегу залива, с некоторых пор облюбованном русскими дачниками. Позади самый бурный год его жизни, в общем-то, не богатой событиями. Гимназия, университет, неудачная попытка сделать научную карьеру (ему даже не посчитали нужным назвать иную причину отказа, чем происхождение) и куда более удачная карьера в частном земельном банке, где он дослужился до управляющего. А параллельно — годами тлевшее в душе чувство свершённой над ним несправедливости, политические споры и мечты в кругу товарищей — преимущественно университетских преподавателей, литераторов и юристов. В прошлом году эти люди, в том числе и он, составили ядро конституционно-демократической партии или партии народной свободы. Были выборы в Государственную Думу, победа, три месяца заседаний в Таврическом дворце, его речи по земельному вопросу, которые встречали овацительственных совещаниях и в крестьянских избах.

И вот — Дума распущена. Подготовленный им законопроект земельной реформы так и остался на бумаге. Фактически он вернулся к своей прежней жизни, будто и не было трёх месяцев славы. Уже несколько лет, в июле и августе, они отдыхали всей семьёй в этом дачном городке. Для евреев требовалось особое разрешение на въезд в Финляндию, но к нему запрет не относился. Он крестился много лет назад перед женитьбой на русской девушке. Сколько его отговаривали, сколько было потом насмешек о тщете отступничества: ему всё равно не видать учёных званий и профессорской кафедры — даром что продался «ляхам», как гоголевский сынку. А он ни разу не пожалел, что не отрёкся тогда от своей любви. Он и теперь любил эту женщину, любил мир, в который тогда вошёл, — хотя поначалу не очень желанным гостем.

Солнце, казалось, увеличилось в размерах, как это бывает перед закатом. Ему нравились прогулки вдоль моря. Часто по вечерам он уходил далеко за пределы городка, где пляжи сменялись неухоженными песчаными дюнами, поросшими сорняком. Кое-где крупные гранитные камни словно выпрыгивали из песка. Водные дали временами открывались в проёмах густых камышовых зарослей. А сразу за полосой берега начинался хвойный лес. Эта земля вообще была богата водой, соснами, песком и гранитом. Единственный след человека — проложенные через песок деревянные мостки... Он шел по ним, машинально поддерживая под руку милую видную девушку, так похожую на свою мать...

Сзади заскрипел песок. Кто-то торопливо приближался. Ему показалось даже, что он слышит дыхание. Хотя зачем идти по песку, если рядом удобные мостки? Или путнику нужно обогнать их? Он приостановился, чтобы дать дорогу этому незнакомцу.

А дальше два выстрела, ослепительное солнце...
Жизнь прожита без остатка.

3

На дорогу из леса вышел молодой человек. По виду — небогатый дачник на прогулке, разве что двигался быстрее и суетливее, чем принято в таких случаях. Вокруг никого не было. Да и кто бы его запомнил? Он и сам себя считал ничем не примечательным — низкорослый, с одутловатым лицом и растрепанными усами... И жизнь как-то не задалась — начиная от сиротского детства в доме дальних родственников и кончая недавним исключением из университета. Но сегодня он свершил настоящее большое дело, о котором через несколько часов закричат газеты...

Он миновал деревянную православную церковь, построенную лет пять назад, главным образом, для приезжих русских дачников. Свернул на пустынную улочку. Ёкнуло сердце — из-за деревьев он не сразу заметил запряжённую тележку. На козлах — круглолицый белобрысый парень, этакий чухонский Вейкко, из тех, что возили дачников по окрестным посёлкам. Молодой человек ускорил шаги и, вскакивая на тележку, поспешно бросил:

— Гони!

4

Как известно, волка ноги кормят. Репортёра же кормят и ноги, и руки, и уши, и глаза, и голова, и даже желудок, обязанный работать не когда ему хочется, а когда есть время у хозяина. Так считал молодой человек, забежавший под вечер в трактир, где любили собираться питерские журналисты. Политических предпочтений не было: здесь перекусывали и обсуждали новости сотрудники газет всех направлений, а также бойкие, циничные молодые люди, каких много в журналистской профессии, что вовсе не озадачивались «гражданской позицией», а писали во все газеты подряд — лишь бы их печатали и платили гонорар.

Звали репортёра Павел Каган, а в газете он подписывался «К. Павлов» и ещё другими псевдонимами, из которых по молодости лет пока не нашёл излюбленный. Он был штатным сотрудником довольно известной газеты Санкт-Петербурга,

но проводил больше времени в бегании по городу, чем в редакции. Ему нравилась такая жизнь — шустрить с утра до ночи. Хотя он знал, просто был уверен, что когда-нибудь возглавит собственную газету, усядется в редакционном кабинете, а шустрить будут для него новые поколения репортёров. И это исполнится именно тогда, когда станет ему нужно.

Сейчас он быстро и цепко оглядел зал трактира и подсел к столу, где Зотов, его товарищ по редакции, с аппетитом поглощал яичницу.

— А-а, это ты? — сказал тот полувопросительно, словно сомневался, что видит перед собой именно Павла, — Тебя редактор спрашивал.

— Зачем ещё?

— Статью ты должен — про «летучий отряд».

На днях департамент полиции разгромил «революционный летучий отряд». Так называлась группа боевиков, что несколько месяцев устраивала нападения на полицейских и экспроприации в пользу своей партии. Отряд действительно был «летучим», мобильно перемещаясь из города в город и везде заявляя о себе громкими преступлениями.

— Да я уж всё разузнал про них. Конспиративную квартиру выдал провокатор. На рассвете дом окружили. Была перестрелка, несколько раненых с обеих сторон... В квартире нашли шестерых мужчин и застрелившуюся девушку-еврейку. Всех уже опознали. Понятно, что их ждёт. Столыпин основательно взялся за террористов... Следовательно, раскрывший дело, представлен к награде. Но это уже не для прессы.

— Если сегодня не сдашь статью — она будет не для прессы, — подытожил Зотов — Кто через день вспомнит про этих боевиков? А у нас тут интересный казус случился. Утром в редакцию позвонил некто и сообщил, что в Финляндии убит бывший депутат Галесник. Кажется, одна московская газета поместила об этом информацию.

— Так что ж ты молчишь? Ничего себе казус... Москвичи знают, а мы нет... Это ж настоящая сенсация!

— Вот именно! Мы сразу бросились наводить справки... Галесник жив и здоров. Очередная утка. Хотя утка тревожная...

К столу подскочил половой, принес заказанные Павлом постные щи и чай. Молодой человек наскоро поел, разложил свои записи и занялся работой. Он привык писать в самых неудобных условиях, при шуме, наскоро, «на коленке», и, пожалуй, если б ему предложили солидный кабинет, — вместе с неудобствами ушла бы и часть вдохновения. Он заметил за соседним столом известного публициста — человека немолодого, очень успешного, которому Павел тайно завидо-

вал и чьих высот мечтал когда-нибудь достигнуть. Но, похоже, знаменитость имела такие же склонности — писать свои статьи среди шума и гама.

Прошло около двух часов. Павел заканчивал последнюю заметку. К знаменитому публицисту подбежал половой, почтительно склонившись, что-то сообщил. Публицист кивнул и поспешно направился в глубь зала. Павел опять задумался о заметке, которую, по его мнению, следовало завершить очередным ехидным вопросом к правительству. Но, кажется, на сегодня молодой человек исчерпал запас ехидства. Именно последнее предложение последней заметки никак не ладилось.

Торопливо, с необычно взволнованным видом, вернулся в зал публицист.

— Господа! — объявил он, разом перекрыв трактирный рокот — Мне только что сообщили... В Финляндии убит бывший депутат Галесник. Тяжело ранена его старшая дочь.

5

Этот год, как никогда, был богат на кровопролитие. Восстания, теракты и экссы, казни и погромы... Гибель ни к чему не причастных людей от нелепых взрывов и шальных пуль... Говорили, что в борьбе с революцией правительство скоро потерпит вторую Цусиму — сокрушительное поражение, как в войне с Японией. Но еще не случалось такого, чтобы убили депутата Думы, совсем недавно заседавшей в Таврическом дворце.

В образованном обществе имя Галесника не сходило с языков, журналисты путались в собственных версиях. Московская газета, напечатавшая новость о гибели депутата за несколько часов до события, отбивалась от распросов и допросов, ссылаясь на пущенный кем-то слух. Ранение дочери Галесника, единственной свидетельницы преступления, к счастью, оказалось лёгким. Врач забинтовал руку, задетую пулей, и с этой белой повязкой девушку видели на всех последующих церемониях. Она враз сделалась знаменитостью. Приглашения на заседания и вечера, интервью в газетах, комплименты и ухаживания мужчин, восхищение сверстников, словно это она, а не покойный депутат, выступала с сенсационными речами в Думе... Её уговаривали «продолжить дело отца», и она соглашалась, не озадачиваясь туманным смыслом призыва, всё принимая за чистую монету. В семнадцать лет люди редко имеют мозги. Ошеломлённая неожиданным поворотом судьбы, девушка словно не могла проснуться, не могла сообразить, что сенсации скоро придёт конец, а отца уже нет и не будет.

У вдовы поднятая шумиха вызвала горькую досаду. Она предпочла бы проводить мужа узким кругом родных и близких — в том городке, где он погиб. Но со всех сторон слетелись друзья и товарищи по партии и уломали её устроить пышную церемонию в Москве, обещая взять на себя расходы и хлопоты. Началась похоронная одиссея. По пути в столицу поезд с гробом останавливался на каждой станции. Толпы дачников с цветами и венками нетерпеливо дожидались его прибытия. Гремели оркестры. Перед поездом произносили речи и устраивали нескончаемые овации, требуя, чтобы вдова с детьми вышла к публике и сказала несколько слов приветствия. Младшая девочка стеснялась толпы и жалась к матери, зато старшая охотно взяла на себя бремя славы: выступала перед публикой, принимала цветы, соболезнования, а когда оркестр играл Марсельезу вслед уходящему поезду — подолгу выглядывала из тамбура, дирижируя перевязанной рукой.

Но вот незадача! После того, как гроб наконец-то прибыл в Петербург, выяснилось, что переправить его на Николаевский вокзал разрешено лишь ночью и без торжественных процессий. Это не устроило организаторов похорон — друзей и соратников по партии, и гроб вернули в Финляндию.

6

С гибелью знаменитого депутата в маленький финский городок, опрятный и домовитый, ворвался революционный сумбур. Павел прибыл туда накануне похорон. Все гостиницы оказались забиты постояльцами. В деревянной православной церкви одна за другой служились панихиды по убитенному Михаилу, причем каждый раз небольшой храм был полон. Место гибели депутата разыскивать не пришлось: участники панихиды перетекали затем к берегу залива. По дороге Павел прибил к компани, состоявшей из троих юношей и парочки летами постарше. Все они, кроме дамы, по очереди несли венки с надписью на красных лентах: «Пусть сильнее грянет буря! От пролетариев юга России». Правда, никто из них не походил на пролетария: плотный брюнет в пенсне, в светлом летнем костюме из коломянки, соплеменник Павла (по виду, адвокат средней руки), красивая, нарядная дама (тут уж пролетарским происхождением и вовсе не пахло — дворянка, небось), два плечистых, загорелых студента... Из всей компании мог сойти за рабочего один Ганя — неуклюжий молодой человек в пиджаке и вышитой косоворотке навывпуск, но он, как выяснилось, был земским учителем. Ганя оказался самым разговорчивым, намекнул с таинственным видом, что их компания прибыла в столицу

для важного дела, которое вынуждена отложить из-за громкого убийства... Он также похвастался, что им удалось снять втридорога часть дачи в окрестностях городка и пригласил туда заночевать нового знакомого. Брюнет тем временем в чем-то ревниво упрекал даму; кажется, его заботили дела отнюдь не политические. Павел решил их не трогать: довольно, что эти двое не возражали против его вселения под общую крышу.

Место убийства на берегу залива было завалено цветами и венками, песок и даже камыши — утоптаны. Стихийной трибуной служил гранитный валун, на который вскакивал любой желающий. Здесь стояли, прохаживались, раскланивались со знакомыми, собирались кучками многочисленные почитатели покойного. Преобладала «чистая» публика: русские дачники из окрестных посёлков, приезжие из Питера и Гельсингфорса — студенты, гимназисты, господа свободных профессий, немного мастеровых... Двое из них сразу подошли к «пролетариям юга России», приветствовали рукопожатиями, — видать, знакомцы. Берег залива не обошли присутствием также барышни и дамы всех возрастов, внешних и внутренних достоинств — с мужьями и детьми, с кавалерами, с подружками, с собачками и без оных. Шныряли в толпе и журналисты, коллеги Павла.

— Ну почему, почему его хоронят в этой дыре, а не в Москве или Питере? — возмущался румяный студент.

— Пишут, московский генерал-губернатор запретил... — пояснил тощий дачник с чёрным пуделем на поводке.

— Эх, Каляева* на него нет!

И хотя генерал-губернатор вовсе не запрещал похороны Галесника, собеседники дружно согласились, что отольются кошке мышьины слёзы. Поодаль жеманная девица, в окружении нескольких поклонников, декламировала декадентские стихи. Возле камышей осанистый бородатый господин с толстой книгой в руках воодушевленно разъяснял:

— Да, смерть во цвете лет может застать любого из нас. Задумайтесь, где вы тогда окажетесь, какая участь ждёт вас за гробом — спасение в Господе или вечная погибель?

Здесь же чопорно прохаживался знаменитый профессор, лидер кадетской партии и, как поведал Ганя, тоже местный дачник. «Пролетарии юга России» даже попытались нанести ему визит, но на даче им не открыли, пригрозив спустить собаку. Этот профессор был славен не столько лекциями и

* Иван Каляев (1877—1905) — террорист, убивший по заданию боевой организации партии эсеров московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

учёными трудами, сколько удивительной властью над образованным обществом. Заслужить его похвалу или даже обычное благосклонное внимание считалось большой честью и заметной помощью в карьере. Зато стоило профессору назвать любого из своих противников реакционером или черносотенцем, даже вовсе без оснований, — и, как по команде, виновник подвергался травле. Журналиста переставали печатать, профессор освистывался на лекциях студентами, врач или юрист оставался без практики... Павел невольно восхищался всемогуществом этого человека, и всё же ему порой приходило в голову, что не так, видно, умён его тёзка, знаменитый профессор, если раскачивает миропорядок, при котором только и возможно его процветание...

Нельзя сказать, что в толпе было много скорбящих лиц — скорее, приятно-возбуждённых, почти радостных. Приятно, что их так много, что они стали свидетелями и участниками исторических событий, приятно, что под ногами хрустели сохлые обломки камыша, а от воды веяло свежестью и запахом водорослей, что они могли открыто выражать свои мысли и чувства, а единственный финский полицейский нелепо торчал где-то в стороне от толпы... Да мало ли чему можно радоваться в тёплый июльский день... Несколько важных гимназистов собирали подписи и пожертвования для постройки памятника на месте убийства. Разносчики бойко торговали пирогами, мороженым и прохладительными напитками. Бледная барышня в строгом, совсем не летнем платье с кружевным воротничком, не то курсистка, не то гувернантка, купив целую связку баранок, застенчиво махнула ею в воздухе:

— Вот, товарищи! — воскликнула она — Угощайтесь... В память о Михаиле Яковлевиче...

Девушка даже порозовела от воодушевления. Хотя не всем понравилось обращение «товарищи», к баранкам сразу потянулись руки. Публика посчитала нужным одобрить ритуальную трапезу; обычные баранки, благодаря барышне, сразу сделались необыкновенными, не такими, как у других разносчиков. Кто-то протянул баранку и полицейскому, но на добряка зашикали.

— Мне стыдно, что я являюсь гражданином этой страны, жандарма Европы, где чёрная сотня безнаказанно убивает лучших людей! Пусть же очистительная буря повернёт дряхлый российский корабль с его пьяной и бездарной командой к берегам цивилизации! — вещал очередной оратор. В чёрном костюме, вдохновенно размахивая длинными руками, он и впрямь походил на некоего зловещего прорицателя. Бурю не бурю — а аплодисменты он вызвал. Хотя от бесконечных ре-

чей публика подустала, кроме «новичков», приехавших, подобно Павлу, на последнем дачном поезде, особые слова — «революция», «буря», «возмездие», действовали на толпу подобно электрическому току. Как по команде, разговоры стихали, головы поворачивались в сторону оратора, а руки невольно начинали аплодировать.

Павел крутился в толпе, слушал, расспрашивал, брал короткие интервью у знаменитостей и тут же, присев на камень, переносил свои наблюдения на бумагу. Он также обежал окрестные дачи в поисках очевидцев преступления и уже дважды посылал мальчишек на станцию — отправить телеграммы в редакцию. В очередной раз, вернувшись на берег, он застал на валуне брюнета, одного из «пролетариев юга России»:

— В своем Выборгском воззвании господина-кадеты призывали народ к гражданскому неповиновению. Что ж, может, ещё недавно это было бы и полезно. Хотя я слышал, что из всех подписавшихся лишь один депутат действительно отказался платить налоги...

— Небось, и про одного наврали!.. — крикнул Ганя. Мастеровые расхохотались и поддержали товарища хлопками. По публике пронёсся шумок.

— Неправда! — обиделась барышня с баранками.

— Вот господин профессор! Давайте его и спросим... — предложил один из студентов.

Но кадетский лидер уклонился от полемики, громко и наставительно заговорив о чём-то своём. К нему поспешил тощий дачник, волоча за собой пуделя, и вскоре возле знаменитости образовался плотный кружок почитателей. Мастеровые проводили их насмешливым свистом. Судя по всему, брюнет (даром что по виду адвокат средней руки) пользовался уважением среди этой братии:

— Дума разогнана одним росчерком царского пера, черносотенцы убивают прогрессивных депутатов. А господа-кадеты пытаются запугать царя бессильными ультиматумами. Бесполезно! Только Российская социал-демократическая рабочая партия...

Под хлопки и шиканье оратор вернулся к своей компании.

— Молодец, Моисей! В самую точку! — одобрила дама. Брюнет покраснел пуше барышни с баранками и с преувеличенной суетливостью стал протирать пенсне. Солнце всё быстрее откатывалось к горизонту, где его готовились поглотить тёмные облака. А на валуне уже возвышалась новая фигура:

— Место, где рука подлого убийцы настигла нашего товарища, станет священным для всего прогрессивного человечества!..

В ответ твякнул пудель, тщетно зазывая домой хозяина.

7

Короткий молодой сон под шум ночного дождя, обострившийся от влаги запах хвои, утренний чай на веранде из самовара, который принесла постояльцам дородная, улыбчивая чухонка... После завтрака Павел отдал ей свою долю за ночлег и в обществе Гани отправился на похороны. Накрапывал дождь. Хотя литургия, за которой следовало отпевание, едва началась, церковь оказалась битком набитой — в основном, однопартийцами покойного, которые в обычное время не отличались религиозностью. Огромная толпа с зонтиками, плащами и накидками дождалась начала похорон под открытым небом.

Вдоль паперти крепкой цепочкой выстроились юноши-распорядители, по преимуществу студенты, с траурными повязками на рукавах. Они сдерживали толпу, пропуская в церковь лишь избранных, кто предъявлял специальный билетик. Остальных отсекали, лишь Ганя каким-то образом проскочил сквозь этот живой заслон и успел выкрикнуть: «Товарищи, чёрная рука царизма выхватила из наших рядов...» Тотчас кадетские юноши-распорядители, жёстко наставленные пресекать любую крамолу, вывели его за ограду церкви.

Павлу тоже удалось пробиться вперёд, прямо к цепочке распорядителей. Его толкали, пытались оттеснить назад, но он не только не сдавал позиций, цепляясь за рослого студента, но и беспрестанно делал пометки в блокноте. Хотя политические флаги и транспаранты, по просьбе вдовы, были запрещены, в похоронной толпе шныряли мальчишки-газетчики и юноши с пачками листовок всех направлений. Слева от Павла мелькнули напоследок его знакомцы с юга России. Брюнет любезничал с дамой, услужливо держа зонт. К ним пробрался Ганя, бойко раздавая листовки РСДРП, что-то сообщил — и все трое поспешно скрылись, не прощаясь и больше не проявляя интереса к церемонии.

— Барин, нам бы в церкву пройти, — послышался просительный голос. Двое крестьян, бородач средних лет и круглолицый молодой парень, похоже, отец и сын, с двух сторон теребили рослого студента. Оба в суконных поддёвках, штаны заправлены в добротные сапоги (зажиточное семейство! бедняк, правда, и не смог бы приехать в Финляндию — тем паче в разгар летних работ), картузы почтительно сняты. —

Из Боровёнок мы... Из Заозерской волости прибыли, а нас в церкву не пушают...

Студент важно покосился в сторону мужиков, зато Павел оторвался от блокнота (интересоваться — было его профессией).

— Вот как? — обратился он к старшему — Так вы знали Галесника?

— Знали, — подтвердил тот — Всем Боровёнковским поселением газету читали.

— Учитель нам читал... — вставил парень.

— Какую речь сказал! — восхищённо продолжал его отец — Уж он тыкал, так тыкал мордой всех министров, как котов, когда они в чужую сметану заберутся!

Журналист понял, что слышит крестьянский пересказ знаменитого ответа Галесника по земельному вопросу двум министрам правительства. По голосу мужика было ясно, как он доволен, что министров потыкали мордой, ровно котов, и как благодарен за это покойному депутату. Да и не только в Боровёнковском поселении крестьяне обсуждали кадетский законопроект о земле, а теперь, как слышал Павел, целыми сёлами заказывали панихиды по убиенному...

Из церкви появился юркий худошавый господин. Стремительно пролетая вдоль ряда распорядителей, он одновременно вертелся во все стороны, потому что со всех сторон его дёргали, что-то спрашивали, о чём-то просили и чем-то возмущались.

— Владимир Матвеевич! — вскричал Павел — Здесь крестьянская делегация из Боровёнок! Позвольте им пройти в церковь...

Всемогущий Владимир Матвеевич, не останавливаясь, кивнул распорядителям — и те послушно раздвинулись, пропустив мужиков. Следом прошмыгнул Павел, на ходу спрашивая паренька, что говорят жители Боровёнковского поселения о последних революционных событиях.

К концу отпевания толпа заметно разрослась и уплотнилась. И вот бесчисленная процессия медленно двинулась через весь город в сторону кладбища. Нескончаемые венки, пышный катафалк, оркестр, игравший то похоронный марш, то Марсельезу, то «Вы жертвою пали»... Процессию сопровождали два священника: один местный, второй — знаменитый «красный батюшка» из Питера, уделявший больше внимания митингам и демонстрациям, чем своей пастве. Всеобщее любопытство привлекала кучка родных и близких Галесника. Старшая дочь шествовала во главе семейного клана, придерживая перевязанную руку то ли бережно, то ли горделиво. Вдова с девочкой лет восьми двигалась безучастно,

почти машинально (она раз навсегда решила претерпеть действие, где от неё ничего не зависело и где почти никому не было дела до её горя). Ещё несколько пожилых людей, семейная пара помоложе и прыщавая девочка-подросток, сердито тянувшая за руку прилизанного гимназиста; тот ковырял в носу и периодически вырывался. Мальчишки из толпы глазели на него с завистью. За родственниками следовала куда более внушительная толпа партийных товарищей депутата. Знаменитый профессор прошёл вперёд, брезгливо погладив по голове гимназиста, взял вдову под руку...

— Чавой-то родичей у Галесника мало, — разочарованно констатировал молодой боровёнковский житель.

— Так он крещёный, а жиды своих крещёных не жалуют, — авторитетно пояснил отец — Это, должно быть, родственники жены...

— А почему тогда... — парень перевёл взгляд на однопартийцев, но не договорил, занятый новыми мыслями.

На обочинах дороги толпились люди. Участники процессии забегали вперёд, чтобы увидеть зрелище со стороны. Местные жители легко узнавались по обычной, не траурной одежде, светлым волосам и недоумённому виду, с каким они наблюдали шествие. Эти русские перегородили весь город — не проехать, не пройти... А если пробираться сквозь толпу — остановят распорядители. Совсем неудобно...

С тех пор, как здесь появились русские (а русскими называли всех, кто прибывал из России и говорил по-русски), городок начал стремительно богатеть. Русские снимали и покупали дачи, а кое-кто нанимал работников для собственного строительства. Русские много ели и пили, скупая у окрестных крестьян молоко, сметану, масло, мясо, овощи и всё, что придётся. Им требовались рестораны и трактиры, развлечения, извозчики и домашняя прислуга... Присутствие русских было выгодно, однако они сделали город другим — суетливым и непонятным. Здесь и мелкие-то происшествия случались нечасто, и вдруг — прогремевшее на весь мир убийство известного политика. А теперь это грандиозное шествие, где только по настоятельным мольбам вдовы отсутствовали революционные флаги и транспаранты...

Может, именно тогда, пасмурным июльским днём 1906 года, финны впервые узрели новое лицо родного города...

8

И снова Павел сидел в своем любимом питерском трактире. На столе — кипы газет. Он бегло просматривал их одну за другой, отмечая синим карандашом материалы, нужные для

его первой аналитической статьи. Его репортаж с похорон Галесника имел успех, и теперь Павел получил от редактора более серьёзное задание — описать общественную реакцию на убийство знаменитого депутата. Похоже, его карьера пошла в гору...

«Можно ли сомневаться, что власти, явно причастные к зверскому убийству, ничего не сделают для обнаружения и наказания преступников...»

«Наши либеральные газеты не перестают обсуждать гибель бывшего депутата Галесника, тогда как каждодневные убийства революционерами полицейских и жандармов не вызывают у них ни малейшего сочувствия...»

«В тюрьме народов, где правит бал озверелый антисемитизм, человек убит лишь за то, что родился евреем. Могло ли такое случиться в культурной Германии?...»

«Говорят, что во время его похорон «небо плакало». Да, небо действительно плакало, но не потому, что убит Галесник, а потому что в России осталось еще пять миллионов евреев, готовых поработить доверчивый русский народ...»

«Странно, что из всей «думы народного гнева» жертвой террора стал именно Галесник — едва ли не самый умеренный депутат кадетской фракции...»

«После подлого убийства ни один из подписавших Выборгское воззвание не может быть спокоен за свою безопасность...»

«Чёрная рука царизма вырвала из наших рядов...»

«Пусть сильнее грянет буря!»

Павел усмехнулся, припомнив своих знакомцев с юга России. А ведь несмотря на дерзкую открытость, с какой они держались на людях (его даже позвали заночевать), он, наблюдательный столичный репортёр, так и не узнал, зачем они приехали в Финляндию и почему ушли с похорон, ради которых якобы отложили свои заботы... Что, если виденные им события имели двойной смысл? Пустяки производят шум, а всё важное немногословно. В финском городке, на берегу залива, где под благодушные аплодисменты дачников звучали призывы к очистительной буре, некие люди ради её приближения свершили тайное дело. Конечно, они приехали не для возложения венка, даже не для речей и листовок, и бесследно исчезли, выполнив неведомую задачу. Похоже, в отличие от чернокостюмного вещуна-болтуна, знакомцы Павла и были вершителями грядущей бури — всерьёз жили ради неё, служили ей и понимали (удел немногих), что она будет страшной, наверно, даже и для них...

А между тем, в канун похорон, когда Павел рыскал на месте убийства в поисках сенсаций, в респектабельной гостинице Гельсингфорса сняла номер богатая французская пара: худощавый, шеголеватый молодой человек и загадочная высокая дама — лицо прикрыто тёмной вуалькой, держались неразговорчиво, платили щедро. Под вечер к ним явились два гостя: первый — невысокий, темноволосый усач, второй — белобрысый, веснушчатый, этакий чухонский Вейкко. Это были те самые молодые люди, что умчались на тележке из дачного городка в день и час убийства Галесника. Месье заказал в номер обильный ужин на четверых.

На самом деле все они были русскими, приехавшими в Финляндию по поддельным паспортам. Разговор поначалу не ладился. Месье суетливо прохаживался по комнате. Его сухое лицо оставалось непроницаемым, лишь нервные движения выдавали крайнюю раздраженность.

— Ну как, как такое могло случиться?

— Борис... — виновато оправдывался усач, — Сам не понимаю... Ну, обознался я... Они на фотографиях очень похожи...

— Верно, похожи, — вступилась дама — И, как нарочно, жили на одной улице...

Без вуальки она выглядела совсем не загадочно — лет тридцати, лицо мягкое, усталое, открытые карие глаза, ничего не скрывавшие в переглядках с Борисом...

— Ты же сам говорил, что у него молодая жена... — робко продолжал усач.

— Бестолочь! — негодуяще перебил Борис — Девушка, которую ты ранил, — это не жена, а дочь... Да, между прочим, мы и не давали указаний стрелять в жену... Ты же мог, по крайней мере, подойти к нему и спросить имя?

— Я хотел... но побоялся, что если взгляну ему в глаза, то не смогу выстрелить... Я же был полностью уверен!..

«Вейкко» вздохнул. Его товарищ сморщился, как от боли; прикрывая лицо руками, пробормотал:

— Нет, это невыносимо... Спать не могу, жить не могу... Я пойду к вдове, покаюсь перед ней...

— Не вздумай! — холодно отрезал Борис — Твоя жизнь принадлежит Организации. Ты поклялся в этом.

— Ты еще к попу на исповедь сходи... — невесело съязвил «Вейкко».

В свои 27 лет Борис подготовил несколько громких покушений. Теперь его группа должна была совершить очередное убийство — на этот раз крупного чиновника департамента полиции. Именно он выследил и разгромил неуловимый

«летучий отряд». При аресте застрелилась девушка, гражданская жена «Вейкки», прочие боевики ждали суда. За это Организация приговорила своего врага к казни. И вдруг такая неудача... Ишь, внешность он перепутал... Ведь всё было сговорено: подстеречь жертву рядом с домом. Охрана там, видите ли...

Увы, хотя политическим убийствам аплодировала вся «просвещённая Россия», желающих исполнять теракты было немного. Борис вспомнил верных товарищей, которых уже потерял, самолично проводив кого на верную смерть, кого на каторгу... Как-то быстро и не всегда толково они растратили этот «золотой фонд партии». А в основном, подумалось Борису, в террор просились фатальные недотёпы, бестолочи, пребывавшие в мире своих честолюбивых грёз, неудачники, не способные выполнить простейшее поручение...

Впрочем, пресёк он собственную досаду, не такое уж это простое поручение — убить в упор незнакомого человека, не сделавшего лично тебе ничего плохого...

— Ну что будем делать? — спросил «Вейкко».

— Терракт придется отложить, — угрюмо ответил Борис.

— Как?!

— Теперь в Финляндии полно полиции. Нам не избежать арестов, а их и так много. И он... Он же всё понял и будет настороже! Надо выждать до осени и выполнить пока другое задание. Не унывайте, этот палач от нас не уйдёт!.. — Он ободряюще потрепал по плечу «Вейкку» (тот дёрнулся, неожиданно громко всхлипнув) — В общем, давайте поужинаем, а после обсудим новое дело...

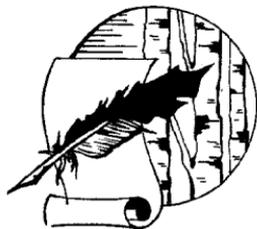
Борис подошел к столу и разлил вино по бокалам, показывая, что время для оплакивания потерь истекло.

10

Гибель Галесника стала уже подзабываться, когда восемь месяцев спустя в Москве было совершено ещё одно убийство депутата Государственной Думы от партии Конституционных демократов. И снова смерть депутата вызвала оживлённую шумиху в прессе, а со стороны его товарищей по партии — обвинения в адрес «кровавого режима». И снова ради порядка на похоронах родственники погибшего письменно просили участников воздержаться во время церемонии от политических песен и речей...

Кровь становилась привычной и в чём-то даже желанной для общества, нетерпеливо ожидающего пришествия «очистительной бури».

Санкт-Петербург

СТИХИ
ПОЭТОВ РОССИИ

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

ЖУРАВЛИ НАД ДЕЙР-ЭЗ-ЗОРОМ

*Памяти Романа Заболотного
и других безвестных бойцов*

Песок лежит до горизонта
И не кончаются бои...
Освобождение Дейр-эз-Зора —
Кто тут свои, кто не свои?
А я помедлю у голгофы,
Где свечи воткнуты в песок...
Повсюду «профи», лезут «профи»,
И дело тонкое — Восток.
Песок залит горячим воском,
И догорают три свечи...
Разрыв — и я забрызган мозгом...
Идут за нами палачи...
Нас прихватили здесь — на трассе,
Здесь Дубосеково вовек,
Как там — в Чечне, как там — в Донбассе,
Везде, где русский человек.
Поют «часы» в пустынном храме —
Проспал засаду наш дозор...
Я выжил там — в пустынной Хаме,
И снова пекло — Дейр-эз-Зор.
Обрывки мыслей носит ветер,
От взрывов плавится песок...
И кто там и за что ответит?...
Да, дело тонкое — Восток!

Мы их пехоту прикрывали,
Осталось десять человек...
И вот на этом перевале
Остановило время бег...
Патроны — ёк! И в рукопашной
Поднялись, так его едрить...
И этим «профи» стало страшно,
А дальше... — что там говорить...
Залита воском вся голгофа,
Сгорели свечи... Кто влачит
Свой крест, шагая по эпохам...
Идут за нами палачи...
Того, кто выжил в рукопашной,
Связали, били, повели...
А где-то над российской пашней
Проходят клином журавли.
За пашней полыхают рощи,
Багрец и золото неся...
Сейчас нас вытащат на площадь,
И жизнь уже почти что вся.
За рощей храм в тумане тает...
Песок голгофы — Дейр-эз-Зор...
И казнь на камеру снимает
Заокеанский дирижёр.
Погасли свечи. Солнце село,
Но за ночь не остыл песок...
Голгофа... Пекло... Делай дело!
И дело тонкое — Восток!
Еще мелькнёт в потухших взорах
Чужое зарево костров.
И журавли над Дейр-эз-Зором,
Вчера прошедшие Ростов...

Санкт-Петербург

Валерий ПАВЛОВ

РУДНЯ

Спеша по дороге районной,
Прислушайся и присмотришь:
С востока — церковные звоны,
На западе — старенький «ЗиС».

И церковь, и памятник — рядом.
Два символа — веры и сил.
Не зря же и сердцем и взглядом
Их в памяти я уместил.

Невзрачному кланяюсь «ЗиСу».
Мне ясно без выпренных слов —
Без этих в синеющих высях
Родных и святых куполов

Не встала б легендой «Катюша»
На западных весах страны.
Без веры народ бы не сдюжил,
Не выдержал горя войны.

У новенькой церкви не людно.
У «ЗиСа» — засохший букет.
Но Русь беспокойно и смутно
Выходит из горестных лет.

Пронесется рядом машины
На Киев, на Минск, на Москву —
Тех дней фронтовые картины
У многих в душе оживут.

И здесь мне поверить нетрудно,
Что люди страну возродят.
Ведь рядышком в городе Рудня
«Катюша» и церковь стоят.

г.п. Лиозно Витебской обл.

Константин АТЮРЬЕВСКИЙ

* * *

Иссиня-чёрный вечер
Тянет из труб дымки,
Чтобы согрелась вечность
Действом твоей руки.

Ты зажигаешь спичку,
Теплишь огонь печи.
Дело — пустяк, привычка —
Лишь наколоть лучин.

В сердце полно заботы:
Что там грядет в судьбе?
Хочешь, чтоб нежно кто-то
Обнял, прижал к себе.

Ты накормила небо
Сердца и рук теплом,
Жаром горящих щепок,
Золотом, серебром.

СЫНУ

Снеговик пережил потепленье
И шальную капель ноября,
Бедолаге хватило волненья
За неделю. Но видно не зря
Уцелел, не растаял. Был скатан
Ком за комом надёжной рукой!
И на радость соседским ребятам
Он стоит, обсыпаем пургой.
И с мечтой о зиме затаенной
В глубине ледяного комка
Он живет, настоящий, влюбленный,
Лишь похожий на снеговика.

г. Тара Омской обл.

Юрий ПАВЛОВ

* * *

Густеют сумерки за садом
И опускаются, тихи...
Давай с тобой вязать засядем,
Ты — кружева, а я — стихи.

Я подберу слова надежней,
Ты — нити крепче и верней,
Чтобы связать, насколько можно
Две наши жизни посильней.

Но этот мир смешала резко
Рука, жестока и груба,

И между нами встала дерзко
Неумолимая судьба...

Неужто нити все истлели?
Ты их взяла, не поглядев?
Неужто не дошли до цели
Мои слова и мой напев?!

Мне долго ждать, когда за садом
Вновь будут сумерки тихи,
Когда опять с тобой засядем
За кружева и за стихи...

г. Владимир

Валентина БЕЛЯЕВА

У ВАГОННОГО ОКНА

Под глухое шуршанье железных колёс
Погляжу из окна, сколько видится оку.
И услышится тихий невинный вопрос,
Где озяблая рошица русских берёз
Молчаливо кивнёт и проводит в дорогу.

Что ей мыслится? Может, жалеет меня,
Что по рельсам куда-то качусь возбуждённо,
Никого — ни себя, ни судьбу не вина,
В колокольный ли звон, на тепло ли огня,
Замерцавшего ночью во сне воспалённом...

Всё знакомо: поросшие взгорки мелькнут,
Позабывтое мёртвое царство меж сосен.
Под откосом — во мху лошадиный хомут,
Чуть поодаль — в листве утопающий пруд,
Разноцветной матрёшкой — беспечная осень.

Завиднеется то ли безмолвье стерни,
То ль пожухлые травы плывущих обочин.
Средь стволов и ветвей — задымлённые пни.
Что ж в обугленных душах лелеют они?
И что там, за невидимой кромкой, рокошет?..

г. Воронеж

Ольга КОРЗОВА

* * *

Половину зимы
проживу, будто сонная птица,
лишь встряхну головой —
и опять окунусь в забытьё,
оттого, что метель
подступила и в окнах клубится,
оттого, что молчит
заплутавшее слово твоё.
Половину зимы —
будет время — наверно, не вспомню,
словно снег никогда
над мою судьбой не летал
и не пряталась я
в тишине цепенеющих комнат
за работу, за книгу,
за женский пустой сериал.
Половину зимы —
да к чему мне её половина? —
если где-то в лесу
притаилась под снегом трава,
и о родине грезит
отчаянный клин журавлиный,
и грустят на реке
в ожиданье весны острова...

* * *

Как вязок зимний быт...
В шуге застряла лодка,
И лёгкое весло
Сломать не может лёд.
Затворницей живу,
А зимний день короткий
Меж сонных берегов
Плывёт себе, плывёт...
Я на него гляжу,
Глядеть не успевая,
Пока бреду с ведром
среди моих синиц,
Пока топчу тропу,
Пока слеза живая

Нет-нет и упадёт
С заснеженных ресниц.
Как сладок зимний быт...
Просторы избяные
Гудят печным теплом,
Разреживая тьму.
И просто, и светло
живу в глуби России,
и радуюсь снегам
и — твоему письму...

Архангельская обл.

Ирина СЕМЁНОВА

* * *

Россия, вот моя тетрадь,
Тобой дарованные строки,
Ещё, как струны, перебрать
Хочу я вешние потоки.
Хочу за облаком бежать,
В озёрной прятаться осоке
И, вслушиваясь, провожать
Гром затихающий, глубокий.

Благословляю русский дом!
Долины, травы и полесья
И пусть грозит сухим перстом
Кашей, взмывая в поднебесье.
Ведь, знание древнее храня,
Беглянкой, злату непокорной,
Могу я в озеро огня
Преобразить свой плат узорный.

Я понимаю речь зарниц
И ту, журчащую, как воды,
На языке древес и птиц
Немую тайнопись природы.
Подземных рек я чувю ток,
А тот, кто клавишей готовой
Стучит, вымучивая слог..
Я не из тех,
я знаю Слово!

* * *

Русь, как льдина северная, тает.
Где оклад краям её хрустальным?
Если жизнь в народе угасает,
Неуместно слыть оригинальным.
Новой жизнью многое размыто,
Кроме боли великодержавной,
Посреди расхищенного быта
Лишь взрыватель действует исправно.
Пусть, сверкая пёстрою половиной,
Догорает западное чванство,
Но смотри, страна, зарёю новой
Вновь Китай встаёт и мусульманство!
Ладят стрелы, разбивают станы,
На Востоке, Севере и Юге
Загляни за древние курганы —
Есть ли братья крестные в округе?
Пусть они хмельны или беспутны,
Вечность братьев метит не случайно,
Как и ты, под небом неприютны
Беларусь и певчая Украина.
Как без них ты справишься с облавой
На твоё посконное крестьянство,
Станешь грозной, царственной державой,
Величавой матерью славянства?

г. Орёл

МИССИЯ РУССКОГО НАРОДА В XXI ВЕКЕ

Русский народ вступил в XXI век в состоянии общности униженной и раздробленной. Чувство униженности стало результатом распада великой страны в последнее десятилетие XX века, разграбления национальных богатств, геноцида и разгула русофобии. Раздробленность стала следствием того же распада страны на новые независимые государства, большинство из которых оказалось враждебно настроено против русского народа. Что касается Украины с Белоруссией, здесь стал активнее развиваться местный национализм, главным назначением которого стало обособление указанных территорий с живущим на них населением от Великой России. Этот новоявленный национализм противостоял общерусскому патриотизму, сливаясь с хором прочих национализмов, как вокруг территориально сжавшейся России, так и внутри ее.

В этих условиях унижения и распада была естественной реакцией русского национального организма, направленная на самосохранение. Пока одни искали лучшей жизни в иных землях и даже на своей земле, незамет-

РУССКИЙ ВОПРОС

но размывая свою национальную идентичность, разменивая ее на чечевичную похлебку призрачного успеха, другие устremились к истокам — религиозным и культурным. Эти люди, если выразиться образно, взыскали Бога отцов своих и припали к родной земле, напитавшись живительными соками народной памяти.

Русский народ стал сосредотачиваться, анализировать ошибки, приведшие его к катастрофе, начал приподниматься, стряхивая с себя сон уныния, в готовности взяться за устроение своей жизни под солнцем.

Если мы желаем полноценного восстановления российской государственности, этой естественной формы существования русского народа, то должны давать себе отчет в том, что без восстановления русского национального самосознания это невозможно. Российское государство — результат свободного творчества прежде всего русского народа, и уже во вторую очередь других народов, связавших волею божественного промысла с ним свои судьбы. От нравственного здоровья государствообразующего народа полностью зависит общая судьба.

Нравственное здоровье не может быть обеспечено без возрождения религиозного стержня народного духа, без творческого овладения культурными сокровищами святой Руси, без укрепления института семьи в качестве основы крепкого народа и крепкого государства.

В последнее время немало говорится о российской гражданской нации. Можно спорить по поводу корректности использования данного термина в современной политической реальности, тем более что в переводе далеко не на все языки ясна разница между русским и российским. Однако без осознания того, что русский народ и его культура являются естественным ядром всего российского, мы далеко не уйдем. В последнем случае мы просто откажемся от своей почвы, чтобы уйти на безжизненные скалы, которые сколько ни поливай, ничего на них хорошего не вырастет.

И.А. Ильин в книге «Путь духовного обновления» писал по этому поводу: «Есть закон человеческой природы, в силу которого всё великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и всё гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли».

Что касается русского народа, он имеет в себе мощный потенциал объединять и сплачивать вокруг себя самые разные другие народы без какого бы то ни было унижения их национального достоинства. Это доказывается всей нашей историей. Русские в ходе колонизации просторов Европы и Азии не уничтожили ни одной из национальностей. Это феномен глобального масштаба. Данная уникальная особенность несет в себе и опасность растворяться в других народах. Чтобы этого не происходило, необходимо с большой заботой воспитывать в себе крепость собственного народного духа.

Было бы ошибочно думать, будто во второй половине XIX и в начале XX века в деле русского национального развития было всё благополучно. Всегдашнее пресмыкательство перед Западом определенной части интеллигенции, которое Н.Я. Данилевский удачно назвал европейничаньем, вкупе с пропагандой интернационала, действовали разлагающе на русское национальное самосознание.

Тот же Данилевский вывел заключение, согласно которому русский, как, впрочем, и все славянские народы, достаточно юн в сравнении с народами романо-германскими. И если мы уже в наши дни видим в последних всё меньше жизненных сил, встречаем в них всё меньшую сопротивляемость чуждым религиям и культурам, если мы видим медленный закат их государственности и сдачу суверенитета наднациональным структурам в лице ЕС и НАТО, в Русском мире, благодарение Богу, ситуация не столь плачевна.

Национальная Россия может стать альтернативой безнациональному Евросоюзу. Однако лишь в случае соблюдения одного важного условия. Русский народ способен объединять других только оставаясь самим собой. В противном случае он превращается в пыль, в удобрение для жизнедеятельности других народов.

Об этом так же рассуждал Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя». «Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским — значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет он и нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы в европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергивались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид

тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма. Мы и говорить будем с ними умнее теперешнего, потому что в народе нашем и в духе его отыщем новые слова, которые уж непременно станут европейцам понятнее. Да и сами мы поймем тогда, что многое из того, что мы презирали в народе нашем, есть не тьма, а именно свет, не глупость, а именно ум, а поняв это, мы непременно произнесём в Европе такое слово, которого там еще не слыхали. Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе никто иной, как народ наш, что в идее его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения с полным уже уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чём именно эта свобода и заключается, — единение любви, гарантированное уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного богатства, а не гильотиной, не миллионами отрубленных голов...»

Указанная уникальная способность русского народа объединять вокруг себя иные народы Земли, не уничтожая их индивидуальности, дана нам как крест, а не как привилегия. Дана ради того, чтобы осуществить определенную миссию перед концом бытия этого мира.

Суть нашей миссии была провозглашена полтысячелетия назад — стоять в достоинстве Третьего Рима, силы, противостоящей тайне беззакония, о которой говорит апостол Павел во 2-м послании к Фессалоникийцам (2 Фес. 2, 7).

Важно понимать, что в XXI веке указанная миссия по необходимости принимает всемирный масштаб, противостояя иному глобальному проекту, который условно можно назвать Новым Вавилоном, и во главе его — обветшавший в своем богоборчестве Израиль как ум и Соединенные Штаты Америки с блоком НАТО как мускулы.

Новому Вавилону нужны не народы, а человеческое стадо, поэтому он стремится разложить и нивелировать всякую национальную культуру. Для достижения указанной цели Европе на протяжении последних десятилетий прививается смертоносный вирус мультикультурализма; для достижения этой цели она наводняется в последние годы мигрантами; для достижения этой цели разлагается семейная жизнь с помощью легализации и всемерной поддержки содомии вкупе с ювенальной юстицией.

В этих условиях русский народ как ум, не утративший способности видеть Бога, и Российское государство, как сила, могущая защитить народы Земли от тирании Нового Вавилона, могут стать одним из глобальных лидеров, либо уйти в политическое небытие. Третьего не дано.

Потому что часть человечества, вовлеченная в проект Нового Вавилона, не потерпит самой возможности конкуренции. Отсюда — взрывы русофобии в ответ на всякий даже небольшой успех русского народа и России. Дабы далеко не ходить за примерами, укажем на враждебные в отношении российских спортсменов действия Международного олимпийского комитета.

Итак, из всего вышесказанного мы заключаем, что всемерная поддержка развития русского народа, раскрытие лучших его качеств — важнейшее дело, фундамент лучшей будущности не только нашей и даже не только общероссийской, но и всех народов Земли.

НЕ КРАСНЫЕ И НЕ БЕЛЫЕ

Близкими по своим идеям сменовеховцам и левым евразийцам (см. статью В.Анищенко в «МГ» №4 за этот год) были национал-максималисты во главе с князем Ю.А. Ширинским-Шихматовым. Более того, именно Юрий Алексеевич сумел совершить, казалось, невозможное — объединить разрозненные эмигрантские общественно-политические движения в единое, так называемое, пореволюционное движение.

Князь Юрий Алексеевич Ширинский-Шихматов (1890, Санкт-Петербург — 1942, Освенцим), кавалергард, военный летчик, участник Первой мировой войны и Белого движения, уже в эмиграции осмысливая произошедшее, пришёл к выводу, что в борьбе за Россию следует не бороться с революцией, а возглавить её, повести по пути максимально возможной национализации революционных процессов, происходящих в стране.

Владимир Варшавский в книге «Незамеченное поколение» воспроизводит основные утверждения национал-максимализма Ширинского-Шихматова. *«Критикуя популярные в эмиграции «рецепты спасения России», Ширинский отвергал все виды интервенции. По его мне-*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

нию, все они должны были в случае успеха привести к той или иной форме завоевания России и к «замене интернационала красного интернационалом золота и биржи». ...Нужно не бороться с революцией, а овладеть ею, выбирая при этом путь «не снижения процесса», а «интенсификации и углубления революции». Ширинский был убежден, что армия, молодежь (особенно рабфаковцы, красные курсанты и часть комсомола) — готовый кадр «нарождающегося национал-большевизма».

Как и многие русские эмигранты, в том числе из высшего аристократического общества, князь Ширинский-Шихматов был вынужден зарабатывать собственным трудом. На свои заработки шофера такси он издавал журнал «Утверждения». Среди авторов журнала: Н.А. Бердяев, П.С. Баранецкий, Е.Д. Кускова, Г.В. Немирович-Данченко, Б.Ю. Поплавский, Н.К. Рерих, Ф.А. Степун, Е.Ю. Скобцова, И.В. Степанов, Н.С. Тимашев, Н.В. Устрялов и ряд других. Как видим, люди самых разных убеждений, но именно такая открытость позволяла им объединиться по главной идее — служения России в тех условиях, какие есть, а не пытаться изменить их с помощью силы. Вооружённая борьба уже была проиграна. Следовало искать новое оружие. Не лёгко был этот поиск, мучителен, но выработать идеологические установки и способы действий всё же удалось.

I съезд представителей пореволюционных течений (национал-максималистов, утвержденных, национал-христиан, неodemократов, четверороссов и русских национал-социалистов) прошел в начале июля 1933 г. На нём были сформулированы национально-историческая идея, задачи и лозунги, а также принят устав Объединения Пореволуционных Течений.

Вот что было предложено участникам всех пореволуционных движений в качестве основы для согласованных действий:

христианская правда, как правда социальная;

преобладание духовного начала над всеми формами современного поклонения материи (капитализм и коммунизм);

понятие истинного национализма как всенародного жертвенного служения Богу и миру — на своих собственных исторических путях;

идея пореволуционного государства — союз Сотрудничества и Общего Дела;

христианская этика — основа правосознания и права — как функции долга;

смысл Революции — порыв к творчеству новых форм жизни; социальных, государственных и международных, соответствующих требованиям новой эпохи.

Для совместных действий был создан объединённый пореволюционный клуб. Его задачами выдвигались следующие: осознание, обоснование и изучение целостного пореволюционного мировоззрения; всемерное объединение пореволюционных направлений путем утверждения всего того общего, что содержат в себе их конструкции; сосредоточение всех культурных сил пореволюционного сектора для разработки вопросов, выдвигаемых современностью; помощь молодежи в самообразовании и изучении России.

В 1930-е годы в Париже печатался «Еженедельник Пореволуционного Клуба» тиражом 300 экземпляров. Тогда же увидел свет единственный номер журнала «Ежемесячник Пореволуционного Клуба», который распространялся в Болгарии, Греции, Латвии, Литве, Румынии, Финляндии, Эстонии.

Здесь же в эти годы при ближайшем участии Ю.А. Ширинского-Шихматова выходил ежемесячник «Завтра» (знаковое название). В редколлегию входили В.Л. Андреев, И.И. Ильинская, Л.Б. Савинков, А.И. Ярмидзе. Всего вышло семь номеров. Ярмидзе следующим образом определял программу журнала («Завтра», 1933, № 3). «Наша цель установлена достаточно ясно: устройство нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, на основах христианской правды. Такова общеизвестная формула утвержденных».

В одном из своих обзоров журналов, представлявших пореволюционные течения, Ширинский-Шихматов так разъяснял идеологический смысл «пореволюционности»: *«Пореволюционная идеология для нас истинна не потому, что она по-революционна, то есть возникла после революции (она для нас вечна, ибо имя ей: Российская Историческая Идея); мы полагаем, что эта идеология потому и должна быть пореволюционной, то есть реализоваться после завершения революции, что она истинна и органически связана со всей диалектикой нашей истории. Через старца Филофея и Дм. Герасимова, славянофилов, Гоголя, Тютчева, Бакунина, Леонтьева, Герцена, Данилевского, Достоевского, Федорова, Бахрушева, Бердяева до Блока, Белого, Есенина — проходит одна и та же идея: религиозно-культурной миссии России, в пределе раскрываемой как мессианское призвание. И наша Революция, с ее всеземным размахом, с ее уязвленным исканием социальной правды, «взлетами и паденичми», кровавой данностью и вселенской заданностью — есть неминуемый (негативный) этап тяжелого и ответственного русского пути. Революция — лишь начало бессознательного стихийного выпрямления русской национально-исторической линии, — вып-*

рямления еще только намечающегося, долженствующего осуществиться позднее, в период постепенной «национализации революции». ...Какие же течения могут быть нами названы пореволюционными? Таковыми (в неравной степени) надлежит признать евразийцев, устряловцев, национал-максималистов, неонародников (новоградцев), народников-мессианистов («русских фашистов»), — и, с известными оговорками, «неодемократов» и «младороссов».

Как видим, многие идеологические и общественно-политические движения русской эмиграции преодолели желание бороться с большевиками «до смерти». Этот путь и впрямь привёл их к смерти и к изгнанию. Свержение большевистского режима в те годы не удалось. Начиналась новая фаза борьбы за Россию. История Страны Советов показала, что путь внутреннего перерождения оказался более результативным. Схватка революционеров-большевиков (троцкистов) и революционеров-государственников (сталинистов) закончилась погромом «истинных» революционеров. Не случайно 1937 год как символ этого погрома либералы ставят в вину Сталину. В конце 1930-х годов Страна Советов стала принимать державные очертания. Отечественная война заставила встать на этот путь твёрдо. Державный путь привёл к победе. Насколько действенной на этом пути оказалась помощь идей русской просоветской эмиграции, сказать пока затруднительно. Во всяком случае, их труды были известны большевистскому руководству. Были и прямые контакты, хотя и очень осторожные, поскольку в советском представлении эмиграция по-прежнему считалась «контрой». И на это были объективные причины, так как значительная её часть была непримирима к большевикам. Белоэмигрантами активно велась идеологическая и диверсионная борьба. Непримири-мая эмиграция и сейчас заслоняет тех, кто желал служить России в самой России. По сей день гласность распространяется только на белоэмигрантов. И.А. Ильин и И.С. Солоневич прочно вошли в наше сознание. И это замечательно. Но мы по-прежнему мало знакомы с трудами и судьбами тех, кто связал свою судьбу с Россией послереволюционной. Они известны лишь узкому кругу специалистов. А ведь они могли бы очень помочь в разрешении сложнейших современных проблем, поскольку воспринимали Россию такой, какая она есть, а не такой, какую нам хотелось бы видеть. И что особенно важно — помочь нашим патриотам разумно действовать в реальных условиях, вместо того чтобы вставать в позу непримиримости, требуя от власти соответствия своим идеалам. При этом, не желая видеть того, что уже сделано в пре-

одолении разгрома, учинённого их «временными попутчиками», либералами, в 1990-е годы.

Князь Ю.А. Ширинский-Шихматов, представитель высшей русской аристократии, родился в семье камергера Двора Его Императорского Величества князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова и княгини Леокадии Петровны. Согласно семейному преданию по прямой линии он является потомком Чингисхана. После революции, в отличие от многих «ожидających развязки событий», вместе с протоиереем Иоанном Восторговым, А.Ф. Треповым и Н.Е. Марковым пытался спасти Царскую семью, но когда угроза ареста и расстрела нависла над ним и его семьей, выехал в Берлин.

В 1920-е годы Ю.А. Ширинский-Шихматов стал инициатором и идеологом Союза российских национал-максималистов. Идеология национал-максимализма впервые была дана в его докладе «Национал-большевизм и свободно избранные Советы как путь к национализации революции».

В 1931—1932 годы на свои деньги Юрий Алексеевич издавал журнал «Утверждения» — орган Объединения пореволюционных течений. В 1934—1936 годы он был председателем исполнительного комитета Пореволуционного клуба. В 1936-м входил в организационную комиссию Русского Эмигрантского Оборонческого Движения, став одним из идеологов РОЭД. Его основная идея была сформулирована следующим образом: *«Оборонец тот, кто при всех условиях ставит защиту своей Родины выше политических разногласий с властью»*. Издаваемая этим движением газета «Оборонческое Движение» писала: *«Планы враждебных России держав к началу 1936 года выяснились с совершенной очевидностью. В этих планах Россия рассматривается как объект колониальной политики, необходимый для наций, якобы более достойных и цивилизованных. Более или менее открыто говорится о разделе России... поддерживаются всякие сепаратистские движения, возможные в многонациональной стране в революционный период ее жизни»*.

В 1940 году после вторжения нацистской Германии во Францию, в Париже начались аресты русских эмигрантов, угрозы в адрес тех, кто отказывался регистрироваться в созданном оккупационными властями Управлении по делам русской эмиграции.

Да, многим русским патриотам была уготована гибель в большевистских лагерях, но и в цивилизованной Европе их погибло немало. Судьба князя Ю. А. Ширинского-Шихма-

това в эмиграции была трагичной. Сохранилось письмо его брата князя Кирилла Алексеевича Ширинского-Шихматова к Управляющему подворьями Палестинского Общества в Иерусалиме, в котором он писал: «*Мой старший брат, Юрий Алексеевич был арестован немцами, вывезен в Германию (в 1942 г.) и с тех пор, вот уже три года, как мы не имеем о нем никаких сведений...*» Позднее была найдена карточка заключенного концлагеря Освенцим с записью: «Ширинский-Шихматов Юрий, рожд. 12 сентября 1890 года в Санкт-Петербурге прибыл в Освенцим 17 августа 1942 года». По некоторым сведениям он был расстрелян в лагере, за то что вступился за избиваемого соседа. Таким образом, князь Ю.А. Ширинский-Шихматов участвовал в борьбе с германским нацизмом по ту сторону фронта и разделил участь многих советских воинов.

О судьбе Льва Борисовича Савинкова, сына знаменитого эсера-террориста Бориса Савинкова, сохранилось очень мало сведений. Активный член Пореволюционного клуба, поэт, член редколлегии ежемесячника «Завтра». В №1 журнала, вышедшего в Париже в 1933 году была опубликована его статья «О революции» — своего рода политическая программа национал-большевиков. В эмиграции он тоже некоторое время зарабатывал на жизнь водителем грузовика. В 1936-м воевал в Испании в составе Интернациональных бригад в звании капитана Республиканской армии. Во время Второй мировой войны участвовал в Движении Сопротивления. Был членом Комитета помощи заключенным лагеря в Компьене под Парижем. После ВОВ сотрудничал с ориентированными на Советы организациями.

Вадим Леонидович Андреев (1902 — 1976), сын известного писателя Леонида Николаевича Андреева, брат другого известного писателя Даниила Андреева. Во Франции Андреев женится на Ольге Черновой-Федоровой, приёмной дочери председателя Учредительного собрания России Виктора Чернова. В 1924 году ходатайствовал о возвращении на родину, но ответа не получил. По рекомендации М.А. Осоргина был посвящён в масонство в парижской русской ложе «Северная звезда». Стал одним из инициаторов создания независимой ложи «Северные братья».

Во время войны тоже принимал участие в Движении Сопротивления. Арестован фашистами, отправлен в тюрьму Боярдвиль. Партизаны добились его освобождения, обменяв на немецких военнопленных. С 1945 года член Союза советских патриотов, за что был исключён из парижского Союза русских писателей и журналистов. Приняв советское граж-

данство в 1948 году, в Советский Союз не переселился, хотя неоднократно бывал. В 1949 году уехал в США. Работал в ЮНЕСКО как советский представитель в издательском отделе, позже в издательском отделе Европейского отделения ООН в Женеве.

Монахиня Мария (Скобцова) (1891—1945), больше известная как «Мать Мария» в статье «Русская мессианская Идея до славянофилов» писала: «...Речь, конечно, не о политическом лидерстве России. Русские, как и другие славянские племена, не любят политической силы и не хотят войн. Но если православные сначала оживят все сферы жизни общества, тогда оно само откажется от насилия, перестанет следовать закону мира и откроется для непосредственного божественного вмешательства...» Мать Мария приняла мученический венец в нацистском лагере Равенсбрюк через месяц после гибели сына Юрия и за неделю до освобождения лагеря Красной армией. Она писала:

*Господи, Ты знаешь, — хорошо на плахе
Головой за вечную отчизну лечь.
Господи, я чувю, как в предсмертном страхе
Крылья шумные расправлены у плеч.*

Кирилл Георгиевич Шевич (архимандрит Сергей) (1903—1987) один из руководителей младоросского движения. Его отец Георгий Шевич был выходцем из знатного венецианского рода, служил в русской армии, а затем в Белой гвардии. В 1923 году Кирилл Шевич с семьей поселился в Париже. Был принят на работу в банке Моргана, где ему поручили вести текущие счета коронованных особ. В следующем году Кирилл вступил в Союз «Молодая Россия». Он участвовал в создании прихода и новой резиденции Экзархата Московской Патриархии в Париже. В 1938 г. старец Силуан благословил Кирилла Шевича стать монахом. Однако начавшаяся война, арест французскими властями и интернирование в концентрационный лагерь в Верне, повторный арест германскими властями и интернирование в лагерь в Компьене не позволили этому осуществиться сразу.

После выхода на свободу Кирилл Шевич произнес монашеские обеты, приняв новое имя в честь преподобного Сергия Валаамского. Став монахом, отец Сергей занимался помощью верующим, оказавшимся в беде. Со временем он был назначен игуменом скита Святого Духа в Мениль-Сэн-Дэни, основатель которого отец Андрей Сергиенко вернулся в Советский Союз. В 1947 году отец Сергей совершил первое пу-

тешестве в Россию. Второй раз он побывал на Родине в 1977 г. по случаю интронизации Патриарха Пимена.

С темой преемственности старой и новой России связана судьба лидера движения «младороссов» А.Л. Казем-Бека (1902—1977). Александр Львович Казем-Бек родился в Казани в семье гвардии корнета, предводителя дворянства Льва Александровича Казем-Бека. Его дед после покорения Средней Азии стал помощником генерала Скобелева, принял крещение и женился на дочери Л.Н. Толстого, графине Марии Львовне.

В 17-летнем возрасте он принял участие в «белом» движении. В феврале 1920 года вместе с семьей оказался в эмиграции. Одновременно А.Л. Казем-Бек стал лидером учреждённого в Мюнхене в 1923 г. русской эмигрантской молодёжью Союза «Молодая Россия», который в 1925 г. был преобразован в партию «Союз младороссов» (со штаб-квартирой в Париже).

Филипп Бобков в книге «Записки начальника политической контрразведки» писал: «...движение «Молодая Россия» стало крупнейшей политической партией русского зарубежья. К 1931 году организация насчитывала около 20 отделов в разных странах... Оно национально по своим убеждениям и целям и революционно по своим путям борьбы; отвергает возможность, правомерность и целесообразность социальной и имущественной реставрации. Признавая, что Русская Монархия будет прежде всего единственным строем всенародного примирения, без которого немислимо национальное возрождение России, они отвергают как вредный пережиток старого деление на левых и правых, борются с партийной непримиримостью и готовы широко сотрудничать со всеми группами за возрождение России. ...Казем-Бек порвал с фашизмом после сближения Муссолини с Гитлером, не скрывавшим своих планов уничтожения России как независимого государства, и распустил свою партию. Это привело к сближению Казем-Бека с силами, противостоящими гитлеризму и симпатизирующими Советскому Союзу. ...Помню, у него был свой девиз: «Ни белые, ни красные, а русские...»

Александр Львович считал что: «...Апокалипсис 1917 года и Гражданская война были катастрофой, но это было необходимо для очищения нации».

Младороссы восприняли изменение политики И.В. Сталина после XVII съезда ВКП(б) как пробуждение национальной России. Казем-Бек выступил с лозунгом «Царь и Советы — будущее нашей страны!», под этим названием вышла

статья в «Младоросской искре». С подобным лозунгом выступал Великий князь Кирилл, обещая в манифесте, что, если войдет на трон, обеспечит «свободное избрание советов». Вскоре в ряды младороссов вступили несколько членов Династии: великая княгиня Мария Павловна, кузен князя Гавриил Константинович, племянник князя Дмитрий Александрович, князь Всеволод Иоаннович.

С 1931 года газета «Младоросская искра» стала выходить 2 раза в месяц. Ее распространяли в местах сбора эмигрантов. В том числе у русских церквей. В связи с организацией новых отделений Союза были созданы региональные печатные органы: «Молодое слово» в Софии, «Новый путь» на Дальнем Востоке, «Казачий набат» в Праге. Начался выпуск еженедельной газеты «Бодрость!». К тому времени уже выходили «Младоросское слово» в Сан-Паулу в Бразилии и «Вперед» в Брюсселе.

Казем-Бек считал, что России необходима вторая советская революция, что «Союз младороссов» должен стать русской национальной революционной партией; он выступал с лозунгом «Вся власть армии!» Отныне стержнем его идеологии становится русский православный сталинизм, максимально возможно приближенный к монархической идее.

12 июня 1935 г. «Союз младороссов» официально был объявлен Младоросской партией. В программу-максимум было включено взятие власти в России, в программу-минимум сотрудничество с любым национальным правительством в России. В 1937 году появился новый печатный орган партии «Газета Руководящего центра Младоросской партии».

С началом войны в 1939 году во Франции начались аресты, высылка подозрительных русских. Казем-Бек объявил о роспуске партии младороссов и поступил добровольцем во французскую армию. 3 июня 1940 г. Александр Львович и 30 его ближайших сотрудников были арестованы. Они содержались в бараках на стадионе «Ролан-Гаррос», а затем были переведены в концентрационный лагерь в Верне. Их обвинили в просоветских настроениях и контактах со спецслужбами СССР. При содействии друзей Казем-Бек вместе с двумя соратниками был освобожден и вскоре выехал в США.

В Америке он встретился с экзархом Московской Патриархии в Америке митрополитом Вениамином (Федченковым), с которым был знаком ещё в Париже. И которому остался верен в трудную минуту, вступив в парижскую общину Трех святителей Московской Патриархии. Казем-Бек вступил в американский «Комитет помощи России», где митрополит Вениамин читал лекции.

В 1944 году он участвовал в подготовке приема в США архиепископа Ярославского и Ростовского Алексия (Сергеева), посланника Патриарха Московского и всея Руси. Выступал со статьями в «Новой заре» за идею воссоединения Русской Церкви в США с Московской Патриархией. Позже работал в редакции журнала «Единая Церковь», официальном печатном органе Патриаршего Экзархата в Америке.

Александр Львович приветствовал успехи и героизм советских войск и роль Верховного главнокомандующего Сталина как полководца. Об этом он писал в статье «Новая заря», которую перепечатала нью-йоркская газета «Русский голос».

В 1956 году А.Л. Казем-Бек вернулся на Родину. Стал членом редакции «Журнала Московской Патриархии». Работал над книгой о Патриархе Алексии I. Преподавал английский и русский языки в Московской Духовной Академии. В 1960 году стал начальником пресс-службы Патриархии, а затем старшим консультантом Отдела внешних церковных сношений. Он часто встречался с митрополитом Никодимом (Ротовым) и в значительной степени оказал влияние на его взгляды.

А.Л. Казем-Бек жил в Москве на Фрунзенской набережной, в доме Министерства обороны. Скончался 21 февраля 1977 года и погребен, согласно его просьбе, в селе Лукине (ныне в пределах Москвы) в ограде Преображенского храма подворья Афонского Пантелеимонова монастыря. На его поминальной трапезе профессор протоиерей Н.М. Гундяев, старший брат Патриарха Кирилла сказал, что «Казем-Бека нужно не только помнить, его надо изучать».

А.Н. Вертинский писал о младороссах: «В среде русской молодежи, принадлежащей к аристократическим кругам, приблизительно в 30-м году возникло так называемое «Младоросское движение». Много личных и семейных драм пришлось пережить его участникам, всем этим кадетам, лицеистам, пажам, правоведам, юнкерам гвардейских школ, когда они не только осознали свою приверженность родной стране при всех обстоятельствах, но и громко, на всю русскую Францию заговорили об этом, на удивление и негодование своим родителям. Князья Оболенские, граф Красинский (сын Кшесинской и Великого Князя Андрея Владимировича), Воронцовы-Вельяминовы — весь аристократический молодежь, все те сотни сильных и здоровых молодых людей, которые жили в Париже, группировались во главе с Великим Князем Дмитрием Павловичем вокруг младоросской газеты «Бодрость». По содержанию своему эта газета оправдывала

свое название. Она звала молодых людей к труду, внушая им, что надо накапливать силы и знания... Она учила познанию своей страны и её великой истории».

Высшее проявление патриотизма — это когда человек выбирает наиболее благоприятный путь для своей Родины, а не для себя, даже если при этом страдает собственная репутация. Такой выбор случается редко. Так поступал святой благоверный князь Александр Невский. В годы войны такой выбор приходилось делать подпольщикам на оккупированной территории. В эмиграции так поступали люди, принявшие путь сотрудничества с Советами, для перерождения послереволюционной России на основе русской веры и традиций русской жизни.

Русская идея, которую несла русская невоинствующая эмиграция, благотворна и сегодня. Она учит любить Россию реальную, а не наше представление о ней. Русская идея помогла нам победить «непобедимый» вермахт вкуче с общеевропейскими крестоносцами. Она поможет преодолеть «ненавистную рознь мира сего». Не красные и не белые, а русские. Русские и все народы нашей необъятной Родины. Прежде всего — любовь к Отчизне. Только она в состоянии объединить всех, живущих на нашей земле.

ЧИТАЯ ИЛЬИЧА...

Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел своё оправдание: Россия должна была рухнуть в пропасть. И она рухнула.

Генерал Людендорф, начальник германского генштаба, 1918 г.

Людям среднего, старшего и «очень старшего» поколения (к коему относится автор настоящих заметок) с самого нежного детства в сознание был поселён образ «добрго дедушки Ленина». Ну как же: «Ёлка в Кашино», «Общество чистых тарелок», «Детские и юные годы Ильича» и тому подобные пасторали. В студенческие годы мы изучали уже вещи посерьёзнее: «Материализм и эмпириокритицизм». «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Государство и революция» и т.п. Полностью прочитать их никому из нас не удавалось ввиду отсутствия желания и скучности самих объектов изучения, но экзамены по марксист-

ЭКСПЕРТЫ

ско-ленинской философии, политэкономии и истории КПСС мы как-то сдавали, а, главное, все были твёрдо убеждены, что Владимир Ильич есть не просто святой, а воистину безгрешный человек.

Позднее автор часто задавался вопросом: вот стоят на книжных полках в библиотеках, парткоммах, профкоммах и директорских кабинетах тома Полного собрания сочинений (ПСС) Ленина, а прочёл ли кто-нибудь из партторгов, профторгов и директоров все эти тома? Или хотя бы половину? Или хотя бы четверть? Вот коммунисты до сих пор поют песню Серафима Туликова, песню действительно красивую: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...», а задумывается ли кто-нибудь над её смыслом? Что значит «всегда с тобой» и «всегда живой»? Это значит, что ПСС нужно не только хранить у себя дома, но и постоянно читать, чтобы ощущать живую мысль Ильича. Увы, не хранят и не читают, но называют себя ленинцами.

Году, кажется, в 1990-м я обнаружил возле мусорокамеры 5-е (последнее) издание ПСС Ленина, очистил все 55 томов от грязи, принёс домой и с большим интересом взялся за чтение. Нет, не за «Империализм и эмпириокритицизм», а за те страницы собрания, где мысли Ильича изложены в более доступной форме. Прочитанное произвело на меня сильное впечатление, и я решил поделиться им с читателями.

Начну с размышлений Ильича о национальных интересах: «...мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции» (т. 37, с. 190).

«А вопрос о том, как определить государственные границы теперь, на время — ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ — есть вопрос не основной, не важный, второстепенный» (т. 40, с. 43—44).

«...для заключения мира, хоть сколько-нибудь прочного, мы по отношению ко всем государствам, входившим ранее в состав Российской империи, делаем как можно больше уступок. ...К этим государствам мы должны проявить наибольшую уступчивость» (т. 42, с. 354).

«Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетённой, национализм большой нации и национализм нации маленькой. ...Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик

держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения» (т. 45, с. 359).

Комментарии. 1) Россия интересовала Ильича лишь постольку, поскольку она была для большевиков плацдармом. Главное для него — мировая революция. Даже в 1921 году он ещё не терял на неё надежды. А ради неё русские жертвы можно и не считать. Короче: «мы за ценой не постоим».

2) Ильич стремился к полному уничтожению границ, поэтому без всякого сожаления избавился от Прибалтики, а Польше отдал Зап. Белоруссию и Зап. Украину (хотя даже министр иностранных дел Великобритании Керзон считал, что они — территория России, и предложил провести границу по «линии Керзона», но Ильичу страсть как хотелось установить в Польше большевистскую власть).

3) Поскольку, по твёрдому убеждению Ильича, русские — это угнетающая и вообще отвратительная нация («держиморда»), то новообразованной Украинской республике были отданы русские земли: Новороссия (от Одессы до Мариуполя), Харьков с Донбассом и большая часть Области Войска Донского.

4) Фракция КПРФ, самая большая в Госдуме того созыва, отдала Украине ещё и Крым, единодушно в 1998 г. проголосовав за ратификацию Российско-украинского договора (без этого ратификации бы не было). Это ли не пример верности ленинизму?

Ильич о патриотизме: «...наша революция боролась с патриотизмом. Мы говорили: если ты социалист, то ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придёт, которой ещё нет, но в которую ты должен верить, если ты интернационалист. ... Нам пришлось разбить мелкобуржуазную иллюзию о том, что народ есть нечто единое. ... Если бы мы сделали поблажки мелкобуржуазным иллюзиям... мы бы погубили всё дело пролетарской революции в России. Мы бы принесли в жертву узконациональным интересам интересы международной революции» (т. 37, с. 213—214).

«Патриотизм — это такое чувство, которое связано с экономическими условиями жизни именно мелких собственни-

ков... Нам пришлось с этим столкнуться в эпоху Брестского мира, когда Советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были» (т. 38, с. 133)

Комментарий: как видим, ленинизм и патриотизм — понятия взаимоисключающие. Так что зюгановцам надо выбирать: или они ленинцы, или патриоты.

Ильич о концессиях: «Для восстановления всемирного хозяйства нужно использовать русское сырьё. Без этого использования обойтись нельзя, это экономически верно. ...Россия выступает теперь на весь мир, она заявляет: мы берёмся восстанавливать международное хозяйство — вот наш план. Это экономически правильно» (т. 42, с. 69—70).

Комментарии. 1) Вот ведь как вождь мирового пролетариата пёлся о мировом капиталистическом хозяйстве за счёт русских природных ресурсов! Видать, это был своеобразный способ ведения «войны против всего капиталистического мира». Правда, аргументов мало, а убедить аудиторию (собрание актива Московской организации РКП) очень нужно, потому и повторяет он как припев: «это экономически верно», «это экономически правильно» (вспомним его же аргументацию: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»). 2) Сталин, зная, что иностранные концессионеры — это безжалостные хищники, досрочно их ликвидировал. 3) Идеи Ленина были взяты на вооружение в 1990-е годы новой властью, правда, с некоторыми поправками. С тех пор в стратегических и наиболее прибыльных отраслях экономики большая доля акций попала в руки иностранцев.

Ильич о продаже Камчатки. Влиятельный американец Вандерлип в конце 1920 г. предложил Совнаркому продать Камчатку Америке. Председатель СНК В.И. Ленин охотно согласился: «Мы даём сейчас Америке Камчатку, которая по существу всё равно не наша, ибо там находятся японские войска. Борьба с Японией мы в настоящий момент не в состоянии. Мы даём Америке такую территорию для экономической утилизации. И давая это, мы привлекаем американский империализм против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии...» (т. 42, с. 95). «Камчатка принадлежит бывшей Российской империи. Это верно. Кому же она принадлежит в настоящее время — неизвестно. Как будто она является собственностью государства, именуемого Дальневосточной республикой, но сами границы этого государства точно не установлены. На Дальнем Востоке господствует Япония, которая может делать там всё, что хочет.

Если мы Камчатку, которая юридически принадлежит нам, а фактически захвачена Японией, отдадим Америке, ясно, что мы выиграем» (там же, с. 63). «На Камчатке нефти и руды такое количество, которое мы заведомо разработать не в состоянии» (там же, с. 67).

Комментарии. 1) Хорошо, что Вандерлип не предложил Ильичу продать Владивосток, Хабаровск и Северный Сахалин (Южный Сахалин тогда принадлежал японцам). 2) Правительство США покупать Камчатку раздумало. Видимо, оно предчувствовало, что на смену Ленину придёт Сталин, который разгонит всю «ленинскую гвардию» и вернёт русские земли, растронженые «ленинской гвардией».

А в своем послесловии убедительно предлагаю нынешним господам-товарищам ленинцам и непримиримым зюгановцам внимательно, с холодной головой читать сочинения Ильича! В них вы обнаружите о-о-очень много любопытного, особенно — в служебных записках и телеграммах.

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Вопрос о том, произойдёт ли на Донбассе эскалация войны, медленно, но верно становится главным. И что самое интересное — в открытую он практически не задаётся. Ну, почти. Однако трудно не чувствовать очевидные вещи. Как минимум, потому, что украинские вооружённые формирования готовятся к этому демонстративно и не торопясь. Методично и ни от кого особо не скрываясь. А чего им скрываться-то?

С международной точки зрения, они находятся на своей территории и формально никто не имеет права спрашивать у них, чего ради они на формально своей территории затеяли такое масштабное перемещение живой силы и техники. И тем более тяжело этого не замечать, что в этот раз характер военных приготовлений не оставляет сомнений в том, что рассчитаны они отнюдь не на ДНР и ЛНР. Они рассчитаны на Россию. На её вероятное вмешательство. Об этом говорит, как минимум, морское десантирование противозенитных систем «Бук» возле Мариуполя. Для кого эти подарки, если у свободного Донбасса авиации нет? Никакой. Ни военной, ни гражданской. Да и события в Киеве с погромами представи-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

тельств российских организаций (некоторые из которых имеют дипломатический статус) говорят о том же. Очень многое в нашем мире начиналось с нападений на дипломатов.

Так что вопрос о грядущем военном обострении, сам по себе, довольно очевиден. И поправки в него может внести только украинская непредсказуемая глупость и трусость — они не раз уже собирались и не нападали. Но кто может поручиться, что в этот раз не будет иначе? Ведь это «иначе» случилось уже несколько раз. Как сказал один из наших уцелевших командиров первой волны: «Обстановка беременна войной». Но сейчас это не вопрос. Вопрос в другом. Ну, предположим, нападут они. Предположим, что всей силой. Предположим, что Россия вмешалась и, предположим, что победила. И ДАЛЬШЕ ЧТО?

Сейчас этот вопрос самый главный. Потому что, если враг давно определился в том, чего он хочет, то о нашей стороне этого сказать нельзя. Ну, давайте порассуждаем, каким оно может быть, это «дальше». Вернее, даже не может, а **должно**. Просто потому, что у всего есть логика, и без этого «должно» всё просто теряет смысл. Отсутствие этого «должно» любую победу обращает в позорное поражение, как оно уже обратило в прах победы в летней кампании 2014-го и в кровавой зимней кампании 2015-го. Как оно уже обесценило разгромы украинских боевиков в Иловайском и Дебальцевском котлах. Так какое же оно, это «должно»? Самая банальная логика войны говорит о том, что после разгрома врага необходимо развивать наступление. И либо выходить к границам республик, освобождая, наконец, от оккупантов территории, которые они захватили ещё в 2014 году (и откуда их, повинувшись той же самой логике, можно было выбить ещё тогда), либо уже начинать генеральное наступление и гнать гадов до Львова. Я понимаю, что на данный момент это звучит довольно фантастично. Но я также понимаю, что по итогам такой победы у врага может просто не остаться армии. Но будет ли это сделано? Будет ли сделано хотя бы минимальное — освобождение всей территории Донбасса? Вопрос повисает в воздухе.

И почему-то сами собой начинают приходить на ум «альтернативные варианты». Такие, как экстренное и форсированное заключение «Минска-3», инициаторами которого могут стать сами же стратеги из нашей прекрасной и златоглавой метрополии, дико перепуганные собственной победой. Действующие по той же логике, по которой действуют их коллеги, отвечающие за спорт и уже доведшие страну до позорного «выступления под нейтральным флагом». Не зря же этот срам называли «Олимпийским Минском»...

Скорее всего и в этот раз наши «стратеги» попытаются поступить точно так же. При том, что в этот раз победа может даваться гораздо тяжелее. С куда большими потерями в боевой технике и в людях. Ведь эти три года, которые были им подарены «Минском-2», не прошли даром для армии оккупантов. Всё это время они готовились. Учились. Копили вооружения. У них снова есть боевая авиация. Они восстановили танковый потенциал. Да и не только они в этот раз готовились — те, кто стоит за их спиной, готовились тоже. И не столкнёмся ли мы, когда всё начнётся, с каким-нибудь импортным ЧВК. Ну, давайте назовём его «ЧВК Брамса», раз уж у нас так любят великих немецких композиторов. Так вот, в этом «ЧВК Брамса» будет отнюдь не мобилизованное украинское мясо. Там будут солдаты с большой буквы, на оплату услуг которых не поскупятся. Чего будет стоить победа над ними?

И рассуждения доморощенных стратегов о том, что мы победим их одной левой и погоним до Лондона, уже давно не вызывают на самом Донбассе ничего, кроме смеха и презрения. Мы-то их победим. Но какая цена будет в этот раз? И не окажется ли действительно, что все эти потери, лишения и реки кровищи, которые неизбежно прольются, будут ради очередного «Минска»? Ничто так не деморализует воюющих людей, как бессмысленность жертв. О гражданском населении я даже говорить не буду.

Если враг точно знает, чего хочет, то руководство РФ — нет. Те, кто внутри неё отвечают за стратегические вопросы, говорят так же, как герой фильма: «Я ещё не определился». И это тогда, когда мировой дух и историческая логика уже практически дают им пинка под пятую точку, словно бы говоря: «Ну, давай же, определяйся, наконец». И наглядно иллюстрируют своё категоричное требование вражеской армией, открыто готовящейся ударить. Происходит это в немалой степени потому, что решать стратегические вопросы у нас поставлены тактические гении. Из чего неизбежно вытекает их блестящая тактическая схема, согласно которой надо занять как можно больше стульев одним сидалищем и посмотреть, что будет. И ведь даже обоснование такой схемы звучит складно: отличная тактическая позиция, закрывающая сразу несколько направлений и позволяющая быть мобильным, от какого бы стула ни исходила угроза. И главное: расстановка стульев не меняется, а значит, «стабильность» сохраняется. Что ж, великолепное тактическое решение, вот только сидение на нескольких стульях рано или поздно плохо заканчивается для сидалища. Исключений не бывает.

Но определяться придётся, нравится это кому-то или нет. Придётся принять стратегическое решение — что делать с этим конфликтом. Придётся чётко отвечать — **что дальше?** А таких стратегических решений может быть всего два. Я сейчас скажу, наверное, циничные вещи, но это — либо полная сдача, либо победа.

Сдача означает окончательный слив Донбасса и замыкание в собственных границах. Причём, не факт, что с Крымом. Для этой сдачи многого не надо — всего лишь вовремя «не заметить» нападения на Донбасс. И вариантов, на самом деле, масса. Ну, это, конечно, даст определённую передышку. И кто-нибудь из придворной челяди обязательно сделает умное лицо и процитирует: «Россия сосредотачивается...» Но мы такое уже видели. Так поступил Милошевич. Если не ошибаюсь, правил он после этого чуть больше года. И то потому, что взялись за него не сразу, а как-то даже с ленцой. Чем всё закончилось, напоминать надо.

А победа — это война. В которую надо ввязываться и доводить её до конца. Прекратить ёрзать седолищем на всех стульях сразу и сказать: «Да, это наша земля и мы будем за неё воевать. Плевать нам на санкции. Плевать нам на ваши угрозы. Мы — сверхдержава. У нас ядерное оружие». Как думаете, сколько идиотов найдётся, чтобы кинуться защищать Украину? Ни одного. Да, будет трудно. Да, придётся рвать связи с «заокраинным Западом». Но это будет лучше, чем поражение. И лучше, чем «Минск-3». Который станет точно таким же поражением, но в чуть более отсроченной перспективе. Только унижения в этом случае будет больше. И ущерба тоже, потому что «минский формат» создаёт на Донбассе «чёрную дыру», в которую уходят и уходят ресурсы. Все вещи надо доводить до конца. Воюешь — воюй, а не совершай противоестественные действия с человеческим мозгом. И если война началась (а она началась), то в ней надо либо побеждать, либо проигрывать. В данном случае — это вопрос выбора.

Впрочем, я, как клинический оптимист, продолжаю верить в лучшее. И искренне надеюсь, что когда украинский зверь всё-таки решится — противостоять ему будет не «сборная под нейтральным флагом».

НОВОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО КОНЦЛАГЕРЯ

12 февраля 2018 года на сайте Экспертного центра электронного государства появилась статья «Минкомсвязь разработал форму согласия на обработку биометрических персональных данных». Диву даешься, с какой легкостью хотят распоряжаться неприкосновенными сведениями о наших личностях презренные лихоимцы и их поделщики из электронной мафии. Процедурам по снятию биометрических параметров ранее подвергались только узники фашистских концлагерей и отъявленные преступники. Такие деяния по отношению к военнопленным и мирным гражданам Нюрнбергский военный трибунал квалифицировал как преступления против человечности, не имеющие срока давности.

Но теперь начальники и надзиратели электронного концлагеря действуют намного хитрее и изощрённее. Они хотят возложить всю ответственность за содеянное на самих легкомысленных граждан. Для этого-то им и нужно получить «согласие на обработку»: «В соответствии с формой согласия субъект персональных данных дает согласие на обработку его персональных данных для реализации единой цели — обеспечения его идентификации на основе его биометрических персональных данных одновременно лицу, осуществляющему сбор персональных данных; Минкомсвязи (или правопреемнику) — оператору единой системы идентификации и аутентификации; ПАО «Ростелеком» (или правопреемнику) — оператору единой биометрической системы» — говорится в упомянутой статье. Но это для начала. Впоследствии конфиденциальными данными граждан смогут распоряжаться все кому не лень. Во всемирном масштабе, включая Пентагон, ЦРУ и другие известные службы.

Но самое страшное даже не в этом, а в изощренном лукавстве строителей электронного ГУЛага. Посмотрим, что же

написано в пресловутой «форме согласия». Прежде всего человек, указывая свои паспортные данные, заявляет: «Я даю информированное и сознательное согласие на обработку моих персональных данных в объеме...» Далее вновь следуют паспортные данные, ИНН, СНИЛС, номер мобильного телефона, адрес электронной почты и другие сведения, «необходимые для регистрации в ЕСИА». А затем говорится об «информированном и сознательном согласии» гражданина на обработку «биометрических персональных данных», перечень которых определяется «в соответствии с постановлением правительства Российской Федерации, определяющим состав таких данных...» для идентификации гражданина в ЕБС (Единой биометрической системе).

При этом персональные данные, включая самые конфиденциальные подробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека, начинают вести самостоятельную жизнь в виртуальном пространстве. У человека появляется электронная копия, которой может воспользоваться кто угодно.

Информация отчуждается от человека, собирается и обрабатывается вне зависимости от его воли. Человек даже не будет догадываться о том, кто и как использует имеющиеся о нём сведения. Он уже не имеет никакого отношения к процессу так называемой обработки, то есть «любых действий с его персональными данными»! Оператор использует их по своему усмотрению вне зависимости от воли гражданина.

Возможности операторов ничем не ограничены. Они практически будут обладать абсолютной властью над «биообъектами». Оператор — это организация, группа лиц или даже частное лицо (!), в руки которых попадают все наши персональные данные, включая самые конфиденциальные. Эти сведения очень легко можно использовать в корыстных целях — для физического и духовного порабощения людей, поставив им определенные условия лояльности. Скажем, ввести некий обязательный для исполнения идеологический кодекс, противоречащий заповедям Божиим, вере и совести человека.

Дело идет к построению общества, в котором бы человек и помыслить не мог о каких-либо правах и свободах, забыл о том, что он образ и подобие Божие.

Владимир СМЫК
(1941 — 2017)

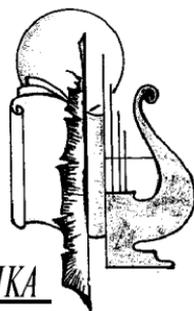
ВПЕРЕД К ПУШКИНУ!

(Перед кем предстоит писатель?)

Я поднимал эту тему в своих статьях 15 лет назад. За прошедшие годы она не получила поддержки и развития. Недавно ушедший от нас Владимир Смык незадолго до смерти продолжил этот разговор о важнейшей проблеме русской литературы. Без понимания и раскрытия этой проблемы наша литература так и будет топтаться на месте, не достигая того духовного смысла и того уровня, к которым стремилась наша классика.

Валерий ХАТЮШИН

Оглядываясь на прошедший век, оценивая масштабные произведения советской литературы, признавая преeminence ее с произведениями русских классиков от Пушкина до Чехова, зададимся, однако, вопросом: почему даже в лучших своих проявлениях она всё же не смогла встать с ними в один ряд? Пожалуй, единственным исключением является эпопея «Тихий Дон». То, что именно великий шолоховский роман достоин быть в этом ряду, — тема отдельная, и ниже мы ее коснёмся, но исключение, как водится, подтверждает правило и, если угодно, заостряет постановку вопроса. Ведь по мастерству, владению сло-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

вом проза, скажем, Виктора Астафьева не уступает прозе Сергея Аксакова, а напряженный драматизм повестей Валентина Распутина, их великолепный язык не проиграет в сравнении с повестями Тургенева. Ответ, думается, заключается в том, что русские писатели XIX столетия ставили своего героя перед Богом. В жизненных испытаниях, в критические минуты, в моменты высшего напряжения душевных сил, они выносили судьбоносные для него решения, соотносясь с Евангелием, с заповедями Нагорной проповеди, с нравственными максимами христианской веры. Соотнесенность эта могла быть полемичной или — как у Льва Толстого — даже конфликтной, но она не просто присутствовала, она заключала в себе главный нерв их творчества.

«Солнечный центр нашей истории»

Стояние перед Богом героя отечественной классической литературы было, конечно, наследием многовековой православной традиции, восходящей к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, но путь к этому наследству был непростым. Он лежал через преодоление практики Петра Первого и его наследников, направленной на слом генетического кода православной русской культуры и замены его протестантским; требовал нейтрализации влияний — эпохи Просвещения, масонской идеологии, европейского позитивизма. Возьмем две великие пьесы, созданные до пушкинского «Бориса Годунова»: «Недоросль» и «Горе от ума».

Над тем, что связано с православной церковью, Фонвизин посмеивается. Дьячок Кутейкин, недоучившийся семинарист, «убоявшийся бездны премудрости» и жадноватый, противопоставлен трудолюбивому, щепетильно честному отставному сержанту Цифиркину, отказывающемуся от платы за уроки ничему не научившемуся Митрофанушке. Положительные герои Фонвизина индифферентны к вере, тем более Скотинин и Простакова. Но если Стародум, принадлежащий поколению, читавшему книгу «Юности честное зерцало», воспитательный пафос которого не противоречит христианским заповедям, а с ним Правдин и Милон твердо придерживаются этических норм, то о героях комедии «Горе от ума» этого уже сказать нельзя. Общество всё дальше уходило от Христа. Вспомним, какое раздражение в Чацком вызывает исповедь подвыпившего Репетилова: «Все отвергал: законы, совесть, веру»: «Послушай, ври, да знай же меру: есть от чего в отчаянье прийти!» Вслушаемся в монологи и реплики Александра Андреевича: любовь бессмысленна, семья —

обуза, вера не нужна. Противостоящие Чацкому консерваторы фамусовского общества в вопросах отношения к Христовым заповедям с ним отнюдь не спорят: «Будешь горе горевать, за святцами зевать», — грозит Фамусов Софье. «Грех не беда, — говорит своей молодой госпоже служанка Лиза, — молва нехороша». Ловкая и умная субретка поняла, что религиозное ханжество стало общественной нормой.

Связать обрубленные Петром концы, восстановить традиционный ход русской жизни, вернуть его к православному миропониманию было предназначено великому Пушкину, «солнечному центру нашей истории», по определению Ивана Ильина. Другой замечательный русский философ — Александр Панарин — в статье «Пушкинская парадигма как кредо философии», писал: «Пушкин, без преувеличения, может быть назван основателем новой российской нации петербургского («постмосковского») типа. Вся новая империя, созданная Петром Первым, поначалу была, по большому культурному счету, ходульной военно-бюрократической конструкцией, созданной по «немецким» чертежам. Доказательством этому служат последовавшие за смертью основателя дворцовые перевороты, бироновщина, полный отрыв правящей камарильи от собственного народа. Только Пушкин вдохнул жизнь в эту умозрительную конструкцию, натурализовал ее на национальной почве, дал ей язык, разделяемый всей нацией».

Как случилось, что поэт, воспитанный на европейской культуре, в юные годы благоговевший перед Вольтером, незадолго до написания «Бориса Годунова» получивший «уроки чистого афеизма», преодолел западное влияние и открыл свой гений для органичного, национального восприятия отечественной действительности — есть творческая тайна автора бессмертной трагедии. Но факт остается фактом: драма, в основу которой был положен взгляд Карамзина на события, позволившие Лжедмитрию занять московский престол, знаменовала собой крутой разворот русской литературы от Запада на Восток, к себе, поворот, смысл которого выразил сам Пушкин: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков».

В пьесе два главных героя: царь-преступник и народ, попустивший избрание Бориса на царство. Но противление царя Высшей правде, старания заглушить в себе Ее голос попытки оттянуть неизбежное предстояние перед Богом, ведут лишь к победам Самозванца. Валентин Непомнящий в посвященной Пушкину работе «Удерживающий теперь», пишет: «Во всех шести сценах, где появляется Борис, его глав-

ное действие — замкнуть слух от голоса совести (раздается ли он в собственных мрачных предчувствиях, или в известии о появлении Самозванца, принесенном Шуйским, или в молитве Патриарха и т.д.), — и каждый раз после (в результате?) этого Самозванец делает очередной шаг к успеху, а все действие — к краху Годунова и к безмолвию, в котором заговорит совесть народа». Трагедию завершает потрясающая немая сцена: «Народ безмолвствует»...

От «Ревизора» к «Мертвым душам»

«Немой сценой» завершается и великая комедия «Ревизор», сюжет которой, как известно, подсказал Гоголю Пушкин. В этой пьесе есть и свой Лжедмитрий — Александр Иванович Хлестаков — сначала самозванец невольный, но быстро входящий в эту роль. И Городничий, и весь чиновный народ губернского города NN (да и народ, заполнивший зрительный зал, к которому обращается Антон Антонович: «Чему смеетесь? над собою смеетесь!..») — тоже хотят уйти от встречи с Высшей правдой: «Грешен, во многом грешен, — вздыхает Городничий. — Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску». Но Неподкупный «есть грозный судия: он ждет», напоминал современникам Лермонтов, «самый верующий русский поэт», по мнению Валентина Непомнящего. И «грозный судия», в конце концов, приходит в губернский город в лице подлинного ревизора...

В нынешнем году исполнилось 180 лет со дня первой постановки бессмертной комедии. 1 мая 1836 года она с триумфом прошла в Александрийском театре. На премьере присутствовал сам Николай I, во время представления император хохотал от всей души, часто аплодировал и покинул ложу со словами: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне — больше всех!» И только один Гоголь считал, что «Ревизор» провалился.

Дело в том, что пьеса была сыграна как веселый фарс. Актеры стремились рассмешить публику. Им это удалось, но, как отмечает исследователь гоголевского творчества Владимир Воропаев, *«при карикатурной манере игры сидящие в зале воспринимали происходящее на сцене без применения к себе, так как персонажи были утрированно смешны. Между тем замысел Гоголя был рассчитан как раз на противоположное восприятие: вовлечь зрителя в спектакль, дать почувствовать, что город, обозначенный в комедии, существует не где-то, но в той или иной мере в любом месте России, а страсти и пороки*

чиновников есть в душе каждого из нас. Гоголь обращается ко всем и каждому».

Особенно недоволен был драматург тем как сыгран Хлестаков. В «Отрывке из письма одному литератору» он пишет: «Главная роль пропала. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то вроде... целой шеренги водевильных шалунов». Николай Дюр выступал в водевилях, где исполнил 250 ролей. Актер, заточенный на фарсовые жанры, конечно же, не мог понять, какой смысл Гоголь вкладывал в образ «мелкого чиновника из Петербурга». А смысл-то совсем не комичный. Снова предоставим слово Владимиру Воропаеву: *«Хлестаков не просто фантазер. Он сам не знает, что говорит и что скажет в следующий миг. Словно за него говорит некто, сидящий в нем, искушающий через него всех героев пьесы. Не есть ли это сам отец лжи, то есть дьявол?.. Герои пьесы в ответ на эти искушения, сами того не замечая, раскрываются во всей своей греховности. Искушаемый лукавым Хлестаков сам как бы приобрел черты беса».*

Можно только предполагать, что бы произошло, сыграй актеры пьесу так, как хотел Гоголь, как бы это изменило судьбу великого писателя и даже судьбу самой России, ибо театр был тогда самым мощным средством воздействия на общество. Но ни при жизни Николая Васильевича, ни после его смерти вплоть до сего дня «Ревизор» не сыгран надлежащим образом — по-гоголевски. Видимо, дело не в том, что драматург поставил перед актерами невыполнимую задачу. Дело в нас, зрителях, 180 лет смеющихся над Городничим и его окружением, и не желающих понять, что в комедии речь идет и о нас, даже в первую очередь о нас, не желающих, как и чиновники уездного города NN, встречи с «грозным судьей» — подлинным ревизором.

Общество в своем большинстве хотело видеть в Гоголе пасечника Рудого Панька, рассказчика веселой «Сорочинской ярмарки», или создателя легенд, полных мистических страхов, на которые так щедра земля Малороссии, или обличителя существующих порядков — а в России они почти всегда были плохи, — но только не писателя, ставящего проблему совести, решающего нравственные вопросы, поднимающего тему предстояния перед Высшей Правдой. Инертное, косное по отношению к Православию, оно не хотело искать в себе причину бесчисленных зол, а выносило ее вовне — в социальную сферу. Оттого не поняло оно «Ревизора», не приняло «Выбранные места из переписки с друзьями» и в массе своей было полностью солидарно с «Письмом к Гоголю» Виссариона Белинского. К сожалению, и наша церковь даже в

лице ее лучших представителей не смогла тогда в должной мере оценить значение «Выбранных мест», не заметила совершаемого писателем подвига, цель которого состояла в том, чтобы повернуть русское общество ко Христу. Этой цели писатель оставался верным, создавая поэму «Мертвые души».

Существует устойчивое заблуждение, что при написании второго тома Гоголя постигла неудача, что сама идея привести Чичикова от зла к добру была обречена. Но о втором томе мы судим по черновикам — объектам дальнейшей работы писателя. Друзья же Гоголя — А.О. Смирнова-Россет, М.А. Максимович, С.П. Шевырев, Л.И. Арнольди, которым он читал поэму в законченном виде, единодушны в ее высокой оценке. Смирнова, собеседник Пушкина, Жуковского, Лермонтова, говорила о том, что первый том совершенно побледнел в ее воображении перед вторым. «Здесь юмор был возведен в высшую степень художественности и соединился с пафосом, от которого захватывало дух» («Н.В. Гоголь и Православие» Москва, «Отчий дом», 2004, с. 142). Оценка Арнольди: «Удивительно, неподобно... Тут везде слышится жизнь, как она есть... Гораздо ближе к действительности, чем в первом томе» (там же). Свидетельство С.Т. Аксакова: «Теперь я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит в первом томе... Да, много должно сгореть жизни в горниле, из которого истекает чистое золото» (там же).

Мало знают и о том, что автор «Мертвых душ» не думал сжигать готовую рукопись второго тома. «Вообразите, как силен злой дух! — жаловался он А.Н. Толстому. — Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после своей смерти» (стр. 148). Об этом признании писателя вспоминал и лечивший его доктор Тарасенков.

Почему не принимаются во внимание свидетельства в пользу второго тома и слезные сожаления Гоголя по поводу сожженной рукописи, почему муссируется тема болезни писателя и его якобы творческого бессилия в конце жизни? Заявленная Белинским в упомянутом письме тема возможной душевной болезни Гоголя («*mania religiosa*») была активно поддержана атеистической критикой советского периода, стремившейся доказать, что путь христианского подвига, который проходил автор «Мертвых душ», оказался для него бесплодным и в конце концов губительным.

Эта критика вкупе с нынешним либеральным литературоведением не замечает и православный фундаментализм автора «Бориса Годунова», «Евгения Онегина», «Капитанской

дочки», «Странника»... Она игнорирует тот факт, что Гоголь — вместе с Пушкиным и вслед за ним — возвращал Россию на предначертанный Богом путь.

Для автора «Ревизора», «Выбранных мест», «Мертвых душ» смысл и цель литературы заключается в том, чтобы вести людей к Спасителю. Этот смысл воспринял Достоевский. Великий наследник Гоголя, продолжатель его дела, он всей мощью своего гениального дарования звал Россию ко Христу. Исследуя добро и зло в человеке, показывая человеческое сердце как поле битвы Бога с дьяволом, Достоевский сделал русскую литературу явлением всемирного масштаба. Велик талант Льва Толстого, и тоже признан всеми, но всё же о России, о русском человеке мир судит, в первую очередь, по произведениям автора «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых».

С вершины в пропасть

Русская литература XIX века закончилась Чеховым. Споры о религиозности писателя, его отношении к Богу идут не одно десятилетие, но несомненно то, что автор повести «Дуэль», рассказов «Архиерей» (по некоторым сведениям любимого чтения Святейшего Патриарха Алексия II), «Студент» (любимого рассказа самого Чехова), «Святая ночь» не свидетельствовал прямо о Христе, не знал миссионерского энтузиазма Гоголя и Достоевского. Его герои не чужды духовного поиска, но «настоящей правды», по мнению писателя, не знает никто.

Со смертью Толстого и Чехова угас «золотой век» русской литературы — на смену пришел «серебряный». Ему стало тесно в стенах отечественной художественной традиции, опиравшейся на христианский фундамент, он захотел автономии. Истина в глазах авторов начала двадцатого столетия стала, по меньшей мере, двоиться. Зло получило в лучшем случае те же права, что и добро: «Мне с Морозовой класть поклоны/с падчерицей Ирода плясать» (Ахматова). Манихейское равновесие добра и зла — «Концы соприкоснутся / проснутся «да» и «нет» / и «да» и «нет» сольются/ и смерть их будет свет» (Гиппиус) — не могло продержаться долго. «Нежной рукой отведу нецелованный крест, /В щедрое небо рванусь за последним приветом» (Цветаева). За приветом к кому? Известно, что сторожат душу на воздушных путях бесы. Уже не перед лицом Бога ставил литературного героя автор, а перед дьяволом. Поэтому практика творцов Серебряного века в своем итоге вела многих литераторов в салоны, где служи-

лись черные мессы, к откровенному сатанизму. Станислав Куняев справедливо пишет: «Дети Серебряного века очень любили в своих стихах намекать или говорить прямо, что они играют с адскими силами, что они накоротке с «владыкой тьмы», что их притягивают тёмные бездны зла. Такие игры даром не проходят. Игра в ад закончилась настоящим адом. Ад петлюровских погромов, ад рассказывания, ад Белого и Красного терроров, ад голода, холода и продразвёрток, ад эпидемий тифа, ад чекистских застенков и белогвардейских контрразведок... «Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода» («В борьбе неравной двух сердец», «Наш современник», 2012, №№ 1—4).

Эпоха социалистического реализма заморозила своеволие служителей муз. В стране победившего атеизма оказалось невозможным устраивать дионисийские игрища, вести спиритические сеансы, служить черные мессы на животе блудницы... «Обезбоженные дети Серебряного века не сразу поняли, что новая власть взяла на себя все обязанности высших сил, испепеливших Содом и Гоморру» (там же). Она принудила стать реалистами ведущих мастеров Серебряного века, таких как Пастернак, Мандельштам, Ахматова. Советская Россия в тот период дает плеяду молодых авторов, сказавших правду о своей эпохе. Среди них поэты Александр Твардовский, Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, Дмитрий Кедрин... В прозе ведущее место занял Михаил Шолохов. Его «Тихий Дон» стал выдающимся явлением не только советской, но и мировой литературы.

Мелихов тоже ищет «настоящую правду». Но в отличие от чеховских героев, он не праздно рассуждает о ней, для него этот поиск — жизнь, кровь и судьба. Метущийся между белыми и красными в вихре Гражданской войны, он платит за свою жажду справедливости всем, что у него есть. Единственное, что остается, — малолетний сын, но их встреча в финале похожа на последнее свидание: дальнейшая участь Григория ясна, сам Шолохов, по свидетельству супруги писателя Марии Петровны, ее оплакивал:

«Он отвернулся от окна, показал на письменный стол и, сквозь слезы, сказал: «Я закончил». Я подошла к столу и перечитала последнюю страницу:

«Григорий подошел к спуску, задыхаясь, хрипло окликнул сына:

— Мишенька!.. Сынок!..

Это было всё, что осталось у него в жизни. Что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Сияющий холодом мир, **холодное** солнце... Когда Григорий схоронил Аксинью, он увидел над собой черное солнце. Григорий искал Правду, искал с ней встречу, но ее Солнце не от мира сего. Ее образ мы встретим в эпизоде, которым заканчивается вторая книга эпопеи: «Вскоре (после расстрела белыми красного казака Валета. — **В.С.**) приехал с ближайшего хутора какой-то старик, выкопал в головах могилы ямку, поставил на свежеструганном дубовом устое часовню. Под треугольным навесом ее в темноте **тепился** скорбный лик Божьей Матери (прямая связь с «Молитвой» Лермонтова, где Божья Мать названа «теплой заступницей мира холодного». — **В.С.**), внизу на карнизе навеса мохнатила черная вязь славянского письма: «В годину смуты и разврата Не осудите братья брата». Старик уехал, а в степи осталась часовня горюнить глаза прохожих и проезжих извечно унылым видом, будить в сердцах невнятную тоску».

Но вернемся к развязке романа — сцене смерти Аксиньи, наверное, самой трагичном эпизоде во всей мировой литературе. «Уже в могиле он крестом сложил на груди ее мертвенно побелевшие смуглые руки, головным платком укрыл лицо, чтобы земля не засыпала ее полуоткрытые, неподвижно устремленные в небо и уже начавшие тускнеть глаза. Он попрощался с нею, твердо веря в то, что расстаются они ненадолго»...

Метания Григория в поисках справедливости, мучительная борьба за то, чтобы «в годину смуты и разврата» сохранить в себе человеческое, отстоять любовь, закончилась предостоянием перед Богом, актом смирения и твердой веры: «...расстаются они ненадолго».

Нельзя не обратить внимания на то, что Шолохов по отношению к своим героям находится в той же позиции, что и авторы «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», «Мертвых душ», «Войны и мира». Он летописец и в своем эпическом повествовании рассказывает о роковых событиях, вооружившись оптикой пушкинского Пимена. Писатель не судит тех, кто оказался между жерновов Гражданской войны. Это не равнодушная отстраненность, это христианское — «не осудите братья брата». Передача сложнейших лирических переживаний героев, точность описаний природы, напрямую включенной в их судьбу, — всем этим Шолохов участвует в эпопее, подобно тому, как неразрывно вплетены в канву своих произведений авторскими отступлениями Пушкин и Гоголь. Создатель «Тихого Дона» показал себя достойным наследником классиков русской литературы XIX века, продолжателем реалистической традиции, начатой Пушкиным.

Что сожжём во имя очередного «нашего завтра»?

Октябрьская революция явилась второй после петровских реформ попыткой переделать Россию. Пришедшие к власти в Октябре 1917 года поманили потребителем раем коммунизма, с тем чтобы перекроить духовный уклад, катком репрессий расплющить культурное многообразие страны. «Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы» — писал первый председатель Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей В. Кириллов. С первых лет существования новой власти возникла прямая угроза существованию Русского народа — его объявили шовинистом и реакционером по определению. Вот образчики репрессирования национального сознания тех лет: «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?/Что же! Вечная память тебе» (В. Александровский, «Правда» 143.8.1925); «Бешено, неумоно бешено/колоколом сердце кричит: /Старая Русь повешена, / и мы ее палачи» (В. Александровский); «О, скоро ли рукою жестокой/Рассеюшку с пути столкнут? (А. Безыменский, журнал «30 дней», М. 1925). Луначарский носился с идеей заменить кириллицу латиницей. Деятели Наркомпроса хотели запретить Пушкина, Толстого и Достоевского и всю остальную «непролетарскую культуру» и литературу. «Запрет не состоялся потому, что в партии нашлись люди, понимающие, что если авангард будет разговаривать с народом на сектантском языке научного талмудизма, дело кончится его полной национальной изоляцией. Талмудисты-максималисты были в конце концов изолированы и нейтрализованы, и народу разрешено было приобщиться к сокровищам великой русской литературы. И случилось настоящее чудо: национальный гений Пушкина заново создал нацию из такой неопределенности, как «советский народ» с его «двумя классами и одной прослойкой». Научившаяся читать, ставшая поголовно грамотной нация (первоначальной целью образования было научиться читать классиков марксизма-ленинизма — так буквально говорила Н.К. Крупская) обратилась к своей высокой литературной классике и душой почувствовала — это ее родное, кровное» (Александр Панарин «Православная цивилизация»). С государственным размахом как праздник всего СССР было отмечено столетие со дня смерти Пушкина. Сталин вернул страну к художественно-эстетической максиме, на которую раньше были ориентированы не только русский, но и все народы Российской империи, и которую олицетворял собой Пушкин, сделал его вождем советской культуры.

Итак, после революции Александр Сергеевич еще раз пришел нам на помощь. Но сегодня мы стали свидетелями третьей попытки свернуть Россию с ее исторического пути, начатую Горбачевым, продолженную Ельциным и его нынешними наследниками. Строительство «потребительской империи добра» по западным чертежам оказалось губительным как для экономики страны, так и для ее культуры, причем культурный кризис оказался глубже и опаснее экономического: с начала перестройки прошло уже более тридцати лет, но все это время мы можем следить лишь за упадком культуры, которая не дала стране ни нового Шолохова, ни Свиридова, ни Рубцова. «Тоталитарный советский режим» оказался не в пример плодотворнее. Причем, если Сталин и последующие руководители относились к искусству и литературе как важнейшему фактору идеологического воспитания (разумеется, это имело и негативные стороны, но, во всяком случае, «инженеры человеческих душ» никогда не были обделены вниманием со стороны правительства), то государство постсоветской России «отпустило» культуру. Место советского агитпропа тут же заняли западные специалисты по России, они стали определять, «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим».

Кстати, о тех, кто должен быть мертв. Теперь, в условиях распада страны, литераторов не обязательно убивать физически. Заинтересованные в гибели русской культуры могут и не продолжать мартиролог русских поэтов, ведущийся от Пушкина. Этот список, наверное, можно закончить именем Бориса Примерова, который вслед за Юлией Друниной («Как летит под откос Россия / Не хочу, не могу смотреть») свел счёты с жизнью («Меня позвала Юлия Владимировна Друнина»). Да, это два самоубийства, но они на совести тех, кто разрушил страну. Как точно сказал поэт Владимир Лисовой в предисловии к книге Анатолия Передреева «Родина внутри нас» (составитель А.И. Баженова — Москва, «Здравие», 2013 г.): «Трудно нынче жить русскому человеку в своем отечестве. И как легко умереть. Находясь, по сути дела, в резервации».

Поэта, а шире — русского писателя теперь убивают нуждой, крошечными тиражами книг или полной невозможностью их издать. Зато тем литераторам, кому чужды традиции русской и советской культуры, Запад обеспечил «раскрутку» и щедрые премии. Прославившаяся русофобией Людмила Улицкая получила премии Медичи (Франция), Джузепе Ачерби (Италия), Симоны де Бовуар (Франция), Гринцаны Кавур (Италия), Премию Пенне (Италия), стала кавалером Ордена Почетного Легиона (Франция). Ольга Седакова,

чьи стихи ничего не говорят русскому сердцу и напоминают каких-то диковинных рыб, на которые любопытные смотрят через стекло в океариуме, получила Парижскую премию русскому поэту, Премии Альфреда Тёпфера, Европейскую премию за поэзию... Любопытно, что финансирует переводы современных авторов на иностранные языки, их публикации в иностранных изданиях Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. Его возглавляет Сергей Филатов, в 1993—1996 годах руководивший администрацией Ельцина. Как сообщил в декабре прошлого года сетевой литературный журнал «Камертон», на слушаниях в Общественной палате РФ «Об итогах Года литературы», глава фонда выпалил: «...мы выбираем не тех писателей, чьи имена вам ласкают слух, а тех, которые требуются за рубежом». А за рубежом понятно, кто требуется...

Процесс раскультиуривания страны привел к тому, что «толстые журналы», со времен пушкинского «Современника», определявшие литературные вкусы читающей публики, практически перестали существовать. Зато открылись шлюзы для всего низкопробного. «Функцию литературы, — пишет известный историк и политолог Андрей Фурсов, — начинает выполнять антилитература (акунины-донцовы), культуры — антикультура (от Дом-2 до версии «Руслан и Людмила» в «режиссуре» Д. Черныкова)». Затянувшийся третий социальный эксперимент, имеющий целью встроить Россию в «цивилизованный мир», грозит потерей культурной идентичности прежде всего русского народа, а затем и других народов, входящих в Федерацию.

Веленья Божие и муза

Как бороться с бедой, как отстаивать отечественную литературу? Поэты и прозаики патриотического лагеря пытаются противостоять губительному напору «мягкой силы», посредством которой Запад с помощью нашей либерально настроенной творческой интеллигенции стремится задушить всё русское. Однако исход нашей борьбы отнюдь не очевиден: слишком раздроблены силы. Не только об организационном, но и о духовном единстве, увы, говорить не приходится. Что же делать? Не призвать ли снова на помощь Пушкина?

Поэт поможет нам и в третий раз, если мы останемся верны его завету: «Веленью Божию, о муза, будь послушна». А вот здесь как раз камень преткновения. Век победившего атеизма миновал, но очень немногие — буквально единицы — ставят своих героев, свое творческое «я» перед Богом. А ведь именно

это значит возвратиться к Пушкину, к великой русской литературе. Первый призыв «вернуться к тому образу мира, который Пушкин унаследовал от духовной культуры Руси, который он сообщил в качестве основы светской культуре России» раздался 20 лет назад в упомянутой ранее статье ведущего нашего пушкиниста Валентина Непомнящего «Удерживающий теперь» («Новый мир», 1996, №5). Через три года в «Российском писателе» (2003, №10) и в журнале «Молодая гвардия» (2003, №11-12) была опубликована статья Валерия Хатюшина «Без божества». Ее главная мысль: «Искусство, если оно искусство, а не баловство, не игра принципиально должно быть подчинено высшим религиозным задачам... Выше Бога нет ничего, и хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счете в художнике выше и важнее чувства эстетического».

Но призыв автора к собратьям по перу служить Высшей правде услышан не был. Больше того, статья вызвала резкую отповедь известных критиков Владимира Бондаренко и Олега Дороганя. Поводом для возмущения послужил содержащийся в ней анализ поэм Юрия Кузнецова «Путь Христа» и «Сошествие в ад». Едва ли стоит вникать в детали давнего спора, но нельзя не сказать о его сути. Если В.Хатюшин говорил об ответственности автора, о служении Истине, то его оппоненты заняли противоположную позицию, отстаивая право Кузнецова и, следовательно, любого литератора на неограниченную свободу самовыражения. Талант якобы дает на это право.

Разумеется, индивидуальность, творческий почерк — признак таланта, неотъемлемое его свойство, необходимое условие создания художественного произведения. Но разница между русской классической литературой и неклассической, по-видимому, состоит в том, что для поэта и прозаика XIX века одного авторского видения было недостаточно, чтобы выйти к читателю. Достаточным условием было служение Истине. Поэт золотого века не ставил себя, свое поэтическое «я», свое «я так вижу» выше правды: правды жизни (социальной правды), правды красоты, наконец, Божьей правды. Служба Истине была долгом и призванием поэта. Серебряный век, по существу, отменил творчество как служение. Творческая индивидуальность стала не только необходимым, но и достаточным условием литературного процесса. Позднее, в атеистические советские годы, вопрос об ответственности художника перед лицом Высшей правды был попросту снят. Даже земная правда стала для него необязательной, а нередко и опасной, если шла вразрез с директивным пони-

манием действительности. Видение, выражение своего «я» становилось главным критерием достоинства произведения. Такой подход создавал питательную среду для развития в литературном обществе тщеславия, самолюбия, гордыни. Но после падения советской власти, которая всё же заставляла автора не выходить за определенные морально-нравственные рамки, отвязанное от ответственности самовыражение пустилось во все тяжкие и стало синонимом постмодернизма. Автор-постмодернист ставит читателя не перед Богом, а перед собой».

Стоит заметить, что свобода самовыражения у автора двух упомянутых поэм достигла своих экстремальных значений: Юрий Кузнецов произвольно интерпретировал евангельские тексты, не страшась их «подправлять» там, где ему это казалось необходимым, использовал апокрифы или другие сомнительные источники в духе *a la Renan*. И это не могло не вести к прямому кощунству. Подобное «вдохновение» доводило сочинителя до того, что он уподоблял себя Христу: «Встань и сияй надо мною, звезда Вифлиема!» Публикация поэмы «Путь Христа» в «Нашем современнике» вызвала протест члена редколлегии журнала священника Ярослава Шипова. Он предупредил, что произвольное обращение с текстом Нового Завета грозит оказаться хулой на Святого Духа, которым эта Книга написана, и отказался от лица Церкви благословить публикацию поэмы. Редакция предпочла расстаться с членом редколлегии и прекрасным писателем отцом Ярославом Шиповым, но свою позицию не изменила.

В дальнейшем Ю. Кузнецов дал поистине неограниченный простор фантазии в поэме «Сошествие в ад», пытаясь соперничать с Данте. Но если поэта вводит в ад Вергилий, который, по существу, служит ему гидом, то Юрия Поликарповича — сам Спаситель. Это был опасный приём. Во-первых, он граничит с магией, принцип которой — эксплуатация в своих целях сверхъестественных сил, во-вторых, постмодернистская фантазия искажает евангельскую Истину. Вот один из примеров. Благоразумный разбойник, которому Христос на кресте сказал: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю» (Лука. 23, 43), в поэме попадает сначала в ад и идет по нему вместе с Христом и автором поэмы. То есть, согласно Кузнецову, если он попадёт в рай, то лишь на третий день, после Воскресения Сына Божия. Читал ли поэт «Часы Святой Пасхи»? — «Во гробе плотски, во аде же с душею, яко Бог, в раи же с рабойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй...» Непостижимая и прекрасная диалектика Пресвятой Троицы авторским произволом

попросту отброшена... Данте, с которым соперничает Кузнецов, хорошо знал богословие и на подобные вольности не решался.

Продолжая соревнование с великим флорентийцем, автор «Сошествия в ад» живописал мучения попавших в преисподнюю. Во-первых, надо сказать, что православие издавна находилось под влиянием христианских апологетов первых веков (св. Иустина Философа, св. Игнатия Богоносца, Феофила Антиохийского и др.), учивших об апокатастасисе — всеобщем спасении — и не дерзало предавать на вечные муки кого-либо, во всяком случае, поименно. Суд — исключительная прерогатива человеколюбивого Бога. Св. Иосиф Волоцкий писал в Волоколамском патерике: «Преблагой человеколюбец Бог хочет, чтобы все спаслись, и никто не грешил. Как радуется и веселится Преблагой Господь о том, что никто не погибнет» (цитирую по работе историка И. Дронова «Утопия и Устав»; «Наш современник, 2012, №3»). Во-вторых, великий флорентиец среди грешников в аду увидел всего десять известных ему фигур, к которым отнюдь не чужд сострадания. Вот он видит мучения Франчески да Римини и Паоло Малатеста:

*Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.*

Кузнецов же безо всякой жалости отправил на вечные муки многих. Мучаются в пекле политики и военачальники: Ленин, Сталин, Корнилов, Махно, Деникин, Тухачевский. Поэт обрек адскому пламени мыслителей и ученых — Кампанеллу, Декарта, Гегеля, Эйнштейна; великих деятелей мировой культуры: Шекспира и Чаплина; не пожалел Белинского, Солженицына и Сахарова. Не пощадил и ребенка — Павлика Морозова. Поместил в огненную преисподню сожжённую на этом свете англичанами католическую святую, мученицу Жанну д'Арк. Расправился с русскими классиками. В вечном огне горят Герцен, Тютчев (вместе с Денисьевой). Гоголь летает в пылающем гробу! Пушкина, правда, Юрий Поликарпович не решился казнить вечной мукой, но он расправился с ним раньше: «Пень иль волк, или Пушкин мелькнул?» («Выходя на дорогу, душа оглянулась»). Этот вызов литературе XIX в. литераторы предпочли не заметить — не захотели плыть против мейнстрима, поскольку люди весьма авторитетные называли и продолжают называть Ю. Кузнецова ведущим русским поэтом.

Кстати, Хатюшин и не думал отрицать его как художника: «Восьмидесятые годы — это несомненно поэтическое время Кузнецова». В статье «Во имя истины» («Российский писатель», 2003, №18) он объяснял, что не ставил целью развенчать автора двух поэм. Его задачей было показать, что «Путь Христа» и «Сошествие в ад» служат «красноречивой иллюстрацией *отрицательной* творческой энергии, в угоду нашему беспринципному времени активно реализуемой современной русской литературой под маской религиозности».

Осторожно — религия!

Сегодня представители нашей творческой интеллигенции, как правило, не чураются Церкви, многие называют себя верующими, во всяком случае — не атеистами. Разумеется, это не может не внушать определенную надежду на то, что и само их творчество озарится чистым пламенем веры, станет служить Высшей Истине. Но для этого надо ограничить авторское своеволие, отказаться от сознания исключительности искусства, понять, что художественное видение не имеет самодовлеющего значения и что эстетические ценности не доминируют над духовными.

К сожалению, такое понимание встречается далеко не всегда. Показательна в этой связи реакция литераторов на создание возглавляемого Святейшим Патриархом Кириллом Общества русской словесности. Светские СМИ в своем большинстве достаточно осторожно отнеслись к новой общественной структуре, но удивительно, что явные претензии к ней раздались из стана, казалось бы, патриотов — от главного редактора газеты «Завтра» А.Проханова и главного редактора газеты «День» В.Бондаренко.

Можно по-разному относиться к некоторым лицам, вошедшим в это общество. Непонятно, например, почему проблемами русской словесности озаботились кинематографисты Станислав Говорухин и Никита Михалков, причем последний, как известно, призвал изменить Закон о государственном языке, запрещающий использование матерных выражений на экране и сцене. Но Александр Андреевич по этому поводу не высказывается. Его интересует, *«как общество будет воспринимать грандиозную культуру Серебряного века, в которой для церкви хватает богопротивного. Культура Серебряного века — это драгоценная, уникальная «Инония» Есенина, творения символистов, которые во многом могут истолковываться как куртуазные, эротические, что проти-*

воречит представлениям церкви». Он опасается, как бы «церковная опека не вылилась в жесткую цензуру» («Завтра», 2016, №11).

Во-первых, такое опасение, мягко говоря, наивно. Не успела Церковь сделать первую робкую попытку защитить нашу родную речь от царящего в стране культурного беспредела, как в общество посылается сигнал: «Внимание, нам снова грозит цензура!». Во-вторых, что же, по мнению уважаемого писателя, Церковь должна благословить духовные безумства авторов «Серебряного века», практиковавших сатанизм, суицид и сатанизм? Проявить благосклонное отношение к «Инонии»? Но ведь большего кощунства над верой во Христа наша литература просто не знает. Чем же она «драгоценна» — богоборчеством?

«Почему во главе Общества русской словесности встал наш уважаемый Патриарх? — возмущается Владимир Бондаренко. — Я сам с детства православный человек, хожу регулярно в храм, но при этом Божий Храм с писательской волюницей не путаю. Знаю, что среди самых уважаемых русских писателей немало и убеждённых атеистов, и еретиков того или иного рода, и мусульман, иудеев, католиков. Куда им деваться? Значит, изгоним из русской словесности и моего покойного друга Равиля Бухараева, и Чингиза Айтматова, вычеркнем католиков Петра Чаадаева и Бориса Ширяева, не допустим знаменитых иудеев... Куда тогда деть и еретический роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова... Да и вообще в русской литературе изначально присутствуют некая фронда и вольнодумие, мистика и язычество, недопустимые для Патриарха» («День литературы». 24.03.2016).

Непонятно, чему возмущается Владимир Григорьевич. Разве Церковь не имеет права высказывать свою точку зрения на состояние русской словесности и доносить ее обществу? Или институт Церкви, по мнению критика, несовместим с демократией? Мы, кстати, это уже проходили, когда Хрущев запретил священству любую деятельность за оградой храма. А насчет того, что в русской литературе **изначально** присутствует вольнодумие, мистика и язычество, позвольте не согласиться. Едва ли корректно экстраполировать практику Серебряного века на древнерусскую литературу, на литературу XIX столетия, да и на советскую литературу. Разумеется, всегда были исключения, объясняемые творческим поиском авторов, их становлением, воспитанием, мировоззрением и т.п., но «по плодам узнаете их»: говорить об изначально мистицизме русской литературы не приходится.

И отчего это критик решил, что Общество русской словесности, не имеющее никаких директивных функций, будучи «изгоняем» тех или иных писателей? Для чего нагнетать в обществе неприязнь к Церкви? И, наконец, задам такой вопрос. Что важнее для критика, называющего себя православным: писательская волница или Высшая правда? Верность этой правде позволила русским писателям создать творения, в сравнении с которыми тот же роман «Мастер и Маргарита» не столь уж и велик. Разве не цель русского критика способствовать возрождению нашей литературы во всем ее былом величии? Или ересь и язычество дороже веры во Христа?

«Я не отрицаю божественной связи духа и плоти, таинственного сопряжения родственных чувств с матерью-землею, тоски и мук, не исчезающих и после смерти. И поэтому покойники постоянно приходят к живым, напоминая о нерасторжимости двух миров... Тут ни знания не помогут, ни церковь. Ведь никто не видел Бога, но и никто не может сказать, что Его нет». Трудно поверить, что эти слова одного из ведущих писателей патриотического лагеря Владимира Личутина («Завтра», 2016, №18) принадлежат христианину. Неужели он не знает, что Господа во время Его земной жизни видели тысячи и тысячи людей. Что по Своем Воскресении Он являлся апостолам. Что после Вознесения видеть Его удостоивались великие святые. А вот мертвых к живым Господь не отпускает, о чем свидетельствует притча о богаче и Лазаре (Лк. 16.19-31). Покойники приходят на землю в соответствии с языческими верованиями.

Увы, смешение язычества с христианством в нашей патриотической периодике — явление нередкое. Часто это происходит не по умыслу, а просто по религиозной безграмотности. В очерке Ивана Вишневского «Его негасимая Русь», написанном к столетию Георгия Свиридова («Завтра», 2015, №50), читаем: «Вообще сатанизм — это то, с чем Свиридов реально боролся во всех своих ипостасях — и как язычника, и как коммуниста, и как православного». Здесь нельзя не возразить: во-первых, Свиридов не исповедовал язычество; во-вторых, как может язычник бороться с сатаной, если языческие «божества» и есть бесы. Автор, видимо, не знает из «Повести временных лет», что когда князь Владимир крестил народ в Днепре и в Киеве были свергнуты языческие идола, «дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогнан я отсюда!.. И поставил Владимир церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна».

В том же очерке содержится такой пассаж: «Я видел правку Свиридовым текста знаменитого 103-го псалма, с которо-

го начинается одно из главнейших священных действий нашей церкви. Там выкинуто, вырезано, уничтожено всё, что касается известного государства на Ближнем Востоке. Вот так. С точки зрения канонического православия — это просто грех, но Свиридов иначе не мог». Читая эти строки, приходишь к выводу: сотрудники уважаемой газеты, пропустившие их в печать, в церковь действительно не ходят. Каждое вечернее богослужение начинается с чтения 103 псалма (он потому и называется предначинательным), но в этом гимне мирозданию ни о каком государстве речи нет и быть не может: псалом посвящен красоте мира, сотворенного Богом.

Незнание азбучных истин в вопросах веры тем более небезобидно, когда оно тиражируется массовыми тиражами: доверчивые читатели примут ошибки или авторские фантазии за чистую монету, например, поверит Владимиру Бондаренко, что поэзия Лермонтова «была наднебесной», потому что вся она пронизана «мистическим космизмом» (следовательно, «наднебесный» космос выше Горнего Иерусалима), и якобы глубинно связана с Ницше, потому что оба родились под знаком Весов. Удивляешься широте взглядов «с детства православного человека»: в одном абзаце и эзотерика, и астрология, и ницшеанство...

Православная Церковь учит: без благоговения нет общения с Богом. Ну, здесь не о благоговении речь, а о том, чтобы хотя бы не было кощунства и неправды. Лермонтов сказал о себе: «И в небесах я вижу Бога». Встать перед Богом — вот задача! И если мы ее осознаем, мы сможем выполнить задачу, которую предельно четко сформулировал Валентин Непомнящий: «Заново постигнуть себя, обрести целостное понимание феномена русской культуры как такого явления, которое вне религиозной своей природы и традиции не имеет смысла, а значит, и необходимости существовать».

РАССКАЗЫ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ

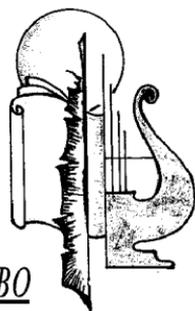
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕСТЕРОВ
(1862 — 1942)

Отмечая исключительность дарования Михаила Нестерова, критик В.В. Розанов подчеркивал: «Его картины — это не религиозный жанр и не народные сцены возле религии, Нестеров вынул из сердца русского человека молитву в особых обстоятельствах и свою личную и облек ее в краски».

Личная молитва, и именно в особых обстоятельствах, пришла к Нестерову, когда он лишился горячо любимой жены. Милая его Маша, с которой так счастливо прожили год, родила дочку Оленьку, но заболела и уже не смогла оправиться. Приглашали лучших докторов, но те, осмотрев больную, уходили мрачными. Как он молился за нее! Так уже никогда не молился...

«Жизнь, наконец, осталась только в ее глазах, в светлой точке, которая постепенно заходила за нижнее веко... Я остался с моей Олечкой, а Маши уже нет, нет и недавнего счастья, такого огромного, невероятного счастья! Наступило другое, страшное, непонятное...»

Похоронили жену Нестерова в Даниловом монастыре. Приехал дядя, хороший, добрый человек, предложил увезти девочку с собой в

ИСКУССТВО

Тверскую губернию, где будет за ней догляд и уход. «Дядюшка достал плетеную корзиночку, уложил в нее мою дочку и увез».

Михаил Васильевич остался один, опустошённый. Только искусство было с ним, и он отдавался ему до последней кровинки, веря, что через искусство сможет отыскать ответ на то, что случилось. Это был долгий путь, тяжелый, но именно он привел художника к написанию картины «Видение отроку Варфоломею». Художник взял для картины момент из детства великого русского святителя Сергия Радонежского, чья спокойная, чистая жизнь наполнила собой почти столетие.

Сергий (в миру Варфоломей) родился в тревожное для России время: татарщина ложилась камнем на сердце народа, ханы властвовали. Чуть что — карательная экспедиция, зверства, грабежи, насилие и кровь. Но и в самой России шел процесс мучительный: «собрание земель». Это делалось тоже не всегда чистыми руками. Народ роптал, волновался, жаловался. Говорили... что Москва тиранствует.

Семилетний Варфоломей из небогатой боярской семьи отыскивал жеребят, которые забрели куда-то и пропали. Бродил по полям и лесу, по берегу ростовского озера, кликал, похлопывал бичом... Под дубом встретил старца черноризца, не догадываясь, что это святой. Плянув на пастушонка, старец «признал в нем сосуд избранный». Вынув из-за пазухи просфору, благословил его Варфоломея и велел съесть.

— Это дается тебе в знак благодати.

Варфоломей всегда был задумчивым, созерцательным ребенком, а теперь стал настоятельно просить родителей отдать его в монастырь. Отец не пускал, и он еще несколько лет жил в родительском доме. Потом ушел далеко в лес, выбрав место на небольшой площадке, которая высилась как церковная маковка; поселился там. Поначалу было страшно. В церковке, срубленной Варфоломеем и его братом, не захотевшим остаться в лесу, Варфоломею виделись бесы. Были они в литовских шапках. Литовцы нападали на русские княжества и разоряли их. Киев уже был захвачен литовцами, народ ненавидел их и боялся не меньше татар; и в кротком уединении мерещились Сергию «бесы».

Но как ни одинок был в ту пору преподобный, слухи о его пустынничестве шли. К нему стали являться люди, прося взять к себе. Построили двенадцать келий. Обнесли тыном. Жили тихо и сурово. Так проходили годы. Монастырь рос, сложнел. Сергий был прост, беден, нищ и равнодушен к благам. По виду его можно было принять за последнего из монастырских послушников, однако тихое его слово было слышно далеко по Руси. Братия настояла, чтобы Сергий стал игуменом.

А в Москве великий князь Дмитрий (Донской) возвел каменный Кремль. «Всех князей русских стал подводить под свою волю, а которые не повиновались, на тех начал посягать». Дмитрий хотел объединить под началом Москвы разобщенные русские княжества и дать, наконец, отпор ненавистной Орде и литовцам, нагло рвущимся к Москве. Он и так не слишком считался с ханами, и хан Мамай, решив покончить с непокорным Дмитрием, собрал волжскую орду, нанял хивинцев, ясов и буртасов, сговорился с генуэзцами, литовским князем Ягайло — и летом 1380 года заложил свой стан в устье реки Воронежа.

Время для Дмитрия было крайне сложное. Митрополит Алексей умер, митрополит Митяй уехал к патриарху в Константинополь. За благословением на страшный бой великий князь Дмитрий отправился к Сергию.

До сих пор преподобный Сергей был тихим отшельником, тружеником, скромным игуменом и воспитателем. Теперь он стоял перед трудной задачей: благословения на кровь. Но на трагической земле идет трагическое дело, и он благословил ту сторону, которую считал правой. Он не *за* войну, но раз она случилась — *за* русский народ и *за* Россию.

Начался молебен в Лавре. Во время службы прибывали вестники — война и в Лавру шла, — докладывали о движении врага, предупреждали торопиться. Сергей упросил Дмитрия остаться к трапезе.

— Тебе, — сказал он ему после трапезы, — следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить по образу самого Христа. И Бог не пропустит Орду одолеть нас. Иди, не бойся.

8 сентября 1380 года. Хмурый рассвет. Дон и Непрядва, Куликово поле. Русь вышла в степь мериться со зверем степи! Единоборство Куликова поля вышло из размеров исторических. Создало легенду. Битва была — особая. Столкновение миров!

Предсказание Сергия исполнилось: Дмитрий возвратился в Москву победителем. Самая победа была грандиозна, и значение ее, прежде всего — моральное! В поединке Руси с ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России.

Для Михаила Васильевича работа над «Видением отроку Варфоломею» стала огромным шагом к стойкой вере в победу света. Чего бы то ни было, но надо жить с верой и достойно и всегда помнить, что жизнь не кончается сегодня. В дни работы ему приснилось два сна. Первый — высокая, до самых небес, лестница. Он поднимается по ней всё выше, выше, к облакам. Второй — картина «Видение отроку Варфоломею» в

Третьяковской галерее, висит в Ивановском зале. Повешена прекрасно, почетно. Оба сна оказались пророческими. Прошел год, картина действительно висела в Третьяковской галерее и даже именно в том зале, который видел во сне художник. «Варфоломей» высоко вознес Михаила Васильевича, прославив его имя.

Позже, когда Нестеров работал над полотном «Труды преподобного Сергия», произошло еще одно удивительное событие: художник боялся писать лицо Сергия, оно мерещилось ему только смутно. В конце концов чутье подсказало, что Сергия надо писать с рыжеватой бородой. Каково же было состояние Нестерова, когда в 1920 году при вскрытии мощей преподобного старца художник своими глазами увидел, что борода у Сергия была рыжеватой.

В 1890 году профессор Прахов, заведовавший росписью Владимирского собора в Киеве, пригласил Михаила Васильевича принять участие во внутреннем оформлении храма. Художник колебался; он, как и многие тогда, знал о работах Васнецова во Владимирском соборе, был им увлечен, но в планах Нестерова была новая картина, и, кроме того, он собирался в Петербург.

И всё же Прахов уговорил его. Художник выехал в Киев. Был поражен, увидев громадную стройку собора! Куда-то спешили запыленные люди, таскали бревна, стучали топорами, били молотками по камню... Тысячи звуков взлетали ввысь. А в соборе — леса, леса, и в промежутках то там, то сям виднелись орнаменты. Нестеров шел по лесам со страхом — пропасть под ним всё увеличивалась, перил никаких, голова закружилась.

Наконец-то достиг площадки, где работал Виктор Михайлович. Заслышав шаги, Васнецов обернулся, оставил палитру на запыленном бревне и быстро пошел навстречу. Художники обнялись. После приветствий Виктор Михайлович показал огромную стену, которую предстояло расписывать Нестерову. А вечером того же дня Нестеров был у него в гостях.

Семья Васнецовых жила очень скромно, да иначе быть не могло — титанический труд художника оплачивался более чем умеренно. За все десять лет работы в соборе Васнецов получил 40 тысяч рублей, причем позолота, а ее было много, полагалась на его счет. Даже подрядчики-иконописцы брали тогда дороже! Если бы Павел Михайлович Третьяков не приобрел у Васнецова картину «Иван-царевич на Сером волке», то едва ли художник, окончив работы в соборе, сумел бы свести концы с концами.

В Киеве Михаилу Васильевичу предстояло прожить много лет. Кроме росписей в соборе, которые принесли ему зас-

луженное имя, он писал картины. Был увлечен жизнью старообрядцев, и создал свой знаменитый цикл, где сверкала жемчужиной картина «Великий постриг». На фоне пологих холмов, поросших елями, стоят деревянные домики — кельи монахинь. По узкой улице движется медленная процессия женщин, одетых в черные рясы. Впереди — юная девушка в сарафане и платке, повязанном по-старообрядчески.

Создавая эту картину, художник держал в памяти другую картину — из романа «В лесах» Мельникова-Печерского.

«Немало в ноченьки тайные было любовных речей перемолвлено, немало с милым дружкой бывало сижено, по полям, по лугам похожено, по рощам, по лесочкам погуляно. Раздавались, расступались кустики ракизовые, укрывали от людских очей стыд девичий, счастье молодецкое. Лес не видит, поле не слышит, а людям не на что знать.

Засылал добрый молодец сватов к отцу девицы: разузнать, какие мысли насчет дочери держит, даст ли благословение за него замуж пойти? «Не по себе дерево клонит, — отвечал отец. — Сыщем зятя почище его».

И вот стоит дочь перед отцом, точно в землю вросшая. Стыд ее девичий сарафаном не спрятать.

— Говори, бесстыжая, говори, не то разражу!..

— Батюшка! — помертвела.

Поглядел, плюнул и велел работнику лошадей запрягать, — сам повезет дочь в раскольничий скит.

— Береги ее, мать Платонида, глаз не спускай, — передал игумень с рук на руки. — Чтоб из кельи, опричь часовни, никуда ноги не накладывала, и чтоб к ней никто не ходил. А это тебе, матушка, платок драдедамовый, китайки на сарафан, сукно на шубу, икры бурак, сахару голову, чаю фунт, меду сотового.

Не видит девица в скиту света белого. Скит что острог: частоколом обнесен, окошками в лесную глушь смотрит. В трапезную все разом идут, уставные поклоны кладут, слушают заунывное чтение синаксари. А на столе — горох с лапшой. Игуменья после трапезы чай пьет у себя в покоях, к чаю балык и свежие булки. Остальные — за работу садятся. Лён и шерсть прядут, шелками вышивают, синелью по канве, золотом по бархагу, книги древние переписывают. Не на себя работают, на скит. Игуменья те работы в подарок скитским благодетелям отвезет, а они сторицей ее отдарят.

Клетка! Одно только и есть в ней окошко — в природу. Сколько звуков там, сколько чувств! Там все в празднике звонком, там каждая пташка парой живет и гнедо свое строит, — песни с утра до ночи!

Но и в скит, в тюрьму, не всякую девицу примут. Без денег не допускают к спасению. Разве что в черные трудницы — работницы вечные. За двоих работает каждая. Скит — большое хозяйство. В черных трещинах руки у трудниц, корявы и жилисты — на богатых сестер во Христе день и ночь спину гнут.

Тайной ноченькой дитя родилось у девицы. Глянуть не дали, увезли куда-то. А вокруг весна, жизнь из каждой ложбинки и почки на свет торопится, а девица заживо с жизнью прощается. Заживо отпоют ее, мирского человека. Выстригут крест на маковке, облекут в одежды черные, станет она инокиней, век будет вековать в постах и молитвах. Лучше б в могилу сразу! Мечется инокиня в душевной келье, головой бьется о стену: зачем не послушалась милого дружка, не вышла замуж «уходом», повенчавшись в православной церкви? Батюшка бы простил, когда бы в ноги ему поклонилась, с родным внуком к нему пришла.

Строгий пост, удручение плоти. Реже и реже встает в памяти милый друг, — высохла, вытянулась инокиня. Отжила для мира. Затихло горячо любившее сердце»...

...«Я окончил картину «Великий постриг», — читаем в воспоминаниях Нестерова. — Она помогла мне забыть мое горе, мою потерю, она заполнила всё существо мое. Я писал с каким-то страстным воодушевлением!»

Он многое в своем творчестве склонен был объяснять событием личной жизни: потрясшей его смертью жены Машеньки. Он, как та девица, отданная отцом «на исправление» в скит, тоже был влюблен. Родители не хотели Машу, и он женился поперек их желания. Но когда Маша умерла, родители всё поняли, слезами омыли свое упрямство, молили прощения у сына, и он просил у них прощения за себя и за Машу.

В «Великом постриге» — глубокая человеческая драма. Стройные девушки с тонкими, строгими лицами. Одна — совсем девочка, сирота, которую отдают в скит, избавляясь от лишнего рта. Какими же мрачными выглядят одежды монахинь, сопровождающих девушек под иноческие ножницы! Как страшны, должно быть, «голубицам» тяжелые удары церковного била! Похоронная процессия.

Но красота весенней природы дарит надежду: из скитов тоже случались «уходы», и, может, кому-то из «голубиц» повезет, еще наладится их молодая жизнь.

Интимность и поэтическая торжественность были главными чертами творчества Нестерова. Он избегал изображать так называемые сильные страсти, предпочитая им тихий пейзаж и человека, живущего внутренней жизнью. Полотно «Великий постриг», показанное в Петербурге на Передвижной

выставке, встретило восторженный прием. Даже противники творчества Нестерова признали, что «в этом реквиеме по несбывшемуся счастью» художник поднялся до небывалой высоты. Прямо с выставки картина отправилась в музей Александра III.

За работой и хлопотами Михаил Васильевич не часто навещал дочь. Она жила в Уфе у его родителей, и они души в ней не чаяли. В старый быт купеческой семьи Оля вдохнула новую жизнь. Нестеров страстно желал, чтобы дочь была с ним, но Оля не отличалась здоровьем и до двенадцати лет оставалась с дедом и бабушкой. Наконец он забрал ее, устроил в киевский институт благородных девиц. Навещал, и она радостно выбегала к нему то с голубым, то с розовым бантом на плече, а иногда и двумя — за успехи в языках французском и немецком. Каникулы девочка проводила дома с отцом.

Но вот случилось, что после очередных каникул одна из воспитанниц занесла в институт скарлатину. Заболело сразу несколько девочек и среди них — Оля Нестерова. Уход за ней был исключительный, но жизнь висела на волоске. Приехала из Уфы сестра Михаила Васильевича, ей разрешили быть возле больной.

Проходили дни, недели, температура стояла высокая, болезнь кинулась девочке на уши, почки, осложнилась дифтеритом. Пошли одна за другой операции. «Олюшка лежала с головы до ног забинтованная, как Лазарь в гробе. В моей девочке у меня оставалась последняя надежда на счастье, последнее воспоминание о Маше. Чего-чего я не передумал в те дни, недели, месяцы...»

С сентября по январь болезнь неустанно угрожала больной, и Михаил Васильевич жил под постоянной угрозой потерять свою дочь. Девять месяцев болела Оля. Потом он увез ее в Крым.

Снова девочка была здорова, но долгая болезнь, перенесенные сложнейшие операции наложили неизгладимую печать на ее чело. В характере ее появились такие черты, каких никогда прежде не замечалось: задумчивость и строгость.

Осенью 1906 года Нестеров написал портрет Ольги. Причиной, побудившей к тому, был страх потерять дочь: из-за резкого ухудшения слуха она вновь перенесла опасную операцию. В картинах, портретах Михаил Васильевич создавал свои, «нестеровские» образы. «Правду художественную я признаю индивидуальной», — говорил он. Жизнь определила для него черты и грани внутреннего мира человека, и он раскрывал их в своих полотнах. Ольга — в костюме амазонки, но это глубоко русская девушка. Не зря Михаил Василь-

евич выбрал вечер и берег реки. В прозрачной воде, словно в зеркале, отражаются мысли и чувства Ольги.

«Портрет дочери» — редкостный по благородной простоте и вместе с тем изысканнейший портрет-картина.

После Киева Михаил Васильевич работал на росписях храмов в Грузии, Москве, Петербурге, Сумах... Написанные им образы были проникнуты светом и грустью. Одновременно писал картины о Соловецком монастыре, где побывал в 1901 году. Эти картины — круг жизни. Художник ратовал за возрождение религиозной живописи, полагая, что единственный верный путь для русского народа — это всеобщее духовное примирение.

Увы, соловецкий цикл не нашел достойного отклика в русском обществе. Не были поняты религиозно-нравственные искания Нестерова. Художника стали обвинять в «утопичности взглядов». Однако, как показало время, Нестеров видел глубже и прозорливей тех, кто критиковал его, он *чувствовал* приближающуюся трагедию.

Революцию 1917 года Михаил Васильевич не принял; тем не менее, воздерживался от прямого протеста. Его положение стало двойственным. С одной стороны, он был окружен уважением как ветеран русского искусства, с другой — работал в условиях строгой цензуры. Его картины, написанные до революции, допускались теперь только на «экспортные» выставки, а единственная персональная выставка в России была устроена как шестидневное мероприятие закрытого типа.

Нестеров начал писать портреты деятелей науки и культуры — но тех, у кого был высок духовный уровень. Заказных портретов не принимал. Никогда не шел на сделку с совестью. В 1938 году был арестован и две недели провел в Бутырской тюрьме. Причиной ареста явилось обвинение его зятя в шпионаже. Зять был расстрелян, дочь Ольга отправлена в ссылку в Дамбул. Вернулась она через три года.

Ее возвращение стало и радостью, и болью для Михаила Васильевича: дочь вернулась калекой, передвигаясь только на костылях. Она так и не получила художественного образования, но, как золотошвейки XVI века, вышивала шелком на полотне картины, которые было невозможно отличить от акварели. Впрочем, скоро стало не до картин: грянула Великая Отечественная война. Михаил Васильевич смог еще увидеть, как гнали фашистов от Москвы, узнать о беспримерном подвиге советских людей, — и жизнь его оборвалась.